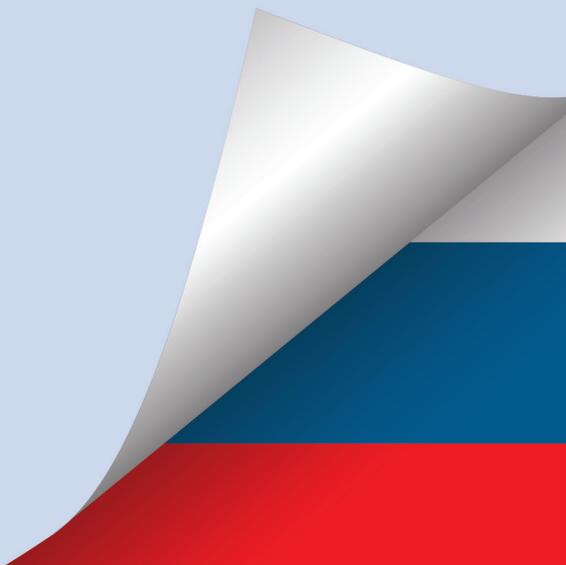

2022. Т. 14. № 2

ISSN 2219-6242 (Print)

Научный журнал
**СОЦИОЛОГИЯ
И ПРАВО**

ISSN 2219-6242 (Print)

DOI 10.35854/2219-6242

Научный журнал

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

2022. Т. 14. № 2

Scientific Journal

SOCIOLOGY AND LAW

2022;14(2)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ

директор Юридического института Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент

Заместитель главного редактора

А. Б. ЧЕРНЫХ

доцент кафедры трудового права и социального обеспечения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат социологических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г. А. о. АГАЕВ

профессор кафедры уголовного права и таможенных расследований Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. БЕРГМАНН

член ученого совета Европейской академии наук и искусств, руководитель рабочей группы «Наука и образование» форума «Петербургский диалог» с германской стороны, доктор юридических наук, профессор (Берлин, Германия)

А. А. БЕСЧАСТНАЯ

профессор кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. БОЕВ

декан юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Санкт-Петербург, Россия)

С. С. БРАЗЕВИЧ

профессор кафедры международных отношений, медиологии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. БУТЕЛЬ

профессор кафедры гражданского и международного частного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (Санкт-Петербург, Россия)

И. И. ЕЛИСЕЕВА

заведующий сектором Социологического института РАН, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Н. Н. ЖИЛЬСКИЙ

заведующий кафедрой правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. КЕЧИНА

председатель Совета по защите докторских диссертаций по социологическим наукам Белорусского государственного университета, доктор социологических наук, профессор (Минск, Беларусь)

В. А. КЛИМЕНКО

советник департамента гуманитарного сотрудничества, общеполитических и социальных проблем Исполнительного комитета СНГ, кандидат экономических наук, доктор социологических наук, профессор (Минск, Беларусь)

С. Ю. КОСАРЕВ

заведующий кафедрой криминалистики Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Я. А. МАРГУЛИЯН

профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. МАРКОВ

заведующий кафедрой международных отношений, медиологии, политологии и истории Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. В. МИШАЛЬЧЕНКО

профессор кафедры государственного и международного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. М. ОГАНЕСЯН

профессор кафедры правоведения Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Н. Н. ПОКРОВСКАЯ

профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. СИЛИНА

профессор кафедры гражданского процессуального права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

А. Г. ТЮРИКОВ

руководитель департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета, доктор социологических наук, профессор (Москва, Россия)

В. Б. ШАБАНОВ

заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Минск, Беларусь)

SOCIOLOGY AND LAW 2022;14(2)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief

E. V. VOSKRESENSKAYA

Director of the Juridical Institute of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor

Deputy Editor-in-Chief

A. B. CHERNYKH

Associate Professor at the Department of Labor Law and Social Security, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, PhD in Sociology

EDITORIAL BOARD

G. A. o. AGAEV

Professor at the Department of Criminal Law and Customs Investigations of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

W. BERGMANN

Member of the Senate of the European Academy of Sciences and Arts, Head of the Science and Education task group at the St. Petersburg Dialogue Forum from the German side, Doctor of Law, Professor (Berlin, Germany)

A. A. BESCHASTNAYA

Professor at the Department of History, Philosophy, Political Science, and Sociology of the Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

V. M. BOER

Dean of the Faculty of Law of the St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

S. S. BRAZEVICH

Professor at the Department of International Relations, Media Studies, Political Science, and History of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

N. V. BUGEL

Professor at the Department of Civil and International Private Law of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

I. I. ELISEEVA

Sector Manager of the Sociological Institute of the RAS, Doctor of Economics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

N. N. ZHILSKIY

Head of the Department of Legal Regulation of Urban-Planning Activities and Transport of St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

E. A. KECHINA

Chairman of the Council for the Defense of Doctorates in Sociology of the Belarusian State University, Doctor of Sociological Sciences, Professor (Minsk, Belarus)

V. A. KLIMENKO

Advisor to the Department for Humanitarian Cooperation, General Political and Social Problems of the CIS Executive Committee, PhD in Economics, Doctor of Sociological Sciences, Professor (Minsk, Belarus)

S. Yu. KOSAREV

Head of the Department of Criminology of the Institute of Humanities of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Ya. A. MARGULYAN

Professor at the Department of Sociology and Personnel Management of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

A. A. MARKOV

Head the Department of International Relations, Media Studies, Political Science, and History of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg, Russia)

Yu. V. MISHALCHENKO

Professor at the Department of State and International Law of the St. Petersburg State Maritime Technical University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

S. M. OGANESYAN

Professor at the Department of Law of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

N. N. POKROVSKAIA

Professor at the Department of Public Relations and Advertising of the Herzen University, Doctor of Sociological Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. SILINA

Professor at the Department of Civil Procedure Law of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg, Russia)

A. G. TYURIKOV

Head of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Doctor of Sociological Sciences, Professor (Moscow, Russia)

V. B. SHABANOV

Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Doctor of Law, Professor (Minsk, Belarus)

Редакция

Руководитель издательско-полиграфического центра СПбУТУиЭ О. В. ЯРЦЕВА
Выпускающий редактор В. В. САЛИНА
Редактор-корректор Е. С. ЧУЛКОВА
Компьютерная верстка М. Ю. ШМЕЛЁВ

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»

Адрес редакции и издателя

190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а. Тел.: (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором), регистрационный номер ПИ № ФС77-67818 от 28.11.2016.

ISSN 2219-6242 (Print)

© Все права защищены.

Сайт журнала: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Типография

Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а

Подписка

Каталог АО «Почта России». Подписной индекс: ПП620

Издается с 2009 г. Периодичность: четыре раза в год. Свободная цена.

По вопросам приобретения обращаться в издательство СПбУТУиЭ

Сдано в набор 01.06.2022. Формат 84×108¹/₁₆.

Дата выхода в свет 30.06.2022.

Бумага офсетная.

Уч.-изд. л. 9,12. Усл. печ. л. 15,81.

Тираж 100 экз. Заказ № 829.

Уважаемые авторы и читатели журнала!

Журнал «Социология и право» включен в перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнениями авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Социология и право» обязательна.

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в международную справочную систему по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в сети Интернет по адресу <https://elibrary.ru/> (научная электронная библиотека) РИНЦ — база данных, содержащая библиографическую информацию, извлеченную из текста статей, а также пристайейных ссылок (списков литературы).

Editorial staff

Head of Publishing and Printing Center O. V. YARTSEVA
Managing Editor V. V. SALINA
Copy Editor E. S. CHULKOVA
Pre-Press M. Yu. SHMELEV

Founder and Publisher

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

Official address of the Editoriat Office and Publisher

44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia. Phone (812) 449-08-33.
E-mail: izdat-ime@yandex.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Reg. PI No. FS77-67818 (28.11.2016)

ISSN 2219-6242 (Print)

© All rights reserved.

Web-site: <https://spbume.elpub.ru/jour/>

Printing office

Publishing and Printing Center of the St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics,
44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia

Subscription

Catalogue "Russian Post". Subscription index: PP620

Published since 2009. Frequency: four times a year. Free-of-control price.

For purchase request, contact the publishing house of the UMTE

Sent to the printer 01.06.2022. Format 84×108¹/₁₆.

Release date 30.06.2022.

Offset paper.

Published pages: 9,12.

Conventional printed pages: 15,81.

Circulation 100 copies. Order No. 829.

Distinguished authors and readers of the magazine!

The magazine «Sociology and Law» is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals, recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of the main scientific dissertations for doctorate and PhD academic degrees.

The point of view of the editorial office may not coincide with the opinions of the authors of the articles.

When reprinting the link to the magazine "Sociology and Law" is obligatory.

The information concerning editions and publications is included in the international reference system for periodicals and continuing publications "Ulrich's Periodicals Directory".

The articles of the magazine are included in the Russian Science Citation Index (RSCI), available on the Internet by the link: <https://elibrary.ru/> (scientific electronic library) RSCI is the data base, including bibliographic information extracted from the text of articles and article references (list of references).

СОДЕРЖАНИЕ

Социальные проблемы общества

<i>Чечулин А. В., Малявин С. Н., Лёгостев А. В.</i> Социологическое исследование: как фактор «базового» образования влияет на образовательные подходы в сфере управления	124
<i>Бобровничай И. Н.</i> Виктимологические аспекты преступлений против личности: социологический анализ	130
<i>Позднякова М. Е., Брюно В. В.</i> Пандемия COVID-19: как изменялся наркобизнес в России и за рубежом	140
<i>Афанасьев А. А.</i> Социологические и правовые основы жизненного мира российского села: теоретико-методологический и сущностный аспект	155
<i>Поречный Е. М., Макроменко В. Д.</i> Некоторые особенности региональных организованных групп или преступного сообщества мегаполисов: социально-криминологический аспект	164
<i>Терехин А. С.</i> Влияние информационных технологий на формирование профессионально-ценностных ориентаций студенческой молодежи: возможности и риски	174

Право в жизни государства и личности

<i>Жильский Н. Н., Иванов И. И.</i> Теория и практика участия населения России в градостроительной деятельности (на примере Ленинградской области)	183
<i>Гуменюк Г. Х., Святогорова А. Э.</i> Конституционно-правовые пределы реализации государственной власти в современной России	192
<i>Новицкий В. А., Новицкая Л. Ю.</i> Институт рецензирования заключения эксперта	199
<i>Кузьмин А. В., Грызунова Е. В., Смирнова Е. М.</i> Цифровые технологии в правовой сфере	207
<i>Макаров Д. А., Маюров Н. П., Сабирова А. К.</i> Административная ответственность за нарушение правил пожарной безопасности в России	214
<i>Шаряпова Э. А.</i> К вопросу о реализации права на жилище в современных условиях	223
<i>Мадыгина О. А., Есаков А. В.</i> Восстановление корпоративного контроля: основания и условия применения	229
<i>Портнова А. А., Орлова Н. В.</i> Актуальные проблемы ограничения реализации конституционных прав граждан в условиях введения специальных административно-правовых режимов в России	236

CONTENTS

Social Problems of a Society

<i>Chechulin A. V., Malyavin S. N., Legostev A. V.</i> Sociological research: How does the factor of “basic” education affect educational approaches in the field of management	124
<i>Bobrovnichiy I. N.</i> Victimological aspects of crimes against the person: Sociological analysis	130
<i>Pozdniakova M. E., Bryuno V. V.</i> Drug trafficking in Russia and in the world during the pandemic COVID-19	140
<i>Afanasiev A. A.</i> Legal foundations of the life world of the Russian village: Theoretical, methodological and essential aspect	155
<i>Porechny E. M., Makromenko V. D.</i> Some features of regional organized groups or the criminal community of megapolis: Socio-criminological aspect	164
<i>Terekhin A. S.</i> Influence of information technologies on the formation of professional and value orientations of students: Opportunities and risks	174

The Law in a State and Person Life

<i>Zhilskiy N. N., Ivanov I. I.</i> Theory and practice of participation of the population of Russia in urban planning activities (on the example of Leningrad Region) ...	183
<i>Gumenyuk G. Kh., Svyatogorova A. E.</i> Constitutional and legal limits of the exercise of state power in modern Russia	192
<i>Novitsky V. A., Novitskaya L. Yu.</i> Institute for reviewing expert opinions	199
<i>Kuzmin A. V., Gryzunova E. V., Smirnova E. M.</i> Digital technologies in legal sphere	207
<i>Makarov D. A., Mayurov N. P., Sabirova A. K.</i> Administrative responsibility for violation of fire safety rules in Russia	214
<i>Sharyapova E. A.</i> On the question of the realization of the right to housing in modern conditions	223
<i>Madygina O. A., Esakov A. V.</i> Restoration of corporate control: Grounds and conditions of use	229
<i>Portnova A. A., Orlova N. V.</i> Actual problems of restriction of implementation constitutional rights of citizens in the context of the introduction of special administrative and legal regimes in Russia	236

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА SOCIAL PROBLEMS OF A SOCIETY

Научная статья

УДК 316.74:378

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-124-129

Социологическое исследование: как фактор «базового» образования влияет на образовательные подходы в сфере управления

Алексей Викторович Чечулин^{1, 2✉}, Сергей Николаевич Малявин³,
Андрей Викторович Лёгостев⁴

¹ Северо-Западный институт управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, chchulindom@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-7643-3679>

² Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» имени В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

³ Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, malyavins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3682-1156>

⁴ Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия, andrey.logostev@gmail.com

Аннотация. В статье авторы обращают внимание на то, что в Советском Союзе не осуществлялась подготовка кадров для рыночной экономики. Поэтому инициативы открыть новые образовательные программы в переходный период после распада СССР в вузах обычно исходили от активных преподавателей, ориентированных на использование международного образовательного опыта, как правило, имевших гуманитарное или другое непрофильное образование. Утверждается, что многие из основателей будущих научно-образовательных школ осваивали собственную новую специальность на рубеже XX–XXI вв. самостоятельно, читая доступные немногочисленные переводные книги, работая в практических проектах по данному профилю (возглавляя нередко отделы маркетинга, PR, правовую и кадровую службы в вузах).

Ключевые слова: первичное образование, научная школа, менеджмент, маркетинг, самообразование, академическая карьера, интервью

Для цитирования: Чечулин А. В., Малявин С. Н., Лёгостев А. В. Социологическое исследование: как фактор «базового» образования влияет на образовательные подходы в сфере управления // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 124–129. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-124-129>

Sociological research: How does the factor of “basic” education affect educational approaches in the field of management

Aleksey V. Chechulin^{1, 2}, Sergey N. Malyavin³, Andrey V. Legostev⁴

¹ North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, chechulindom@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7643-3679>

² St. Petersburg Electrotechnical University “LETI”, St. Petersburg, Russia

³ The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, malyavins@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3682-1156>

⁴ Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia, andrey.logostev@gmail.com

Abstract. In the Soviet Union, for well-known reasons, training for a market economy was not carried out. Therefore, initiatives to open new educational programs in the transition period after the collapse of the USSR in universities usually came from active, focused on the use of international educational experience, teachers, as a rule, who had a humanitarian education. Many of the founders of future scientific and educational schools mastered their own new specialty independently, reading the few translated books available, sometimes working in practical projects in this profile (usually also heading marketing, PR, legal and personnel services in their universities).

Keywords: primary education, scientific school, management, marketing, self-education, academic career, interview

For citation: Chechulin A. V., Malyavin S. N., Legostev A. V. Sociological research: How does the factor of “basic” education affect educational approaches in the field of management. *Sociology and Law. 2022;14(2):124-129.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-124-129>

Введение

Российское образование в области управления при всей идейной содержательной общности с мировым образовательным процессом имеет свою специфику. Речь идет не только о необходимости органичной связи между университетским обучением и рыночной практикой. Как правило, за рубежом коллективы, осуществляющие обучение по данным специальностям, возглавляют признанные профессионалы с профильным образованием, научным бэкграундом, опытом практической и экспертной работы. В России же на этапе становления рынка и системы образования, в том числе обучения управленческим специальностям, во главе как рыночных, так и академических организаций (подразделений) встали активные и яркие представители новых подходов, которые они лишь были намерены разработать в будущем. Поэтому нам представляется важным исследовать то, как фактор базового образования основателей и первых руководителей профильных выпускающих кафедр, формировавших кадровый состав, повлиял на создание научно-образовательных школ, выбор базовых методологических подходов и существовавших за рубежом доктрин, формат методической и аудиторной работы, характер взаимодействия с профильным рынком и работодателями. Задача настоящего исследования состоит в установлении корреляции между исходным образованием и характером деятельности основателей научно-образовательных школ, возникших

в период после распада СССР, и системой методологии, идей, концепций, ментальных ценностей, установившихся в данной локальной школе (как правило, том или ином университете) под их влиянием [1].

Как известно, выпускники филологических факультетов отличаются предельным вниманием и старательным изучением литературы, относящейся к преподаваемым предметам (уже на новом для себя факультете), вниманием к тексту и процессу редактирования. Этого же требуют и от студентов. Преподаватели с дипломами исторических факультетов, как правило, акцентируют внимание на исторических аспектах, а военнослужащие в отставке — на вопросах безопасности, дисциплины, управляемости.

Методы

Настоящая статья построена на основе социологического исследования авторов. Эмпирические данные получены в процессе свободных интервью. С 2017 по 2021 г. в трех федеральных округах опрошены 147 респондентов. В их числе — вузовские преподаватели образовательных дисциплин, относящихся к категории «управления» (среди учебных направлений — менеджмент, маркетинг, управление персоналом, государственное и муниципальное управление, связи с общественностью, экономика и управление и др.). Выборка репрезентативна для трех федеральных округов (Северо-Западного, Уральского, Сибирского) по полу, возрасту, профессиональному статусу, то есть соответствует соотношению докторов и кандидатов наук. Тем не менее исследование, на наш взгляд, является качественным и пилотажным. Результаты его могут послужить основой при формулировке гипотез для последующих количественных и панельных исследований.

Результаты

Предпринятый нами анализ эмпирических данных об «интеллектуальном и профессиональном происхождении» основателей научно-образовательных школ в российских вузах, создавших образовательные программы, связанные с менеджментом и иными управленческими дисциплинами, приводит к ряду утверждений. В частности, в классических вузах управленческо-экономического профиля, функционировавших еще во времена Советского Союза, в период становления рыночной экономики существовала преемственность, сохранились методологические и иные академические традиции, школы. Преобразованные под задачи коммерческого сектора давно существующие факультеты в постсоветское время возглавили, как правило, собственные выпускники, разделявшие такие же взгляды в профессиональной сфере, как и у большинства коллег.

Вместе с тем в вузах, не имевших ранее лицензий на обучение и создававших управленческие специальности «на пустом месте», инициативу по созданию подобных программ брали на себя разные люди, многие из которых не имели профильного образования, но были в той или иной степени связаны с управленческой деятельностью. Среди них — инициативные гуманитарии, бывшие военнослужащие, партийные и комсомольские работники и т. д. Они не только приводили на кафедры своих давних знакомых, в том числе без соответствующего образования, но и приносили собственный жизненный опыт, специфические знания, склонность к определенной интеллектуальной активности, ментальные и даже поведенческие нюансы.

В конце XX — начале XXI в. в Санкт-Петербурге сформирована сильная и признанная в России школа PR-образования. Во всех ведущих вузах открылись выпускающие кафедры связей с общественностью (позднее — и рекламы). Одной из особенностей образовательного процесса стала сильная гуманитарная составляющая. Одновременно, особенно на первых этапах, собственно прикладные профессиональные компетенции преподавали хуже ввиду дефицита знаний у педагогов. Они, не имея необходимых практических навыков, преподавали зачастую так, как могли, и говорили о том, что знали, адаптировали под название читаемого предмета свое исходное образование, интерпретируя прочитанные книги и материалы о предмете в интернете в соответствии с существующей в их сознании парадигмой [2].

Обсуждение

Постепенно ситуация улучшалась. Складывался отечественный рынок, в составе кафедр появлялись практики, то есть сотрудники коммерческих и иных организаций. Многие преподаватели стали участвовать в реальных проектах, позднее на кафедры пришли собственные выпускники. К этому времени сформированы традиции, основные методы обучения. И влияние основателей ведущих кафедр, их взглядов и методов работы, хотя в большинстве случаев они уже не возглавляют коллективы, остается значительным. К тому же чаще всего решения об открытии кафедр (образовательных программ) принимали в ограниченные сроки, накануне начала учебного процесса. Это в условиях слабого знания (в тот момент) только что назначенными руководителями своей специальности и соответствующего рынка приводило к появлению в составе кафедр сотрудников, которые при более существенном подходе не в полной мере соответствовали требованиям образовательных программ. Во многих случаях среди них были коллеги основателей кафедр, с таким же образованием, что и у последних [3].

Проведенный нами анализ информации о лидерах образовательного процесса, создавших и возглавлявших кафедры связей с общественностью и рекламы в Петербурге в указанный период, показал, что из 14 таких руководителей шесть имели филологическое образование, по три человека из заведующих окончили философский и факультет журналистики, один — искусствовед, еще у одного был диплом Института культуры и искусств. Таким образом, все основатели ведущих кафедр связей с общественностью — гуманитарии, сформировавшие коллективы преимущественно из своего профессионального круга [4].

Это привело к возникновению ряда специфических трендов, оказавших значительное влияние на образовательный процесс в целом. Во-первых, методологической основой стали преимущественно общегуманитарные (а не управленческие) идеи и концептуальные парадигмы [5]. В учебных планах, в разделах, на которые могли влиять кафедры, в результате появлялось немало «удобных» сотрудников в штате. Во-вторых, акцент в формировании практических компетенций зачастую делали на навыках, в большей степени знакомых гуманитариям (например, на работе с текстом, социально ориентированной аналитике). И, естественно, собственно управленческие (в том числе связанные с практикой бизнеса) навыки педагоги с данной личной профессиональной предысторией не всегда могли преподавать на высоком уровне.

Мы не предлагаем в статье профессиональную или этическую оценку данным историческим обстоятельствам, создавшим облик современного российского образования в сфере управления, но нам представляется важным рассмотрение

вопроса о том, почему оно обрело такой вид. Для компенсации недостатков в преподавании рыночных специальностей, прежде всего дефицита знания у штатных преподавателей коммерческих реалий и отсутствия практических компетенций, принято приглашать для преподавания внешних экспертов — представителей организаций соответствующего профиля. Это, действительно, во многих случаях повышает качество обучения прикладным навыкам. Но всем известны и пороки такой системы: внешние совместители не интегрированы в работу кафедр, не имеют методических знаний, принятых в вузе, с учетом занятости могут преподавать либо в вечернее время, либо в субботу, что создает сложности в организации учебного процесса. И, конечно, с точки зрения управленческой практики в вузах существующий разрыв между ментальным миром и набором знаний менеджерских, иных рыночных компетенций у штатных университетских преподавателей и приглашенных совместителей (сотрудников внешних коммерческих организаций) остается проблемой.

Выводы

В результате исследования установлено, что на начальном этапе формирования большинство научно-образовательных школ российских вузов в сфере управления созданы инициативными и авторитетными преподавателями, не имевшими профильного образования и личного практического опыта.

Первичное («базовое») образование при этом становилось значимым фундаментом, влиявшим на характер создаваемых образовательных моделей, выбор стратегий обучения. В частности, выпускники филологических факультетов как руководители образовательных программ в основном были сосредоточены на факторах, связанных с более внимательным отношением к тестам, их написанию и редактированию. Фактор первичного образования и профессиональная идентичность руководителей кафедр существенно влияли на формирование тех или иных научно-образовательных школ, их атмосферу и систему ценностей. Вместе с тем вынужденно принятая (ввиду отсутствия в анализируемый период квалифицированных специалистов в большинстве вузов) практика не способствовала высокому качеству профессионального образования [6].

На наш взгляд, успешная модель подготовки управленческих кадров должна быть нацелена на создание научно-образовательных коллективов, где ключевыми фигурами станут штатные преподаватели, обладающие в равной мере академическими и прикладными компетенциями, а внешние эксперты будут приглашены периодически. Подобный опыт существует в России. Такая модель широко распространена в университетах западных стран. Выпускники профильных вузов, защитив диссертацию, работают в коммерческих организациях, консалтинге и позднее приходят преподавать в вуз. Профессором может стать и выдающийся профессионал из практической сферы, ушедший на пенсию, имеющий ученую степень [7].

В России известен опыт, когда руководитель кафедры, заинтересованный в «выращивании» молодых собственных кадров и повышении их уровня практических компетенций, находит возможности для их регулярного участия в консалтинге, проектной работе и других форматах интегрирования молодых коллег в отраслевую жизнь. В результате молодой преподаватель не покидает кафедру и преподают, в полной мере участвуя в жизни вуза. Вместе с тем он значительно увереннее чувствует себя в преподавании своей дисциплины, зная о важнейших нюансах отрасли. Этот опыт представляется особенно перспективным, однако не всегда и не во всех вузах реализуемым в полной мере.

Список источников

1. *Захаров Н. Л.* Организационное поведение государственных служащих: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2014. 237 с.
2. *Чечулин А. В.* Стратегические коммуникации в программах маркетинга территорий // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2016. № 2. С. 201–206.
3. *Захаров Н. Л.* Социологический анализ советской партийной кадровой политики // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2017. № 6 (33). С. 14–18.
4. Людмила Азарова: «Но корабль плывет...» (юбилейное интервью) // Российская пиарология: тренды и драйверы: сборник ст. / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2021. С. 7–12.
5. Российская пиарология: тренды и драйверы: сборник ст. / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. 82 с.
6. *Ситаров В. А.* История образования в России: постсоветское время // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 201–216. DOI: 10.17805/zpu.2019.2.19
7. *Чечулин А. В., Решетников М. М.* Общественное признание. СПб.: Синтез-Полиграф, 2001. 101 с.

Информация об авторах

А. В. Чечулин — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций (СЗИУ РАНХиГС); 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 57/43; профессор кафедры связей с общественностью (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»); 197022, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, д. 5;

С. Н. Малявин — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии; 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48;

А. В. Лёгостев — кандидат социологических наук, директор Института дополнительного профессионального образования; 620144, Екатеринбург, Куйбышева ул., д. 30.

Information about the authors

A. V. Chechulin — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Journalism and Media Communications (NWIM RANEP); 57/43 Sredniy Ave., V.O., St. Petersburg 199178, Russia; Professor of the Department of Public Relations (ETU “LETI”); 5 Professora Popova str., St. Petersburg 197022, Russia;

S. N. Malyavin — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology; 48 Moyka River Emb., St. Petersburg 191186, Russia;

A. V. Legostev — PhD in Sociology, Director of the Institute of Continuing Professional Education; 30 Kuybysheva str., Ekaterinburg 620144, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022; одобрена после рецензирования 21.03.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 25.01.2022; approved after reviewing 21.03.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 343.97:343.988

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-130-139

Виктимологические аспекты преступлений против личности: социологический анализ

Игорь Николаевич Бобровничай

Алтайский институт экономики — филиал Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, Барнаул, Россия, bobrovnichy.in@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу виктимологических аспектов преступлений против личности. Основное внимание уделено наиболее опасным деяниям: убийствам, умышленному причинению тяжкого вреда здоровью и изнасилованиям. Эти преступления, по утверждению автора, наносят не только непоправимый вред потерпевшим, но и причиняют моральные страдания их близким, снижают безопасность общества, характеризуются самыми низменными мотивами и средствами достижения преступных целей — насилием. Исследование построено на выявлении и анализе особенностей поведения потерпевших, так как именно поведение человека концентрирует в себе все главные факторы, образующие его личность (социальные, демографические, биологические, иные). Сделан вывод о том, что поведение потенциальной жертвы может более всего корректироваться. Поэтому полученные данные, несомненно, будут способствовать повышению эффективности предупреждения преступлений.

Ключевые слова: виктимология, преступления против личности, потерпевший, жертва преступления, классификация потерпевших, типы потерпевших, виктимность

Для цитирования: Бобровничай И. Н. Виктимологические аспекты преступлений против личности: социологический анализ // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 130–139. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-130-139>

Original article

Victimological aspects of crimes against the person: Sociological analysis

Igor N. Bobrovnichiy

Altai Institute of Economics — a branch of St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, Barnaul, Russia, bobrovnichy.in@mail.ru

Abstract. The article deals with the analysis of the victimological aspects of crimes against persons. The main attention is paid to the most dangerous acts: murders, intentional infliction of grievous harm to health and rape. These crimes cause not only irreparable harm to the victims, but also cause moral suffering to their relatives, reduce the safety of society, are characterized by the most base motives and means of achieving the criminal purposes — violence. The peculiarities of victims' behavior became the basis of the research, since it is the behavior of a person that concentrates all the main factors forming his/her personality (social, demographic, biological, etc.). Behavior of a potential victim can be corrected most of all, so the obtained data will undoubtedly help to increase the effectiveness of crime prevention.

Keywords: victimology, crimes against the person, victim, crime victim, classification of victims, types of victims, victimhood

© Бобровничай И. Н., 2022

For citation: Bobrovnichiy I. N. Victimological aspects of crimes against the person: Sociological analysis. *Sociology and Law. 2022;14(2):130-139.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-130-139>

Введение

В структуре преступности деяния против личности составляют около 12,7 % (254,1 тыс.) [1]. Более 40 % из них приходится на факты истязания (2,3 тыс., -18,3 %), побоев (5,1 тыс., -10,9 %), умышленного причинения легкого вреда здоровью (38,1 тыс., -7,9 %), угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (53,3 тыс., -3,5 %).

В течение последних пяти лет в стране ступенчато сокращается общее число зарегистрированных убийств. С 2016 г. их количество сократилось на 30 % (с 10,4 тыс. до 7,3 тыс.). В ушедшем году наибольшее число убийств совершено в Московской (292, +6,6 %), Свердловской (253, -3,4 %) и Иркутской (218, -6 %) областях. Продолжилось уменьшение числа убийств, которым предшествовало безвестное исчезновение граждан (в 2020 г. установлен показатель -19,3 %, в 2021 г. наблюдается -5,7 %). Еще большими темпами происходит сокращение массива умышленных причинений тяжкого вреда здоровью. С 2016 г. количество этих преступлений снизилось на 34,7 % (с 27,4 тыс. до 17,9 тыс.), из них на 35,7 % уменьшилось число таких деяний, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего (с 5,6 тыс. до 3,6 тыс.).

Итак, в целом в стране сохраняется тенденция к уменьшению числа криминальных деяний против личности. В январе 2022 г. зарегистрировано 761 убийство (с покушениями), что ниже уровня прошлого года (в январе 2021 г. — 774). От преступных посягательств на территории страны погибли менее 2,1 тыс. человек (в январе 2021 г. — 2,4 тыс.), 2,6 тыс. лиц причинен тяжкий вред здоровью (в январе 2021 г. — 2,8 тыс.) [2].

Особенно значимы в исследовании посягательств на личность наиболее опасные деяния: убийства, умышленные причинения тяжкого вреда здоровью и изнасилования. Они наносят не только непоправимый вред потерпевшим, но и причиняют моральные страдания их близким, снижают безопасность общества, характеризуются самыми низменными мотивами и средствами достижения преступных целей — насилием. Как известно, насилие — наиболее опасная форма противоправной деятельности.

Следует отметить, что преступления против личности по своей сути тесно связаны с личностью потерпевшего. Виктимология — наука о жертве — накопила богатый опыт исследования этих связей. Изучение личности и поведения потерпевших, безусловно, позволяет выявить главные причины преступлений и разработать наиболее эффективные меры их предупреждения.

Теория

При проведении исследования виктимологических аспектов преступлений против личности нами уделено внимание прежде всего особенностям поведения потерпевших. На наш взгляд, именно поведение человека концентрирует в себе все основные факторы, образующие его личность (социальные, демографические, биологические, иные). Поведение, по нашему мнению, может более всего корректироваться, что, несомненно, повышает эффективность предупреждения преступлений.

С учетом изложенного из множества виктимологических классификаций потерпевших нами использована предложенная Д. В. Ривманом классификация

потерпевших по характеру их поведения [3]. Он выделял следующие типы потерпевших: агрессивный, активный, инициативный, пассивный, некритический и нейтральный. Рассмотрим данные типы.

Результаты и обсуждения

Агрессивный тип потерпевшего

В процессе изучения приговоров Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края нами выделен прежде всего «агрессивный» тип потерпевшего. Такие потерпевшие осознанно или неосознанно, но агрессивно провоцировали в отношении себя преступные посягательства. Мотивация агрессивного виктимного поведения бывает различна. Чаще, на наш взгляд, она связана с бытовыми конфликтами и психической неуравновешенностью, которые усугубляются употреблением алкоголя и неумением сдерживать свои эмоции и инстинкты. Очень часто мотивом бывает ревность.

В качестве примера можно рассмотреть приговор суда от 9 февраля 2021 г. в отношении А., ранее несудимого, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [4]. Судом установлено, что А. совершил убийство, то есть умышленно причинил смерть И., при следующих обстоятельствах. Не позднее 00 часов 23 минут 11 ноября 2020 г. у А. на почве ревности и в связи с этим появившимися личными неприязненными отношениями к И. возник преступный умысел, направленный на причинение телесных повреждений И. и его убийство. До нанесения А. ударов ножом потерпевшему И. со стороны последнего не было посягательств на его жизнь и здоровье. Данные обстоятельства подтверждены показаниями подсудимого, который сообщил, что на почве ревности, разозлившись на И., нанес последнему удары принесенным с собой ножом.

Будучи допрошенным при проведении предварительного следствия в качестве подозреваемого и обвиняемого, в присутствии своего адвоката А. подтвердил, что около двух лет находился в близких отношениях с Т. В августе 2020 г., после ссоры, Т. сообщила ему, что они расстаются, но он был против. Позднее А. узнал, что Т. общается с И., с которым по инициативе последнего состоялась встреча. В ходе этой встречи И. просил его не обижать Т. Через неделю И. позвонил ему и сообщил, что встречается с Т. Около 00 часов 23 минут А. пришел к дому Т., пытался дозвониться, но она не отвечала на звонки и сообщения. Поднявшись в квартиру Т., громко постучал в дверь, которую открыл И. После этого из кармана куртки он достал нож и стал наносить им удары в область груди И.

Анализ приведенного примера говорит о том, что существенное значение имеет тип поведения потерпевшего. В данном случае мы видим, что поведение носит явно провоцирующий характер. Убийство произошло на почве ревности. До совершения преступления возникла (создана) очень опасная криминогенная ситуация. После совершения убийства виновный даже сделал своего рода вывод в отношении объекта ревности — гражданки Т., сказал, что она «дошутилась». Нельзя не обратить внимание на тот факт, что практически в половине случаев жертвой насильственного преступления оказываются родственники или знакомые преступника. В рассматриваемом нами деле жертва с убийцей «активно» общалась до преступления.

Очень часто присутствует корыстный мотив агрессивного поведения жертвы. Проанализируем следующий пример из судебной практики. Гражданин, совершивший убийство, показал, что Р. является его бывшей женой, с которой около десяти лет назад брак официально расторгнут. После расторжения брака они с Р.

продолжили жить в одной квартире, на почве сложившихся неприязненных отношений между ними часто возникали скандалы, в том числе из-за квартиры: Р. хотела выселить бывшего супруга, поэтому провоцировала его на противоправное поведение, оскорбляла. В день убийства он распивал спиртное. Проснувшись вечером, встретил на кухне Р., которая стала его оскорблять. Бывший муж попросил ее успокоиться, но она продолжала. Он взял со стола нож, хотел напугать Р., чтобы замолчала. Но Р. схватилась за лезвие ножа, после чего он выдернул из ее рук нож и нанес удар в левую сторону живота. Совершивший преступление сразу понял, что она умерла [5].

Провоцирующее поведение жертвы, что отражено в рассмотренных нами уголовных делах, прослеживается часто в ситуациях. Умысел на убийство в бытовых преступлениях нередко возникает по причине корыстного и аморального поведения потерпевшего, оскорблений, угроз, издевательств, жестокого или грубого обращения и т. д.

Рассмотрим еще один пример. Гражданин Р. совершил убийство, то есть умышленно причинил смерть С., при следующих обстоятельствах [6]. 20 декабря 2020 г., с 19 часов 00 минут до 21 часа 05 минут, между Р. и С. во время распития спиртных напитков произошла ссора. В результате у Р., находящегося в состоянии алкогольного опьянения, на почве внезапных личных неприязненных отношений к С. возник преступный умысел, направленный на убийство последнего, то есть умышленное причинение смерти.

Обратим внимание на тот факт, что Р. предвидел криминальную ситуацию. В судебном заседании вину в совершенном им преступлении он признал полностью и показал, что совместно с сожительницей, ее братом и С. находился у него дома. Втроем распивали спиртное. В ходе распития спиртного женщина спросила, может ли она пригласить к ним в гости сожителя. Р., зная, что С., когда выпьет, «хватается за ножи», спросил у женщины о том, все ли будет спокойно. Она дала утвердительный ответ, и Р. разрешил позвать С. Приехал С., все стали распивать спиртные напитки. Через некоторое время начался разговор на тюремную тему. Р. не хотел об этом разговаривать и предложил С. уйти, даже хотел вызвать такси. Но С. предложил выйти, и Р. согласился. С. надел обувь, вернулся и схватил Р. «за грудки», ударил кулаком в нос, у Р. пошла кровь. В это время подскочила женщина, пригласившая С., встала между С. и Р., попросила С. успокоиться. Женщина стояла к Р. лицом, а С. снова схватил Р. «за грудки». Дважды Р. сказал, чтобы С. отпустил, иначе Р. его «порешит». С. ответил: «Попробуй». И после этого Р. нанес удар ножом. В сложившейся криминальной ситуации, показывает Р., даже не понял, убил ли он С. или не убил. Р. сразу сказал, чтобы вызвали скорую, затем вышел, встретил соседа, провел у него ночь. Утром пришел в квартиру, где происходило случившееся, увидел сотрудников полиции и все рассказал им о происшествии, признался в содеянном.

Такие провоцирующие ситуации, связанные с бытовыми убийствами, типичны. Будущая жертва в подобных ситуациях как бы подстрекает вполне сознательно к причинению ей вреда.

Активный тип потерпевшего

Анализ приговоров по уголовным делам говорит о склонности многих жертв к «самоповреждающему» и «саморазрушающему» поведению. Речь идет о «жертвенности», которая связана с активными действиями человека, по сути, создающего (провоцирующего) ситуацию виктимности разговором (обращением, просьбой и т. д.). Такие жертвы могут и не осознавать последствий своего поведения либо надеются, что все обойдется.

Например, у В. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к А. появился преступный умысел, направленный на угрозу убийством последней [7]. Из показаний В. следует, что около 17 часов 00 минут он и А. приехали домой, где стали употреблять спиртные напитки. А. стала высказывать ему претензии относительно того факта, что он недосмотрел за ребенком. Поэтому последнего изъяли из семьи. В. схватил А. рукой за голову, наклонив ее вперед, взял со столешницы кухонного гарнитура нож, которым нанес А. удары в область правой лопатки, шеи и уха справа. Убивать потерпевшую В. не хотел, прекратил свои действия, когда женщина стала плакать, говорить, что ей больно. Он попросил знакомого вызвать бригаду скорой медицинской помощи и попытался остановить кровь А.

Потерпевшая А. подтвердила, что в ходе совместного употребления спиртных напитков она стала интересоваться у В., как получилось, что он недосмотрел за их ребенком, в связи с чем ребенок находится теперь под опекой государства. В. начал злиться, кричать на нее. На кухне квартиры, где они находились, В. схватил ее за волосы, наклонив голову вперед, и нанес ей не менее трех ударов ножом. Женщина почувствовала сильную физическую боль в области правого уха и спины, ощутила, что по лицу потекла кровь. Она стала терять сознание, поэтому происходящее помнит плохо.

Очевиден тот факт, что в рассмотренном случае поведение жертвы имеет саморазрушающий характер. Люди с таким «самоповреждающим» и «саморазрушающим» поведением часто считают недопустимым уклонение от вмешательства в конфликт, несмотря на то, что это может стоить им здоровья или жизни. Последствия таких поступков они осознают не всегда. Провоцирующее поведение жертвы можно разделить на сознательное и неосторожное. На наш взгляд, человек в основном осознает последствия своих «провокаций», но не может в должной мере управлять собственным поведением.

Примеры из судебной практики свидетельствуют о том, что очень часто «основой» криминогенных виктимных ситуаций являются личностные особенности потерпевших и состояние алкогольного опьянения. Тем не менее исход сложившейся виктимной ситуации прежде всего связан с поведением лица, совершившего преступление. Рассмотрим еще один случай.

У гражданина Р., находящегося в квартире, на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений к Г. появился преступный умысел, направленный на убийство Г. [8]. С учетом показаний подсудимого, которые им даны в ходе предварительного следствия, согласующихся с показаниями свидетелей, судом достоверно установлено, что между Р. и Г. произошел словесный конфликт, сопровождающийся обоюдной нецензурной бранью, оскорблениями в адрес друг друга. Именно конфликтная ситуация после употребления алкоголя привела к внезапному возникновению личных неприязненных отношений у Р. к Г., которого он ранее не знал.

Обратим внимание на то, что после окончания словесного конфликта Р. вышел из квартиры, при этом ему ничего не препятствовало уйти во избежание возобновления и продолжения конфликта. Более того, свидетель П., очевидец случившегося, полагала, что конфликт исчерпан, что Р. ушел и не вернется. Однако, спустя непродолжительное время, движимый неприязненным отношением к Г., по собственной инициативе Р. возвратился в квартиру со стеклянным осколком плафона в правой руке, направился к Г., который стоял в комнате молча, курил и не предпринимал никаких действий. После чего с достаточной силой нанес удар этим стеклянным осколком в шею последнего.

В рассмотренной ситуации, на наш взгляд, также прослеживается склонность жертвы к активному виктимному поведению. Очевидна опасность ситуации

(употребление алкоголя с неизвестными людьми), а также конфликт, обусловленный неумением управлять эмоциями, вспыльчивостью и т. д.

Инициативный тип потерпевшего

Поведение потерпевших, относящихся к указанному типу, имеет позитивный (положительный) характер. Но с учетом, как правило, должностного положения (речь идет, например, о полицейских, охранниках и др.) эти лица могут стать жертвой преступления.

Например, в 2021 г. раскрыто убийство прошлых лет, которое совершено в Ленинском районе г. Барнаула [9]. Сторож отдела вневедомственной охраны при отделе внутренних дел Ленинского района г. Барнаула Ш., назначенная на указанную должность приказом, заступила на дежурство по охране объекта (института). В соответствии с Законом РФ «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 и постановлением Правительства РФ от 14 августа 1992 г. № 589 «Об утверждении Положения о вневедомственной охране при органах внутренних дел РФ» работникам вневедомственной охраны для выполнения возложенных на них обязанностей оставлено право требовать от рабочих и служащих охраняемых объектов и других лиц соблюдения установленного пропускного режима, задерживать пытающихся незаконно вывезти (вынести) материальные ценности с территории охраняемого объекта.

В период с 14 часов 00 минут до 23 часов 30 минут Ш. обнаружила в коридоре на третьем этаже в помещении института студента О., обучающегося в этом вузе. В связи с нахождением О. в состоянии алкогольного опьянения, сказала студенту о том, что о его противоправном поведении сообщит руководству института, и потребовала от О. покинуть помещение. В это время у О., находящегося в состоянии алкогольного опьянения, не желающего покидать данное помещение, достоверно осведомленного о выполнении сторожем Ш. служебной деятельности по охране института, понимающего, что принимаемые Ш. меры позволят привлечь его к дисциплинарной ответственности за содеянное, возник умысел на убийство Ш. в связи с выполнением ею служебного долга. Реализуя преступный умысел, в указанное время О., пребывая в институте в состоянии алкогольного опьянения, имеющимися у него ножом и молотком в неуставленной последовательности нанес с целью убийства Ш. множественные удары в область жизненно важных органов: не менее девяти ударов ножом в область груди, не менее одного удара ножом в область головы, не менее восьми ударов ножом в область туловища и верхних конечностей, не менее 20 ударов твердым тупым предметом (молотком, рукой, ногой) в область головы и верхних конечностей. Итак, потерпевшая стала жертвой убийства, поскольку оказалась в виктимной ситуации, выполняя служебные обязанности.

Из содержания ряда исследований становится понятным, что количество преступлений в отношении сотрудников органов внутренних дел в последние годы растет. По данным ЮНЕСКО, в России они погибают в два с половиной раза чаще, чем в странах Европы и США [10].

Пассивный, некритический и нейтральный типы потерпевших

В исследуемых приговорах судов нами не обнаружены в «чистом» виде ситуации о потерпевших «пассивного», «некритического» и «нейтрального» типов. Это, на наш взгляд, подтверждает в большей степени общую концепцию виктимологии о причинно-следственных связях между обстоятельствами, ситуацией, жертвой и преступлением. Вместе с тем в поведении жертв почти всегда можно выявить элементы «некритичности», причем они основаны чаще на негативных личностных

чертах (в первую очередь речь идет об агрессии и корысти). Видимо, позитивные черты личности более присущи жертвам преступлений против собственности.

«Нейтральный» тип потерпевших, полагаем, в большей степени присущ жертвам серийных убийц и насильников с явными психическими отклонениями. Причинно-следственную связь между поведением жертвы и преступлением при этом определить сложно, поскольку она носит ситуативный характер. Жертва, как правило, оказывается в «ненужное время и в ненужном месте» без какой-либо возможности предвидеть и предотвратить негативные события.

Проведенный нами обзор наиболее распространенных типов жертв преступлений позволяет установить наиболее вероятные пути профилактики преступлений и виктимологической профилактики. Важнейшим направлением в индивидуальной и групповой виктимологической профилактике преступлений против личности служит выявление лиц с потенциальным виктимным поведением. Такие данные, с одной стороны, отражают определенную избирательность действий преступника и указывают на взаимосвязь между особенностями его личности и личности жертвы, с другой — указывают на наличие и характер взаимоотношений между потерпевшим лицом и преступником, влияющих на цель, время, средства совершения и сокрытия преступления [11].

Исследования, проведенные нами, подтверждают вывод о том, что для индивидуальной виктимологической профилактики убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью необходимо прежде всего выявлять лиц с провоцирующим поведением (агрессивным, аморальным, некритичным, иным). В большинстве изученных нами материалов о преступлениях речь идет об употреблении алкоголя. Лицам с виктимными качествами необходимо объяснять опасность определенного поведения, общения и употребления алкоголя.

Особенно сложным представляется выявление потенциальных жертв изнасилований, иных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Негативную роль играет высокая латентность данных преступлений, а виктимологическая профилактика осуществляется в основном в отношении потерпевших. В целом виктимное поведение является характерным для изнасилований, где существенная часть потерпевших (40 %, по данным исследований Г. Б. Дерягина) благоприятствует возникновению преступного умысла и его реализации (как правило, фривольным поведением в ситуации, связанной с совместным употреблением алкоголя с насильником) [12, с. 78].

Так, 1 августа 2018 г. в поселке Усть-Кокса Республики Алтай в автомобиле обнаружен труп десятиклассницы М. Ее изнасиловали, а потом задушили. Девушка была привязана к автомобильной двери веревкой за шею. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах. 17-летняя девушка отпросилась у мамы, чтобы переночевать у подружки. Однако совместно с ней они пошли на вечеринку к молодым людям, где вместе употребляли алкоголь. Ночью в состоянии алкогольного опьянения в центре поселка М. села в машину, где ее ждала подруга и двое незнакомых мужчин. После катания на автомобиле ее хозяин вместе со второй девушкой разошлись по домам, а М. и другой молодой человек остались в машине. Утром ее владелец обнаружил труп М. [13].

Необходимо отметить, что большинство несовершеннолетних, потерпевших от половых преступлений, в целом характеризуются положительно (около 70 % пострадавших), то есть речь идет о «нейтральном» типе жертвы. Совершению в отношении них преступлений способствовали неосмотрительность в знакомствах, нахождение в позднее время на улице и другие факторы [14, с. 43].

В работах, посвященных воспитательным функциям семьи, среди остальных функций отдельно выделена сексуальная. Суть ее сводится к регуляции норма-

тивов сексуального поведения, формированию и передаче сексуальной культуры, обеспечению сексуального здоровья членов общества. Указанная функция реализована далеко не всеми родителями. Дети, которые стали жертвами половых преступлений, в большей степени воспитывались в проблемных семьях. В подобных случаях помогать семьям должны педагоги школ, психологи. Именно они могут подсказать родителям, какие психологические и педагогические приемы, с учетом особенностей той или иной семьи и подростка, следует применять в данном случае [14, с. 46].

Другая категория несовершеннолетних потерпевших, в отличие от приведенной выше группы, употребляет алкоголь или наркотики, неразборчива в знакомствах, что способствовало совершению против них половых преступлений. В таких случаях очень важно ставить их на профилактический учет. Аналогично необходимо поступать и в отношении неблагополучных семей, ведущих антиобщественный образ жизни. С неблагополучной обстановкой в семьях связаны и случаи половых преступлений родителей в отношении детей [15, с. 27].

Учителя и даже воспитатели детских садов должны выяснять причины, в связи с которыми дети проявляют особенности в поведении, и при подозрении относительно сексуального насилия со стороны родителей попробовать вызвать у детей доверительный рассказ о своих переживаниях. В зависимости от рассказа несовершеннолетних необходимо применить меры, в частности сообщить об услышанном в органы внутренних дел [14, с. 49]. Одновременно с этим несовершеннолетним из таких семей должна быть оказана психологическая помощь.

Работа, связанная с виктимологическим предупреждением половых преступлений, имеет определенный характер и личностную направленность. Она является частью работы семьи, школы. Значительная роль отведена правовому воспитанию. Профилактические лекции и беседы целесообразно проводить с участием представителей органов внутренних дел, прокуратуры, а также специалистов из медицинских учреждений, которые бы могли рассказать о случаях совершения преступлений в отношении малолетних и несовершеннолетних [14, с. 51].

На наш взгляд, предложенные рекомендации помогут избежать виктимогенных ситуаций.

Выводы

В заключение можно сделать следующие выводы. В целом в России сохраняется тенденция к уменьшению числа криминальных деяний против личности. Особенно значимо в исследовании жертв посягательств на личность изучение наиболее опасных деяний: убийств, умышленных причинений тяжкого вреда здоровью и изнасилований. Поэтому основное внимание нами уделено анализу уголовных дел (приговоров районных судов), связанных именно с указанными преступлениями.

С учетом изученных материалов уголовных дел (приговоров судов) об убийствах и изнасилованиях нами исследованы наиболее распространенные типы потерпевших (на основе классификации, предложенной Д. В. Ривманом) и особенности их виктимного поведения.

1. Выделен прежде всего «агрессивный» тип потерпевшего. Потерпевшие данного типа осознанно или неосознанно, но агрессивно провоцировали в отношении себя преступные посягательства. Мотивация чаще была связана с бытовыми конфликтами, ревностью и психической неуравновешенностью. Виктимные ситуации усугубляло употребление алкоголя, неумение сдерживать свои эмоции и инстинкты.

2. «Активный» тип потерпевшего связан со склонностью многих жертв к «самоповреждающему» и «саморазрушающему» поведению. Провоцирующее поведение жертвы разделено нами на сознательное и неосторожное. Такие жертвы могут не осознавать последствий своего поведения либо надеются на то, что все обойдется. По нашему мнению, человек, как правило, осознает последствия своих «провокаций», но не может в должной мере управлять собственным поведением. Очень часто, о чем говорят рассмотренные в статье примеры, «основой» криминогенных виктимных ситуаций являются личностные особенности потерпевших и состояние алкогольного опьянения.

3. «Инициативный» тип потерпевшего. Поведение потерпевших данного типа имеет позитивный (положительный) характер. Но, как правило, ввиду должностного положения (например, у полицейских) лица указанного типа могут стать жертвой преступления.

В процессе анализа приговоров судов нами не обнаружены материалы в «чистом» виде о потерпевших «пассивного», «некритического» и «нейтрального» типов. Это, полагаем, подтверждает общую концепцию виктимологии о причинно-следственных связях между обстоятельствами, ситуацией, жертвой и преступлением. Вместе с тем в поведении жертв, на наш взгляд, почти всегда можно найти элементы «некритичности», основанные чаще на негативных личностных чертах (агрессии и корысти). «Нейтральный» тип потерпевших, по нашему мнению, в большей мере присущ жертвам серийных убийц и насильников с явными психическими отклонениями.

Важнейшим направлением в индивидуальной и групповой виктимологической профилактике преступлений против личности служит выявление лиц с потенциальным виктимным поведением. Лицам с виктимными качествами следует объяснять опасность определенного поведения, общения и употребления алкоголя. В целях виктимологической профилактики целесообразно научить людей адекватно оценивать опасность криминальных ситуаций и эффективно защищаться от преступников. Все это свидетельствует о необходимости формирования виктимологической культуры поведения.

Список источников

1. Показатели преступности в России в 2021 г. // Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.04.2022).
2. Показатели преступности в России в январе 2022 г. // Генеральная прокуратура РФ. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 01.04.2022).
3. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
4. Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 9 февраля 2021 г. по делу № 1-140/21 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 10.04.2022).
5. Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 19 мая 2021 г. по делу № 1-218/2021 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 10.10.2022).
6. Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 6 апреля 2021 г. по делу № 1-212/21 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 10.04.2022).
7. Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 21 октября 2021 г. по делу № 1-552/21 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 15.04.2022).

8. Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 9 сентября 2021 г. по делу № 1-445/2021 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 15.04.2022).
9. Приговор Ленинского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 18 марта 2021 г. по делу № 1-225/2021 // Правосудие: государственная автоматизированная система РФ. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 15.04.2022).
10. Чумичкин А. С. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 24 с.
11. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М.: Норма, 2001. 481 с.
12. Сидоров П. И., Дерягин Г. Б. Сексуальное поведение и насилие. М.: МЕДпресс-информ, 2007. 271 с.
13. Приговор Усть-Коксинского районного суда Республики Алтай от 25 августа 2018 г. по делу № 1-245/2018 // Усть-Коксинский районный суд Республики Алтай: офиц. сайт. URL: <http://ust-koksinsky.ralt.sudrf.ru> (дата обращения: 15.04.2022).
14. Галушко Д. М. Ювенальная виктимология: криминологические и социально-психологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 149 с.
15. Балаян Э., Фефелов П. А. Виктимологический анализ несовершеннолетних. Душанбе: Планета, 1989. 184 с.

Информация об авторе

И. Н. Бобровничай — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых дисциплин; 656011, Алтайский край, Барнаул, Ленина пр., д. 106е.

Information about the author

I. N. Bobrovnichiy — PhD in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Legal Disciplines; 106e Lenina Ave., Barnaul, Altai Krai, 656011, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 27.04.2022; одобрена после рецензирования 26.05.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 27.04.2022; approved after reviewing 26.05.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 343.575

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-140-154

Пандемия COVID-19: как изменялся наркобизнес в России и за рубежом

Маргарита Ефимовна Позднякова¹, Виктория Владимировна Брюно²✉

^{1, 2} Институт социологии — обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия

¹ margo417@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7896-5115>

² victoria.bruno@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-9735-024X>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению и анализу основных изменений в мировом и отечественном наркобизнесе в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Представлен обзор данных Управления ООН по наркотикам и преступности, документов Государственного антинаркотического комитета (ГАК) Российской Федерации (РФ), статистических материалов правоохранительных органов и Главного управления по борьбе с контрабандой Федеральной таможенной службы РФ. Авторы исследуют вопросы о влиянии пандемии и временного закрытия границ на основные рынки наркотиков, обычные маршруты их доставки из страны в страну и структуру, на международный ввоз наркотиков в Россию. По мнению авторов, преступные наркогруппировки оказались устойчивы к изменениям, связанным с COVID-19, и быстро сформировали новые стратегии по реализации наркотических средств, направленные на преодоление возникших препятствий. Проведено сравнение вовлеченности ряда стран в международную торговлю наркотиками. Анализ динамики наркопреступности в России показал, что в последние несколько лет на фоне общего снижения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков существует ряд негативных тенденций, которые усугубились с началом распространения коронавирусной инфекции в России. Выявлено значительное усиление роли интернета и социальных сетей в отношении незаконного оборота наркотиков в период пандемии. Сделаны выводы о том, что, несмотря на позитивную тенденцию последних лет к снижению различных показателей наркотизма, пандемия COVID-19 создала новые условия для возможного взрывного роста наркологических проблем в ближайшем будущем.

Ключевые слова: наркоситуация, наркотики, пандемия COVID-19, незаконный оборот наркотиков, наркопреступления

Для цитирования: Позднякова М. Е., Брюно В. В. Пандемия COVID-19: как изменялся наркобизнес в России и за рубежом // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 140–154. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-140-154>

Original article

Drug trafficking in Russia and in the world during the pandemic COVID-19

Margarita E. Pozdniakova¹, Viktoriia V. Bryuno²✉

^{1, 2} Institute of Sociology — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ margo417@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7896-5115>

² victoria.bruno@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-9735-024X>

© Позднякова М. Е., Брюно В. В., 2022

Abstract. The article is devoted to the consideration and analysis of the main changes in the global and domestic drug business during the spread of coronavirus infection. A review of data from the UN Office on Drugs and Crime, documents of the state anti-drug committee of the Russian Federation, statistical materials of law enforcement agencies and the main department for combating smuggling of the Federal Customs Service of the Russian Federation is presented. It is considered how the pandemic and the temporary closure of borders have affected the main drug markets, the usual routes for the delivery of drugs from country to country and the structure of drugs, and the international import of drugs into Russia. It is shown that criminal drug groups have proved to be quite resistant to the changes associated with COVID-19, and quickly formed new strategies for the sale of drugs aimed at overcoming the obstacles that have arisen. A comparison is made of the involvement of some countries in the international drug trade. An analysis of the dynamics of drug crime in Russia showed that against the backdrop of a general decrease in drug trafficking crimes over the past few years, there are a number of negative trends that have worsened with the onset of the spread of coronavirus infection in Russia. A significant increase in the role of the Internet and social networks in drug trafficking during the pandemic has been revealed. It is shown that, despite the positive trend of recent years to reduce various indicators of drug addiction, the pandemic has created new conditions for a possible explosive growth of drug problems in the near future.

Keywords: drug situation, drugs, pandemic COVID-19, drug trafficking, drug crimes

For citation: Pozdniakova M. E., Bryuno V. V. Drug trafficking in Russia and in the world during the pandemic COVID-19. *Sociology and Law. 2022;14(2):140-154.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-140-154>

Введение

За последние десять лет в результате реализации антинаркотической политики в наркоситуации в России наблюдаются некоторые улучшения. К концу 2019 г. многие специалисты обращали внимание на то, что ситуация с распространением наркотиков в стране в целом стабилизировалась, хотя и сохранялась напряженной в большинстве регионов [1, с. 16; 2; 3]. События 2020 г. внесли существенные изменения в жизнедеятельность мирового сообщества и создали новые уникальные условия для очередной трансформации наркоситуации в России и в мире. Распространение коронавирусной инфекции COVID-19, фундаментальные изменения в социальной и экономической деятельности общества вследствие принятых мер по сдерживанию распространения вируса сказались не только на общественном здравоохранении и образе жизни, но значительно повлияли на ключевые звенья процесса наркотизации: оборот наркотических средств (разработку, производство и изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, реализацию), вовлеченность населения в наркопотребление и практики употребления.

Исследований о пандемии COVID-19 и наркоситуации в стране по-прежнему очень мало. Ввиду этого особый интерес представляет изучение проблем, связанных с трансформацией и прогнозом наркоситуации в новых условиях.

В настоящей статье нами изучены изменения, происходящие в сфере наркобизнеса и незаконного наркооборота в период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 в России и за рубежом. Рассмотрение этих изменений представляется особенно важным с учетом того, что наркоситуация в России и других странах, несмотря на установленное многими ведомствами снижение наркопотребления, носит угрожающий характер. Одна из причин такого положения — наркотрафик. Более того, несмотря на значительные объемы в России собственной наркотической сырьевой базы (природных полей с опийным маком, коноплей),

а также прекурсоров, подпольных лабораторий, которые представляют собой мини-заводы, значительная часть наркотиков, наркотического сырья и прекурсоров идет через наши границы.

К задачам исследования относятся следующие: раскрыть вопросы о влиянии пандемии и временного закрытия границ на основные рынки наркотиков, обычные маршруты их доставки из страны в страну и структуру, на международный ввоз наркотиков в Россию и наркопреступления; изучить влияние пандемии COVID-19 на незаконный оборот наркотиков через интернет.

Эмпирическая база и методы исследования

Эмпирическую основу статьи составляют материалы отечественных и зарубежных ведомств: статистика МВД и Главного управления по борьбе с контрабандой Федеральной таможенной службы (ФТС) России, данные Государственного антинаркотического комитета (ГАК) Российской Федерации (РФ), материалы международной исследовательской организации “Global Initiative against Transnational Organized Crime” и Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), содержащие информацию о незаконном обороте наркотиков. Используются материалы собственных социологических исследований — онлайн-опрос трудоспособного населения (горожан в возрасте от 18 до 60 лет), проведенный по многоступенчатой квотной выборке в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Омске, Челябинске, Уфе, Сыктывкаре, Архангельске, Краснодаре, Казани, Екатеринбурге, Тюмени и Перми ($N = 1\ 355$, март–апрель 2020 г.)¹ и посвященный выявлению отношения городского населения к психоактивным веществам. Проанализированы материалы опроса экспертов, проведенного на различных этапах пандемии (в апреле и ноябре 2020 г.). В качестве экспертов отобраны социологи, юристы, криминологи, медицинские работники, профессионально занимающиеся проблемами наркотизма ($N = 12$). Перед ними была поставлена четкая задача: дать оценку ситуации, связанной с распространением наркопотребления в России и наркооборотом, а также сделать соответствующий прогноз, если пандемия не завершится в ближайшие месяцы.

Результаты исследования

Известно, что наркобизнес среди отраслей теневой экономики занимает ведущее положение по объему незаконных финансовых операций. По данным многолетних отчетов УНП ООН, годовая стоимость глобального рынка незаконных наркотиков составляет сотни миллиардов долларов США. Россия занимает не последнее место в международном наркообороте и находится в промежуточном положении между наиболее и наименее криминальными странами, вовлеченными в мировую организованную наркопреступность. Согласно анализу американской исследовательской организации *Global Financial Integrity* (2017), из 11 видов незаконной деятельности мировой рынок незаконного оборота наркотиков оценивается в размере от 426 до 652 млрд долларов США в год, что делает его вторым самым прибыльным незаконным рынком после рынка контрафактных и пиратских товаров [4, р. 3].

В период распространения коронавирусной инфекции COVID-19 наркотрафик оказался единственной сферой в мире, которой пандемия пошла на пользу. Большинство международных и опрошенных нами российских экспертов в начале

¹ Выборка сбалансирована по полу, возрасту и месту жительства респондентов.

пандемии прогнозировали значительные финансовые потери и «схлопывание» международного наркорынка из-за введенных транспортных и иных ограничений. Однако, как показало время, за два года пандемии он не только продолжал приносить огромную прибыль, но и многократно увеличил обороты. Так, согласно данным УНП ООН, в большинстве регионов мира наркорынки испытывали сбои, вызванные поспешным закрытием границ, лишь во время первой фазы пандемии. В наибольшей степени пострадали от перебоев воздушные и наземные маршруты. В результате в первые месяцы в большинстве стран значительно сократилось количество изъятых наркотиков.

Например, в ряде стран Европы наблюдалась локальная нехватка героина на розничном рынке во втором квартале 2020 г., в Турции изъято на 35 % меньше героина по сравнению с 2019 г., в странах Северной Америки не хватало метамфетамина и прекурсоров для его производства, в Латинской Америке замедлился оборот кокаина. О первоначальных перебоях в поставках метамфетамина сообщалось и в других странах, например в Австралии, Японии и Новой Зеландии. В Западной Европе снижение оптовых цен на экстази (МДМА) во втором квартале 2020 г. на 20 % указывало на снижение активности незаконного оборота [5, р. 15–16, 38–39].

Ограничительные меры оказали влияние и на международный ввоз наркотиков в Россию. В связи с усилением контроля за перемещением товаров и грузов на международных маршрутах сократился объем контрабандного ввоза на территорию РФ наркотиков (гашиша, героина), имеющих зарубежное происхождение [6, с. 15]. По данным Главного управления по борьбе с контрабандой (ГУБК) ФТС России, контрабанда наркотиков в нашу страну особенно заметно снизилась уже в январе–мае 2020 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. В целом, по сравнению с 2019 г., в 2020 г. на 16,2 % снизилось количество выявленных и на 36,9 % расследованных правоохранительными органами фактов контрабанды наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ и прекурсоров, уменьшилось количество изъятых наркотиков в ходе таможенного контроля и количество уголовных дел по фактам контрабанды [6]. Однако к 2021 г. ситуация резко изменилась, некоторые показатели превысили значения 2019 г., что отражено в таблице 1.

Несмотря на временные сбои, организованные преступные группы в мире, включая Россию, смогли быстро адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам, сформировав новые стратегии относительно наркотрафика, направленные на преодоление возникших препятствий. Так, в течение 2020 г. в связи с усилением контроля сухопутных границ в мире в ряде стран и регионов наблюдалась тенденция к расширению использования морских и водных маршрутов. Например, в 2020 г. выявлено, что все более крупные партии кокаина, каннабиса и героина перевезены морским путем [7, р. 26–30]. Происходило усиление использования частных воздушных судов для перевозки наркотиков, обнаружен рост грузовых авиаперевозок и даже пересылки наркотиков с помощью почтовых отправок [5, р. 81].

Пандемия по-разному отразилась на различных мировых рынках наркотиков. Так, *производство опиатов* продолжалось без изменений. Более того, площадь незаконных посевов опийного мака в 2020 г. возросла на 37 % по сравнению с 2019 г. Такое увеличение вписывается в тенденцию расширения площади незаконных посевов опийного мака в мире последних двух десятилетий [8]. По данным опроса экспертов, в России в 2020–2021 гг. обнаружены многочисленные незаконные посевы опийного мака, например, в районах, заполненных борщевиком, являющимся естественным щитом от проникновения не только населения, но и сотрудников оперативно-профилактических операций, таких как, например, «Мак».

Таблица 1

**Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов
Российской Федерации (РФ)¹**

Показатели деятельности службы противодействия контрабанде наркотиков ГУБК ФТС России	2019	2020	2021
Количество выявленных случаев незаконного перемещения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и сильнодействующих веществ в ходе таможенного контроля лиц, транспортных средств и грузов, следующих через государственную границу РФ	1 439	1 594	1 496
Изъято из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и сильнодействующих веществ в ходе таможенного контроля лиц, транспортных средств и грузов, следующих через государственную границу РФ, кг	12 427	9 178	16 659
Возбуждено уголовных дел по ст. 229.1 Уголовного кодекса РФ ²	234	210	263
Количество оперативно-розыскных мероприятий и международных операций «контролируемая поставка», проведенных ГУБК ФТС России	196	243	299
В ходе оперативно-розыскных мероприятий «контролируемая поставка» из незаконного международного оборота изъято, кг	285,4	866	437,5

Во второй половине 2020 г. возросло число случаев изъятия партий героина в морских портах, хотя обычно героин переправляли по наземному балканскому маршруту из Юго-Западной Азии в Европу [9]. Чаще всего российская территория используется преступными структурами в качестве транзитной для перемещения наркотиков из стран-производителей в страны-потребители. Так, в мае 2021 г. ФТС России сообщила об изъятии 810 кг героина, который переправляли из стран «золотого полумесяца» в Западную Европу [10].

В то время как незаконный оборот героина в целом не ослабевал, оборот кокаина замедлился во втором квартале 2020 г. Перебои проявились в резком падении цен (на 50 %) на листья коки с первого по второй квартал 2020 г. Но оборот быстро возобновился с увеличением объема перехваченных партий во многих регионах [5, р. 20]. Так, в 2020 г. зарегистрировано несколько рекордных изъятий, например, более 10 т кокаина в Западной Европе, а за шесть недель, начиная с 20 февраля 2021 г., в порту Антверпена полиция Бельгии изъяла 27,64 т кокаина [9; 13, р. 7, 11]. С начала пандемии COVID-19 стоимость кокаина на черном рынке в России резко подскочила, при этом концентрация вещества в разовых дозах заметно упала [11]. Основными воротами для кокаина в Россию были Санкт-Петербург и Ленинградская область. Обычно груз приходит морем. Но сегодня наркобизнесу ввозить контрабанду стало сложнее. Воздушным сообщением в страну попадает лишь небольшая доля поставок кокаина. Крупное его

¹ Таблица составлена авторами по данным ФТС России за 2019–2021 гг.

² Статья 229.1 «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ» Уголовного кодекса РФ.

изъятие российскими силовиками зарегистрировано в феврале 2021 г., когда оперативники ФСБ перехватили груз запрещенного вещества весом 60 кг в Санкт-Петербурге [12].

Производство *синтетических наркотиков* (метамфетамина, экстази) продолжалось непрерывно в Юго-Восточной Азии, где большое количество изъятий свидетельствует о том, что производство даже увеличилось в течение 2020 г. Следует отметить, что Юго-Восточную Азию считают одним из главных источников производства и распространения синтетических наркотиков для России. Подтверждением восстановления рынка является и увеличение в конце 2020 г. оборота экстази (МДМА) в Северной Африке [5, р. 16, 21]. На начальном этапе пандемии произошло сокращение ввоза на территорию РФ наркотиков синтетического происхождения. Неслучайно, по словам опрошенных экспертов, начало расти внутреннее производство синтетических наркотиков, причем все опрошенные эксперты сделали прогноз о том, что тенденция будет усиливаться в дальнейшем.

Незаконный оборот *каннабиса* продолжался на протяжении пандемии, в ряде регионов даже более высокими темпами. Согласно отчетам экспертов, из 14 стран Европейского союза (ЕС), участвовавших в опросе *EMCDDA*, в начале пандемии наблюдалось снижение качества производимого каннабиса из-за нехватки удобрений. Но в целом пандемия COVID-19 не оказала существенного влияния на его внутреннее производство, что свидетельствует об отлаженных криминальных механизмах и функционировании на месте культивирования [5, р. 23; 13, р. 7–8]. Например, изъятия рассады каннабиса, перевозимой между Нидерландами и Бельгией, в 2020 г. не прекращались. Бельгия сообщила о крупном изъятии смолы каннабиса в порту Антверпена в конце марта 2020 г. Несмотря на то, что производство каннабиса не прекращалось, в первый год пандемии в ряде стран наблюдалось сокращение доступности и повышение цены на траву каннабиса в розничной и оптовой торговле на рынке [5, р. 40].

Количество *новых психоактивных веществ* (НПВ), обнаруженных на глобальном уровне, стабилизировалось в последние годы и составило чуть более 500 веществ (541 в 2019 г.). Вместе с тем фактическое количество НПВ, впервые выявленных на глобальном уровне, снизилось с 213 в 2013 г. до 71 в 2019 г. [14, р. 11–14]. Такая тенденция наблюдается в Северной Америке, Европе и Азии. Материалы, собранные УНП ООН, показывают, что национальные и международные системы контроля преуспели в ограничении распространения НПВ в странах с высоким уровнем доходов, где НПВ впервые появились десять лет назад [5, р. 92]. Однако в России и ряде стран Восточной Европы распространение «новых наркотиков» не только не ослабевало, а наблюдается рост НПВ и синтетических наркотиков на незаконном рынке. С начала пандемии на рынке появилось множество новых наркотиков. Эта ситуация подтверждена и нашими опросами трудоспособного городского населения (2010–2020). За 10 лет возросла доля респондентов, чьим первым наркотиком были так называемые новые синтетические наркотики. Если в 2009 г. около 2 % респондентов — потребителей наркотиков указывали, что их самым первым наркотиком были вещества из категории «новых», то в опросе 2020 г. на это указали уже 13 % наркопотребителей. Ситуация вызывает особую тревогу, поскольку, несмотря на так называемое улучшение наркоситуации в целом, с нашей точки зрения, в связи со сложившейся ситуацией последних пандемических лет и вызванным ими ухудшением социального положения людей (потерей работы, снижением качества жизни и т. д.) в отношении эпизодического употребления прогноз остается неблагоприятным. Сегодня, несмотря на снижение общей и первичной заболеваемости людей

с синдромом зависимости от наркотиков (наркоманией), увеличилось количество регионов, в которых фиксируется первичная обращаемость по поводу пагубного употребления наркотиков (с вредными последствиями)¹ [15].

Сравним степень участия некоторых стран в торговле наркотиками и характер организованной преступности в наркообороте. По данным международной исследовательской организации “Global Initiative against Transnational Organized Crime”, среднемировой уровень индекса организованной преступности в 2022 г. оценивается в 4,88 балла из десяти возможных, при этом Россия занимает высокую позицию (6,24) [16, р. 10]. Среди наиболее крупных игроков на международном поле по торговле наркотиками — Мексика, Иран, Нигерия, Колумбия, Объединенные Арабские Эмираты, Афганистан и США. Роль России в международной организованной наркопреступности также высока. По среднему показателю вовлеченности в наркопреступность она находится примерно на уровне Афганистана, Турции, США и Бразилии.

Наиболее высокие показатели наркоторговли у России прослеживаются по синтетическим наркотикам (7,5) и героину (7). Так, относительно торговли синтетическими наркотиками Россия занимает четвертое место в рейтинге стран, следуя за Мексикой (9), Ираном и Афганистаном (8,5), Нигерией, Бразилией и Китаем (8). По торговле героином Россия следует за такими мировыми лидерами, как Афганистан (9,5), Иран (9), Мексика и Турция (8). В торговле коноплей и кокаином Россия занимает среднее положение с показателями (5 и 4,5 соответственно), находится примерно на одном уровне с Турцией, Латвией и Литвой, как видно из таблицы 2.

Несмотря на высокие рейтинги, в последние несколько лет (с 2014 г.) в России наблюдается некоторое снижение преступлений относительно большинства показателей, связанных с незаконным оборотом наркотиков, в том числе тяжких и особо тяжких преступлений. По итогам 2021 г. зарегистрировано 179 732 преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков (в 2014 г. — 254 730 преступлений). Доля тяжких и особо тяжких наркопреступлений также значительно снизилась: в 2014 г. — 190 542, в 2021 г. — 132 157. Снижается в последние годы количество выявленных лиц, совершивших преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков (с 123 300 человек в 2014 г. до 85 147 человек в 2021 г.) [17; 18].

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19 повлияло на наркопреступления в России неоднозначно. С одной стороны, правоохранительными органами РФ реализованы полномасштабные меры по стабилизации обстановки в сфере незаконного оборота наркотиков в этот период, и общий уровень наркопреступлений в 2020–2021 гг. продолжал снижаться (в 2020 г. на 0,2 %, в 2021 г. на 5,4 %), как видно на рисунке 1. В частности, сократилось количество преступлений, связанных со сбытом наркотиков: в 2020 г. на 0,3 %, в 2021 г. на 7,9 %. Сократился их удельный вес из числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (с 59,2 % в 2019 г. до 57,6 % в 2021 г.) [18]. С другой стороны, всплеск количества наркопреступлений, связанных со сбытом наркотиков, наблюдался в начале 2020 г. (январе–мае), когда в стране повсеместно вводился карантин, на 3,4 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.

¹ В соответствии с определением Международной классификации болезней (МКБ-10) пагубное употребление ПАВ — это модель приема ПАВ, наносящего вред здоровью, как физический (например, в случае возникновения гепатита при внутривенном введении наркотика), так и психический (при развитии депрессивных расстройств после употребления алкоголя).

Рейтинг стран по участию в организованной преступности и наркобороте¹

Страна	Глобальный индекс организованной преступности	Субиндекс				
		Криминальные рынки (средний)	Торговля героином	Торговля кокаином	Торговля коноплией	Торговля синтетическими наркотиками
Мировой средний показатель	4,88	4,65	3,97	4,52	5,10	4,62
Колумбия	7,67	7,2	5	9,5	8	5
Мексика	7,57	8	8	9	8	9
Нигерия	7,15	7,05	6	6,5	8	8
Иран	7,10	6,95	9	5,5	6	8,5
Афганистан	7,08	6,9	9,5	1	7	8,5
Ирак	7,05	6,35	6	5	6	6
Турция	6,89	6,40	8	4	5	8
Бразилия	6,50	6,5	2	9	8	4
Россия	6,24	6,10	7	4,5	5	7,5
Украина	6,18	5,6	5	3,5	5	3,5
Китай	6,02	5,9	6,5	3,5	4	8
Саудовская Аравия	6,01	6,90	6,5	5,5	6,5	7,5
Италия	5,82	5,25	4,5	7,5	5	5
Испания	5,78	5,30	6,5	7	7	4
ОАЭ	5,75	6,75	7	6	6,5	7,5
Франция	5,67	5,7	6	6,5	6,5	5,5
США	5,50	5,50	6,5	7	5	7,5
Киргизстан	5,53	4,40	7	2	5,5	4,5
Азербайджан	5,08	4,15	6	3	5	4
Белоруссия	5,08	4,40	4	2	4	5
Германия	4,9	7,8	4,5	6,5	5	6
Объединенное Королевство	4,89	4,40	4,5	6,5	4,5	5,5
Казахстан	4,27	4,15	6,5	2,5	4,5	5
Эстония	3,6	3,45	3	3,5	5	6,5
Латвия	3,52	3,65	4,5	5	5,5	5
Литва	3,32	3	4	4,5	4	4
Финляндия	2,72	2,8	3,5	4	3,5	4,5
Монако	2,43	1,60	2,0	2,0	2,5	2,0

¹ Таблица составлена на основе данных международной организации “Global Initiative against Transnational Organized Crime”. URL: <https://ocindex.net/> (дата обращения: 04.03.2022).

Лишь с конца июня показатели преступности в сфере сбыта стали снижаться [19; 20]. Особенно заметный рост произошел в Липецкой, Новгородской, Тульской, Челябинской, Псковской, Курской областях, Чувашской Республике, Республике Марий Эл и Республике Дагестан, Ставропольском крае [21]. Кроме того, в этот же период (январь–май 2020 г.) резко возросло количество преступлений, связанных с пересылкой наркотических средств или психотропных веществ (на 304,7 %), по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [19].

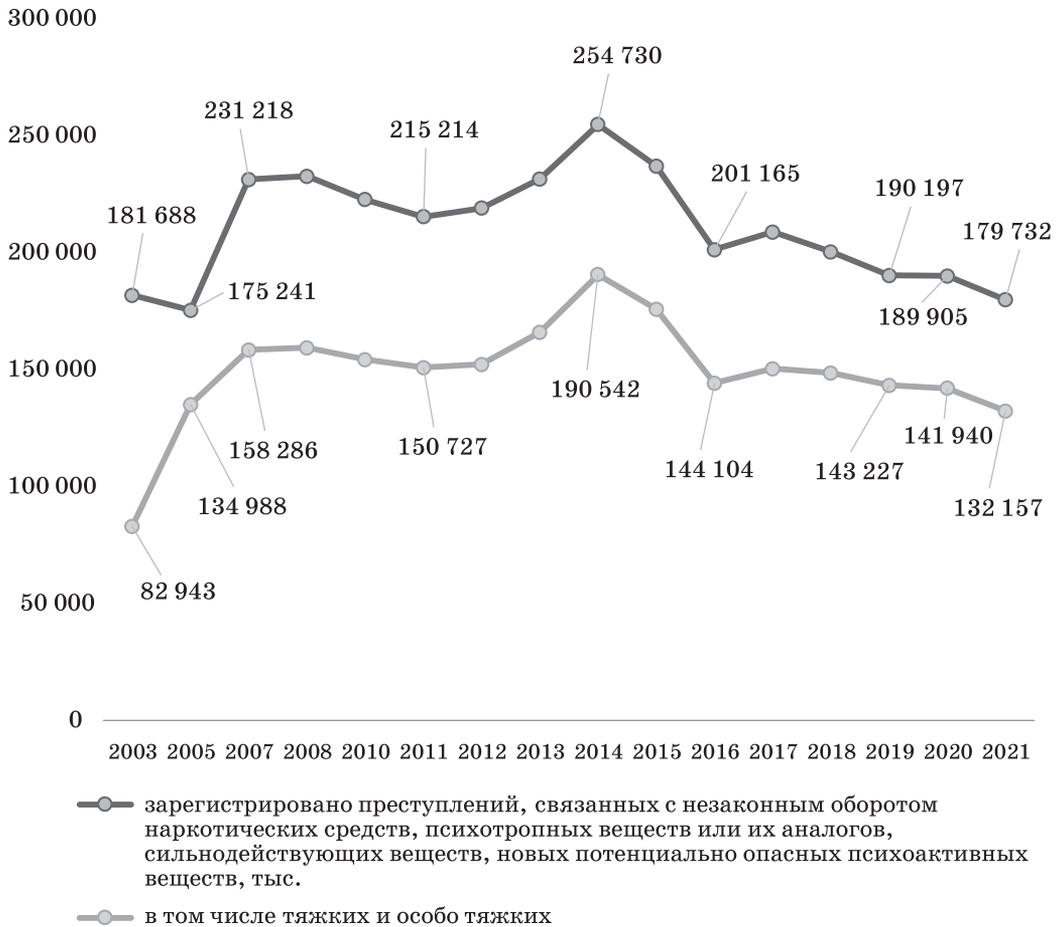

Рис. 1. Динамика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, в 2003–2021 гг., тыс.¹

Еще пять–десять лет назад распространителями психоактивных веществ были в основном взрослые люди. В последние годы наркобизнес начал активно вовлекать несовершеннолетних. Подростки обладают рядом необходимых параметров для работы «кладменом» (распространителем «закладок» с психоактивными веществами). Как отмечают опрошенные нами эксперты, имеющие опыт работы с продавцами нелегальных магазинов наркотиков, подростки поддаются манипуляциям, внушению и предложениям беспрепятственно заработать легче и проще, чем взрослые. По словам экспертов, из подростков получают «хорошие

¹ Рисунок подготовлен по материалам статистики МВД России за 2003–2021 гг.

кладмены», поскольку они легче проникают в труднодоступные места и реже вызывают подозрения у правоохранительных органов. В проведенных авторами интервью эксперты — сотрудники МВД и психологи — отмечали, что подростковому возрасту в целом свойственно рискованное поведение, но кладменами чаще становятся подростки с повышенным уровнем рискогенного поведения. Для таких детей — это приключение, за которое еще и платят. К тому же с учетом возраста они не подлежат уголовной ответственности, предусмотренной статьями УК РФ о незаконном обороте наркотиков. Вместо колонии подростки обычно попадают лишь на учет. Все это также искажает статистику преступлений в сторону снижения преступности, особенно если речь идет о сбыте.

В целом с начала пандемии, несмотря на снижение общего количества преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, произошел ряд негативных изменений. В 2020–2021 гг. возросло количество зарегистрированных преступлений, связанных с производством и пересылкой наркотических средств или психотропных веществ [18; 20]. И, хотя в 2021 г. количество преступлений, связанных с пересылкой, снизилось на 51,2 % по сравнению с 2020 г., показатели превышают не только уровень 2017–2019 гг., но и уровень 2004–2005 гг., о чем свидетельствует и рисунок 2.

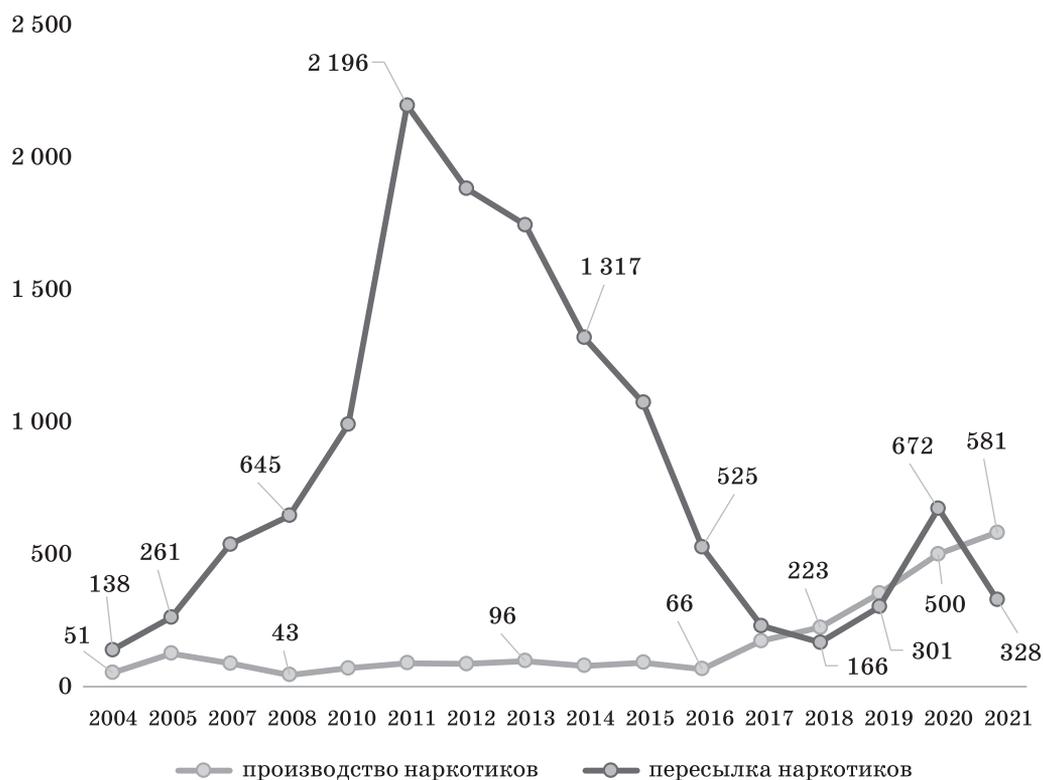

Рис. 2. Динамика зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным производством и пересылкой наркотических средств или психотропных веществ, в 2004–2021 гг., тыс.

В год начала пандемии, после некоторого спада, увеличилось (на 38,1 %) количество изъятых из незаконного оборота наркотиков, при этом структура наркорынка в последние десять лет планомерно изменялась в сторону синтетических наркотиков [6, с. 18; 1, с. 2–5]. Однако, несмотря на продолжающуюся

реструктуризацию российского нелегального наркорынка в сторону увеличения доли «синтетики», в незаконном обороте в 2020 г. преобладали наркотики растительного происхождения, как показано в таблице 3. Повышены объемы изъятия марихуаны, чему способствует наличие собственной сырьевой базы (значительных площадей произрастания дикорастущей конопли), а количество зарегистрированных правоохранительными органами преступлений, связанных с незаконным культивированием наркосодержащих растений, возросло на 1,2 %.

Таблица 3

**Объемы изъятия из незаконного оборота наркотических веществ
в Российской Федерации с 2015 по 2020 г.¹**

Изъято наркотиков, т, кг	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Всего изъято, т	34	21,8	24,4	22,8	21,7	30
Каннабис, т	23,5	15,1	14,3	15,2	Нет данных	10,6
Синтетические наркотики, т	5,4	3,5	5,6	4,2	5,1	8,7
Наркотики опийной группы, т, кг	3,2 т	1,4 т	977,3 кг	1,1 т	798 кг	861 кг
Психотропные препараты, т, кг	Нет данных	1,3 т	437 кг	598 кг	372 кг	559,9 кг
Кокаин, кг	954,5 кг	Нет данных	Нет данных	47,6 кг	515,7 кг	862 кг
Прекурсоры, т, кг	629 кг	108 кг	239 кг	1,2 т	1,1 т	7,3 т

Тенденция перехода к синтетике, которая наблюдается в течение нескольких лет, продолжала развиваться в период пандемии коронавируса COVID-19. Буму способствовало развитие так называемой инновационной химии. Производители наркотиков наладили производство собственных химических веществ-прекурсоров для синтетических наркотиков в обход международного контроля. В условиях пандемии и сокращения контрабандных поставок продолжены реформирование и адаптация российского черного рынка наркотиков к изменяющейся ситуации. Возросла доля изъятых «синтетических» наркотиков, синтез которых происходит в мелких и средних лабораториях, расплодившихся практически повсеместно, и спрос на которые среди наркопотребителей в 2020 г. резко увеличился [6, с. 41]. Этот скачок в спросе вызван закрытием прежних каналов поставок наркотического сырья. Однако уменьшение импорта «товара» на теневом рынке не улучшило ситуацию в целом.

В 2020–2021 гг. продолжился рост внутреннего подпольного наркопроизводства синтетических наркотиков, что связано с его относительно низкой себестоимостью и практически полной независимостью «местных» наркопроизводителей от поставок прекурсоров из-за рубежа. Так, в 2020 г. на 29,6 % возросло количество выявленных органами внутренних дел мест незаконного изготовления, производства и переработки наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, в том числе на 23,1 % — количество ликвидированных нарколабораторий [6, с. 16].

¹ Таблица составлена по данным, представленным в докладах о наркоситуации в России Государственного антинаркотического комитета за 2015–2020 гг.

Проведенные нами в 2020 г. онлайн-опрос трудоспособного городского населения и опрос студенческой молодежи показали, что доля респондентов, полагающих, что во время пандемии в России станет больше подпольных нарколабораторий, велика (56 % и 45 % соответственно). Среди респондентов, пробовавших наркотики, уверенность в этом еще выше (64 % и 53 % соответственно). Лишь 3–4 % респондентов полагают, что пандемия COVID-19 способствует увеличению роста наркопотребления в России. Однако 45 % трудоспособного населения и 34 % студентов уверены в том, что наркопотребление останется на прежнем уровне, несмотря на сложности с транспортировкой.

Как видно из таблицы 3, впервые с 2015 г. в значительной степени возросла доля изъятых прекурсоров. В 2020 г. увеличилось на 66,3 % и количество зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом прекурсоров [6, с. 15–18]. Рост числа незаконных лабораторий совпал с ростом количества групповых наркопреступлений. В 2020 г., по сравнению с 2019 г., правоохранительными органами РФ зарегистрировано на 71,8 % больше преступлений, связанных с организацией преступных сообществ (организаций), действующих в сфере незаконного оборота наркотиков, или участием в них. Возросло на 7,1 % и число расследованных наркопреступлений, совершенных в составе организованной группы, на 37 % — в составе преступного сообщества (организации) [6, с. 14]. Например, в 2021 г. на территории Московской области ФСБ проведена операция по пресечению противоправной деятельности организованной преступной группы, специализировавшейся на производстве различных синтетических наркотических средств в особо крупном размере. В месте расположения нарколаборатории изъяты обладающее высоким аддиктивным потенциалом¹ наркотическое средство α -PVP общей массой около 40 кг, а также лабораторное оборудование и различные химические вещества [22].

Среди наиболее тревожных тенденций периода пандемии — влияние COVID-19 на торговлю наркотиками через интернет и даркнет (закрытую часть интернета). Развитие торговли наркотиками посредством интернета, в том числе в его закрытой части, началось десять лет назад, но сегодня годовая оборот крупнейших из них, по оценкам специалистов, составляет уже 315 млн долл. США [23, р. 76]. Продажи наркотиков на рынках даркнета составляют небольшую долю от общего объема продаж наркотиков, но около 90 % таких продаж в настоящее время связаны с наркотиками, и рост в этой сфере вызывает тревогу. С 2010 по 2020 г. годовая объем продаж увеличился в четыре раза [23, р. 75–78]. Масштабное проникновение наркоторговли в социальные сети и на популярные электронные торговые площадки свидетельствует о том, что доступность наркотиков растет. Особенно на ситуацию, связанную с интернет-наркорынками, повлияла пандемия в последние два года.

Данные, содержащиеся в Международном отчете УНП ООН, говорят о том, что за двухлетний период наметился существенный рост использования технологий и бесконтактных способов приобретения наркотиков. Пандемия COVID-19 изменила поведение покупателей, ускорив переход к электронной торговле и вызвав переход к онлайн-покупкам, который, вероятно, будет иметь долгосрочные последствия. Выявленная тенденция повлияла не только на легальные товары, но и на закупки наркотиков. Доступ к рецептурным лекарствам и наркотикам также стал проще, чем когда-либо.

По данным, собранным ООН, люди, употребляющие наркотики, с января по март 2020 г., во время пандемических блокировок, чаще использовали рынки

¹ Аддиктивный потенциал вещества — это способность вещества вызывать у человека болезненное пристрастие, зависимость.

как в даркнете, так и в обычной сети Интернет. В начале пандемии прослеживалось увеличение покупок и каннабиса через даркнет [5; 23]. В Германии возросло общее использование последнего для покупки рецептурных и других лекарств. В Румынии национальные эксперты отметили увеличение числа посылок, заказанных с рынков даркнета в начале пандемии. В США ряд средств массовой информации, напротив, сообщали о снижении онлайн-продаж наркотиков через темную сеть, в то время как правительство Соединенных Штатов отмечало, что некоторые рынки даркнета закрываются, прекращают обслуживание или предупреждают клиентов о доставке и задержках доставки. Все эти выводы отражают факт нестабильности рынков в темной сети, наблюдавшейся в течение последнего десятилетия, которая усилилась во время пандемии.

Рост использования онлайн-методов покупки лекарств также наблюдается в Китае, Таиланде и России. Анализ 12 основных рынков даркнета, на которых продавали наркотики в 2019 и 2020 гг., показывает изменения популярности этих рынков с течением времени. В 2020 г. продажи наркотиков на 12 рынках даркнета возросли в четыре раза по сравнению с 2019 г., и заметный рост наблюдался на рынке *Hydra*, рынке даркнета, ориентированном в большей степени на русскоязычные страны [23].

В условиях самоизоляции (2020) в нашей стране значительно увеличилось количество выявленных наркопреступлений, совершенных с использованием ИТ-технологий. По итогам 2020 г. правоохранными органами зарегистрировано 47 060 преступлений, связанных с незаконным производством, сбытом, пересылкой наркотиков, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий, что на 90,7 % превышает показатель за 2019 г. В 2021 г. рост продолжился (51 807 преступлений). Возросло и число расследованных преступлений данной категории [18; 20].

Выводы

Анализ влияния распространения коронавирусной инфекции COVID-19 на различные звенья незаконного оборота наркотиков в России говорит о том, что жесткие ограничительные меры, введенные с целью противодействия распространению коронавирусной инфекции, оказали значительное влияние на наркоситуацию в сторону ее ухудшения. Закрытие границ, усложнение связей между странами привели к изменению оборота наркотиков на всех его уровнях. Преступные наркогруппировки быстро смогли адаптироваться к новым условиям, сформировав новые стратегии по реализации наркотических средств, направленные на преодоление возникших препятствий. Усилилось распространение наркотиков с использованием почтовых услуг. Даркнет-рынки, социальные сети и защищенные шифрованные коммуникационные приложения стали играть более заметную роль в поиске наркотиков пользователями, а количество личных сделок и зависимость от наличных денег как формы оплаты снизились. К сожалению, международные наркогруппировки и наркобизнес в стратегическом и техническом плане зачастую опережают правоохранные органы. Очевидным становится то обстоятельство, что все инновации, освоенные и примененные наркомафией в период пандемии, сохраняются как более эффективные и совершенные. Нестабильность рынка наркотиков привела к росту опасных методов их домашнего производства и быстрому развитию «домашних» нарколабораторий.

Специалистам различного профиля, занимающимся исследованием проблем наркотизации общества, следует обратить внимание на тот факт, что, несмотря на позитивную тенденцию последних лет к снижению различных показателей

наркотизма, резкие социальные изменения, происходящие на глазах, ухудшение экономического положения страны, снижение качества жизни большинства россиян, с одной стороны, и быстрые технологические инновации в сочетании с гибкостью и адаптируемостью наркоторговцев, использующих новые стратегии и онлайн-платформы для продажи наркотиков, — с другой, создали сегодня в России новые, совершенные условия для возможного взрывного роста наркологических проблем в ближайшем будущем.

Список источников

1. Позднякова М. Е., Брюно В. В. Сравнительный социологический анализ изменений ситуации с потреблением наркотиков в России за 30 лет: 1990–2020 гг. // Вопросы наркологии. 2021. № 5 (200). С. 15–51. DOI: 10.47877/0234-0623_2021_05_15
2. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. 2020. 23 ноября. URL: <https://base.garant.ru/74938781/> (дата обращения: 04.03.2022).
3. Киржанова В. В. Наркоситуация в Российской Федерации в свете реализации государственной антинаркотической политики // Вопросы наркологии. 2021. № 10 (205). С. 5–37. DOI: 10.47877/0234-0623_2021_10_5
4. Channing May. Transnational Crime and the Developing World // Global Financial Integrity. 2017. March 27. 166 p. URL: https://secureservercdn.net/50.62.198.97/34n.8bd.myftpupload.com/wp-content/uploads/2017/03/Transnational_Crime-final.pdf (дата обращения: 04.03.2022).
5. COVID-19 and Drugs: Impact Outlook // World Drug Report. 2021. 101 p. URL: https://www.unodc.org/res/wdr2021/field/WDR21_Booklet_5.pdf (дата обращения: 04.03.2022).
6. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2020 году. М.: Государственный антинаркотический комитет, 2021. 62 с. URL: https://xn----7sbabhak4bqktigbdqi0yka.xn--p1ai/images/documents/norm_akt_2021/2021_doclاد_o_narcosituacii_v_rf_2020.pdf (дата обращения: 04.03.2021).
7. COVID-19 and the drug supply chain: From production and trafficking to use // UNODC. 2020. 55 p. URL: <https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/covid/Covid-19-and-drug-supply-chain-Mai2020.pdf> (дата обращения: 04.03.2022).
8. Afghanistan: 37 per cent increase in opium poppy cultivation in 2020, while researchers explore novel ways to collect data due to COVID-19 // UNODC. 2021. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/frontpage/2021/May/afghanistan_-37-per-cent-increase-in-opium-poppy-cultivation-in-2020--while-researchers-explore-novel-ways-to-collect-data-due-to-covid-19.html (дата обращения: 04.03.2022).
9. Васильева М. Опиум и народы: COVID развил новые схемы продажи наркотиков в Евросоюзе // Iz.ru. 2021. 26 апреля. URL: <https://iz.ru/1152520/mariia-vasileva/opium-inarody-covid-razvil-novye-skhemy-prodazhi-narkotikov-v-evrosoiuze> (дата обращения: 26.02.2022).
10. На границе России изъяли около тонны героина из стран Ближнего Востока // Ведомости. 2021. 20 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/05/20/870638-na-granitse-rossii-izyali-okolo-tonni-geroina-iz-stran-blizhnego-vostoka> (дата обращения: 25.02.2022).
11. Петров И. Картель «Напрасный труд»: наркомафия понесла рекордные потери. Что стоит за массовыми изъятиями наркотиков в разных частях света в 2021 году // Iz.ru. 2021. 11 августа. URL: <https://iz.ru/1204065/ivan-petrov/kartel-naprasnyi-trud-narkomafia-ponesla-rekordnye-poteri> (дата обращения: 26.02.2022).
12. Петров И. Разряд по коксу: ФСБ изъяла 60 кг наркотика ценой около 2 млрд рублей. Пограничники задержали в Санкт-Петербурге иностранцев, причастных к наркотрафику // Iz.ru. 2021. 19 февраля. URL: <https://iz.ru/1127132/ivan-petrov/razriad-pokoksu-fsb-iziala-60-kg-narkotika-tcenoi-okolo-2-mlrd-rublei> (дата обращения: 26.02.2021).
13. Impact of COVID-19 on drug markets, use, harms and drug services in the community and prisons // The European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction (EMCDDA).

2021. April. 38 p. URL: https://www.emcdda.europa.eu/system/files/publications/13745/TD0321143ENN_002.pdf (дата обращения: 04.03.2021).
14. Executive Summary Impact of Covid-19 Policy Implications // World Drug Report. 2020. 62 p. URL: https://wdr.unodc.org/wdr2020/field/WDR20_BOOKLET_1.pdf (дата обращения: 04.03.2022).
 15. Киржанова В. В., Григорова Н. И., Бобков Е. Н., Киржанов В. Н., Сидорюк О. В. Деятельность наркологической службы в Российской Федерации в 2019–2020 годах: аналитический обзор. М.: Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского, 2021. 192 с.
 16. The global illicit economy: Trajectories of organized crime // The Global Initiative Against Transnational Organized Crime. 2021. March. 61 p. URL: <https://globalinitiative.net/wp-content/uploads/2021/03/The-Global-Illicit-Economy-GITOC-Low.pdf> (дата обращения: 04.03.2022).
 17. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2014 г. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2021. 56 с.
 18. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 г. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2021. 67 с.
 19. Состояние преступности в России за январь–май 2020 г. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2020. 66 с.
 20. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 г. М.: Главный информационно-аналитический центр МВД России, 2020. 66 с.
 21. Фалалеев М. Как пандемия повлияла на оборот наркотиков в России и в мире // Российская газета. 2020. 28 июня.
 22. ФСБ пресекла деятельность нарколаборатории в Подмоскowie // Ria.ru. 2021. 22 марта. URL: <https://ria.ru/20210322/fsb-1602262394.html> (дата обращения: 04.03.2022).
 23. Global overview: drug demand drug supply // World Drug Report. 2021. 109 p. URL: https://www.unodc.org/res/wdr2021/field/WDR21_Booklet_2.pdf (дата обращения: 04.03.2022).

Информация об авторах

М. Е. Позднякова — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Сектора социологии девиантного поведения; 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5;

В. В. Брюно — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник; 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.

Information about the authors

M. E. Pozdniakova — PhD in Philosophy, Leading Researcher, Head of the Sector of Deviant Behavior Sociology; 24/35, build. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow 117218, Russia;

V. V. Bryuno — PhD in Sociology, Senior Researcher; 24/35, build. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow 117218, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 02.03.2022; одобрена после рецензирования 24.03.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 02.03.2022; approved after reviewing 24.03.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 316.334.55

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-155-163

Социологические и правовые основы жизненного мира российского села: теоретико-методологический и сущностный аспект

Александр Александрович Афанасьев

Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Россия,
afanasiev-3a@yandex.ru

Аннотация. В статье речь идет о том, что жизненный мир села (сельская жизнь) — это своеобразный фон (самостоятельная среда, субстанция), который структурно складывается из общественного (группового) сознания в виде смыслов общественной (публичной) и личной (приватной) жизни, направленных на взаимопонимание. Право выражено через фундаментальные идеи и проявляется как дух права. Согласно авторской позиции, система жизненного мира села представляет собой совокупность институционных общественно-политических структур (подсистем), в том числе правовой подсистемы. Правовая подсистема по своей сути является правовой основой жизненного мира села (сельской жизни), которая отражает действующую в государстве систему позитивного (положительного) права, где вырабатываются правовые нормы. На основе формально-юридического (догматического) и в совокупности с ним институционно-правового, иных методов исследования определены структурные элементы правовых основ жизненного мира российского села (сельской жизни) и их сущностные характеристики.

Ключевые слова: жизненный мир, сельская жизнь, право, правовые основы, село, территория, власть, общество

Для цитирования: Афанасьев А. А. Социологические и правовые основы жизненного мира российского села: теоретико-методологический и сущностный аспект // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 155–163. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-155-163>

Original article

Legal foundations of the life world of the Russian village: Theoretical, methodological and essential aspect

Aleksandr A. Afanasiev

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia,
afanasiev-3a@yandex.ru

Abstract. The life world of the village (rural life) is a kind of background (independent environment, substance), which structurally consists of public (group) consciousness in the form of the meanings of public (public) and personal (private) life, aimed at mutual understanding. Here, law is expressed through fundamental ideas and manifests itself as the spirit of law. The system of the village's life world is a set of institutional socio-political structures (subsystems), including the legal subsystem. The legal subsystem is essentially the legal basis of the life world of the village (rural life), which reflects the system of positive (positive) law in force in the state, where legal norms are developed. The structural elements of the legal foundations of the life world of the Russian village (rural life) and their essential character-

istics are determined on the basis of the formal-legal (dogmatic) and, in combination with it, institutional-legal and other research methods.

Keywords: life world, rural life, law, legal foundations, village, territory, government, society

For citation: Afanasiev A. A. Legal foundations of the life world of the Russian village: Theoretical, methodological and essential aspect. *Sociology and Law*. 2022;14(2):155-163. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-155-163>

Введение

Критическая оценка Конституции Российской Федерации (РФ) 1993 г. с учетом современного состояния мировой экономики и политики позволила внести в нее в 2020 г. существенные поправки, которые в обществе воспринимаются как начало процесса реагирования на новые вызовы в целях обеспечения развития российской цивилизации. Особое значение, на наш взгляд, имеют положения новых статей 67.1 и 75.1, а также новеллы статей 68, 69, 72 и 75 Конституции РФ, обязывающие публичную власть в построении основ жизни российского общества опираться на тысячелетнюю историю страны, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии российского государства, исторически сложившиеся государственное единство и культурные традиции народа.

С сельским образом жизни непосредственно связана судьба значительной части населения нашей страны. Жизненный мир российского села (сельская жизнь) является важнейшим фактором, определяющим выбор направлений стратегического развития нашего государства. В связи с этим значим анализ правовых основ сельской жизни и правовых традиций ее самоорганизации как политико-правового (социального) феномена, являющегося опорой русской государственности, особенно в период кризиса и даже слома государственных форм. К примеру, в качестве предмета дискурса не только среди ученых-юристов, но и среди обществоведов выступает стремительная урбанизация России при ее огромной территории и безусловном цивилизационном значении сельского образа жизни, оказавшем влияние на формирование ментальных особенностей, сохранение традиций и ценностей народа [1, с. 131–137, 158–175, 211–213]. При этом признан тот факт, что не меньшую значимость в цивилизационном развитии России уже с момента образования его государственности, в том числе самоуправленческих начал, внесли города. Изучение жизненного мира городского населения становится важным и оправданным.

Теория

Понятие «жизненный мир» («мир жизни села», «мир сельской жизни», «сельская жизнь») и его идея обязаны происхождением философам и социологам. Проведенное нами исследование жизненного мира российского села в правовом отношении с философско-социологических позиций позволило увязать существующие научные теории (парадигму) жизненного мира и представить жизненный мир села в виде двойственной конструкции (модели), которая увязывает научные теории (парадигму) жизненного мира и системы [2]. Жизненный мир села (сельская жизнь) структурно складывается из общественного (группового) сознания в виде смыслов общественной (публичной) и личной (приватной) жизни на основе коммуникативного действия (поведения) отдельных индивидов и групп

российского общества, направленных на взаимопонимание (этическое, социальное, правовое, политическое и в итоге прагматическое), универсализацию личностей как уникальных индивидуальностей, устойчивость в отношениях, согласование жизненных планов, упорядочивание нормативной среды.

Право выражено через фундаментальные идеи и принципы, определяющие мировоззренческую аксиологическую, целевую и иную направленность правового регулирования в обществе, то есть проявляется как дух права и внутреннее содержание нормы права (формы права). Норма права должна соответствовать своему внутреннему содержанию (духу права), чтобы не уничтожить целевое назначение права как основы установления справедливого порядка. Если такого соответствия нет, то норма права подлежит отмене, иначе право в обществе может стать инструментом произвола власти. В основе данного подхода лежит либертарно-юридический тип правопонимания академика В. С. Нерсисянца [3].

Система жизненного мира российского села представляет собой совокупность институциональных подсистем (общественно-политических структур), в том числе правовой подсистемы системы жизненного мира села. Правовая подсистема по своей сути служит правовой основой жизненного мира села (сельской жизни), которая отражает действующую в государстве систему позитивного права, где вырабатываются правовые нормы. Жизненный мир села — это фактор развития (движущая сила) своей системы. Система имеет возможность влиять (манипулировать) индивидуумами и ориентирована на реализацию стратегических интересов, в том числе по развитию сельских территорий через правовую подсистему, сохранение цивилизационных основ государства, зафиксированных в ментальных особенностях сельского населения. В случае решения системой (подсистемой) вопросов без учета или в ущерб налаживанию и поддержанию традиционно нормируемых и нормальных межличностных отношений, складывающихся на основе доверительности и открытости в общении, жизненный мир может быть альтернативой и противостоять системе или ее подсистемам. Для недопущения конфликтных ситуаций система (подсистема) должна не только учитывать, но и постоянно обращаться к жизненному миру села. В результате происходит манипуляция (подгонка) правовых основ реальной жизни под сформировавшееся понятие объективности — идеального состояния правовых основ, складывающегося под влиянием жизненного мира российского села.

Исследование правовых основ жизненного мира российского села с использованием формально-юридического (догматического) метода позволяет анализировать право в области бытия, где находят отражение правовые нормы для осуществления политико-управленческой деятельности человека. Формально-юридический метод призван обеспечить создание базовых юридических понятий в национальном праве, их толкование, обнаружение свойств, признаков и закономерностей, а также позволяет изучать новые явления и процессы, которые нуждаются в объяснении [4, с. 109]. Вместе с тем любое исследование области права предполагает использование в связке с догматическим методом и других общенаучных, специальных методов.

Так, в определении положительных моментов и проблем нормативной базы в качестве одного из главных будет выступать институциональный метод. Сущность институциональности права (институт от лат. *institutum* — «установление, обычай, учреждение») заключается в том, что в процессе цивилизационного развития общества элементы повторения определенных действий или каких-либо социальных отношений в конкретных исторических условиях фиксируются, а в будущем происходит их закрепление в правовых нормах для сохранения определенных образцов поведения, типизации действий как обязательных для исполнения.

Данные нормы права выполняют функцию политического управления и контроля со стороны органов власти. С развитием правовой системы общества увеличивалась и степень институциональности права, так как на начальном этапе построения государства главенствующую роль социального регулятора выполняли нормы морали и церкви нормы (божественного права), обычай (неформализованные правила поведения в обществе). Именно правовые нормы права на современном этапе развития государства способствуют формированию и обеспечению генерации правовой реальности, правовой культуры, их структурных элементов, иных характеристик национальной правовой системы, которые выделяют ее среди других правовых систем в мире, подчеркивают ее цивилизационный характер.

Исторический анализ развития правовых основ жизненного мира российского села показывает уникальность практического опыта и особенностей самоорганизации и самоуправления, социальной солидарности и социального партнерства, которые находят отражение как в законодательстве, так и в традициях, обычаях. Формы самоуправленческой организации российской общины прошли путь от общины рода на начало зарождения государства и затем к территориальной общине (земле, миру, городской волости, граду, городищу, общине-поселению, кусту, посадской самоуправленческой общине, земледельческой волости, общине улиц, концов и др.) с вечевой демократией и традицией народных сходов (в Древней Руси, крестьянской, волостной и земской общине) — в Средние века и до начала XX в., сельской (местной) общине сельских советов — в период СССР, и, наконец, общине сельских поселений (сельских округов) — в настоящее время.

Общинность сельской жизни как качественная характеристика традиционного русского общества предполагает цивилизационный принцип решения местных дел населением сельских территорий при деятельном участии публичной власти и организованных институтов гражданского общества, формирующий особое правосознание (правовой менталитет) личности. В основе общинности находятся такие ментальные особенности российского народа, как коллективизм, трудолюбие, справедливость, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, взаимопомощь и взаимоуважение, служение Отечеству, любовь к малой родине (родной земле) и крепкая традиционная семья. Экономическую основу общинности составляет малый и средний бизнес (в современном понимании) с обязательной поддержкой государства. Общинность служит и необходимым условием сохранения духовно-нравственных ценностей и традиций народа, в том числе непосредственного участия населения в преодолении постоянно возникающих жизненных проблем на сельской территории и разрешения незначительных конфликтных ситуаций в сельском социуме. Жизненный мир российского села создает свои, опирающиеся на народные архетипы, особые формы реализации социальной справедливости, что в современных условиях способствует формированию основы для построения нравственного правового государства.

Результаты и обсуждение

В целях определения понятия правовых основ жизненного мира российского села необходимо выделить его структурные элементы и осветить их сущностные характеристики.

Возникновение любого политико-правового явления связано с фундаментальными потребностями общества, без удовлетворения которых видится невозможным его устойчивое нормальное функционирование и развитие. Правовые основы современного жизненного мира российского села характеризует четко

определенная цель: устойчивое развитие сельских территорий РФ. Для ее достижения государством предусмотрен круг задач с соответствующим набором функций в отношении властной системы общества, финансовым и материальным обеспечением для регулирования специфических правоотношений. Именно правоотношения относятся к числу основных элементов правовых основ жизненного мира российского села, характеризующих их внутреннюю (содержательную) сторону через установление желаемого для общества поведения граждан в Конституции РФ, законодательных и иных нормативно-правовых актах (нормативный аспект). При этом в отношении публичной власти для повторения и воспроизведения правоотношений данного вида.

Развитие общества представляется невозможным без формализации общественных отношений в виде правоотношений. Правовые основы жизненного мира российского села сложились на пути исторического развития России в результате регулярных и долговременных общественных отношений, санкционируемых и поддерживаемых с помощью норм права. В рамках настоящего исследования понятие правовых основ системы жизненного мира российского села также во многом раскрывается через правоотношения, выступающие в качестве предмета правового регулирования, обеспечивающего достижение поставленных обществом целей в своем развитии, в том числе по обеспечению конституционных основ правового социального государства, установлению задач и функций в деятельности того или иного органа власти. В дальнейшем государственная власть и органы местного самоуправления, используя механизм правового регулирования, воздействуют на данные общественные отношения (предмет правового регулирования) с целью решения задач социально-экономического развития сельских поселений, улучшения качества жизни сельского населения, в том числе разрабатывая и финансируя многочисленные программы. На этом основании правовые основы сельской жизни в системе жизнеобеспечения государства служат действенным фактором обеспечения суверенитета и национальной безопасности нации. Определение круга общественных отношений, которые требуют правового регулирования сельской жизни, анализ их содержания — это основа эффективного действия права. Они, безусловно, имеют специфику и отличия от общественных отношений, определяющих городскую жизнь. Представляется, что и это направление заслуживает отдельного исследования среди юристов.

В науке сложилось однозначное понимание деревни, села, сельского образа жизни как сложнейшей подсистемы общества, в которой воедино слиты экономика села, качество жизни, крестьянский труд и народная культура, формирующая особый генотип нации во всех ее проявлениях [5]. Село, помимо выполнения общенациональной продовольственной функции, генерирует важнейшие общественные блага, связанные с пополнением демографического, трудового и историко-культурного потенциала страны, сохранением живой природы и экологического равновесия, обеспечением занятости населения в сферах, связанных с сельским хозяйством и туризмом.

Правовые отношения жизненного мира российского села возникают в областях, тесно соприкасающихся с главными элементами конструкции понятий «сельское поселение» и «сельская территория». Их группировку необходимо осуществлять вокруг объектов правоотношений (материальные и нематериальные блага), предоставлением и использованием которых могут быть удовлетворены следующие интересы: 1) обеспечение жизнедеятельности населения сельского поселения; 2) сохранение и развитие качества территории сельского поселения; 3) обеспечение деятельности государственной власти (федеральной и субъекта РФ); 4) обеспечение деятельности муниципальной власти на территории сельского

поселения. По содержанию и характеру данные правоотношения могут быть организационными, управленческими, имущественными, финансовыми, иными. Но все эти отношения должны быть объединены главной целью — целью удовлетворения ключевых жизненных потребностей населения (жизнеобеспечения) на основе устойчивого социально-экономического развития сельских территорий.

Предмет правового регулирования системы жизненного мира российского села составляет единый комплекс общественных отношений: экономических, социальных, властных, природно-экологических и историко-культурных, возникающих между субъектами и направленных на сохранение, развитие духовно-нравственных цивилизационных традиций народа, улучшение качества жизни и пространственного развития территории проживания населения сельских поселений, обеспечение на территории сельского поселения условий расширенного сельскохозяйственного производства и благоприятного ведения личного подсобного хозяйства, а также повышение эффективности деятельности публичной власти в реализации государственной политики в отношении села.

Настоящее исследование подтверждает, что правовой обычай служит неотъемлемым элементом, характеризующим содержательную часть правовых основ жизненного мира российского села. Сегодня государство и научное сообщество стали признавать правовой обычай источником права. При этом отсутствует его легальное и общепризнанное определение. Однако, ориентируясь на научные труды Н. И. Матузова, А. В. Малько, И. Н. Мироновой, Н. А. Макаровой, в которых определены главные признаки данного социально-правового явления, следует согласиться с тем, что под правовым обычаем необходимо понимать санкционированное государством, исторически сложившееся и многократно повторяемое правило поведения, вошедшее в привычку и сознание людей, порождающее позитивные правовые последствия для субъектов общественных отношений [6].

Вопрос о направлениях, перспективах социально-политического и политико-правового развития современного российского общества и государства в настоящее время видится особенно острым с учетом динамично развивающегося кризиса международных отношений и противостояния национальных государств моделям всемирного управления, запущенным в работу транснациональными корпорациями [7]. В этой связи одной из главных задач теоретико-правовой науки становится исследование первичных элементов правовых основ сельской жизни, на которых базируются человеческие отношения, строится образ жизни народа, формируются правовые принципы государства. К ним прежде всего относятся сельская территория, сельское население, сельское поселение, действующая на сельской территории государственная и муниципальная власть, специфические организации (производственные, научные, иные). Именно они отражают внешнюю форму правовых основ сельской жизни.

Определение сущности сельской территории и сельского поселения как социально-правовых явлений — фундамент в понимании структурных элементов правовых основ жизненного мира российского села. Для решения этой задачи необходимо выделить формально-юридические признаки, которые в своем единстве образуют формулу данных правовых категорий [8, с. 13–57]. Сельская жизнь охватывает сельскую территорию РФ как совокупную территорию сельских поселений, входящих в состав муниципальных районов, и межселенных территорий муниципальных районов, сельских населенных пунктов и межселенных территорий муниципальных округов, на которых формируется и действует комплекс специфических общественных отношений сельской жизни, направленных на обеспечение жизнедеятельности и устойчивое развитие территории проживания.

ния сельского населения. Комплексное социально-экономическое развитие сельских территорий, в том числе достижение современного уровня функционирования ее инфраструктуры (межпоселенческих дорог, линий электропередач, газопроводов и др.), обеспечит привлекательность сельских территорий для жизни. Сельский населенный пункт (поселок, рабочий поселок, село, станица, деревня, хутор, кишлак, аул и др.) — вид административно-территориального образования, в котором местное самоуправление осуществляется сельским населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления сельского поселения, муниципального района или муниципального округа, в состав которого входит сельский населенный пункт, а федеральная власть и государственная власть субъектов РФ действует в виде административно-правового режима в рамках полномочий для повышения благосостояния сельского населения и поддержки местного самоуправления в реализации задач устойчивого развития сельских территорий РФ.

Сельское поселение — вид муниципального образования на сельской территории России, где действует одна из ветвей публичной власти, обеспечивающая решение вопросов местного значения населением и/или через исполнительные и представительные органы в тесном взаимодействии с органами местного самоуправления муниципального района и органами государственной власти с целью повышения качества жизни местного населения и устойчивого комплексного социально-экономического развития его территории проживания на основе ценностей правового государства и с учетом исторических, религиозных, национальных, иных традиций. К элементам правовых основ жизненного мира российского села и одновременно правовой конструкции понятий «сельское поселение» и «сельская территория» относятся три элемента: а) территория сельского поселения, которая характеризуется специфическими пространственными критериями: 1) географическим положением на карте; 2) размерами; 3) протяженностью с севера на юг и с востока на запад; 4) компактностью; 5) климатическими условиями; 6) населенностью; 7) особенностями ландшафта; 8) свойствами почвы; 9) характером недр и степенью их разработки; б) сельское население (население сельских поселений), характеризуемое следующими критериями: 1) проживает на обособленной территории с относительно невысокой плотностью и численностью; 2) обладает устойчивым психологическим представлением о единении в сообщество, основу которого составляют осознание производственных, исторических и культурных традиций, чувства принадлежности, сопричастности и ответственности; 3) в большей своей части в трудовой деятельности связано с сельским хозяйством; 4) в основных вопросах непосредственного обеспечения жизнедеятельности (вопросах местного значения) руководствуется муниципальными правовыми актами; 5) в качестве политической общности периодически выражает свою волю по решению вопросов местного значения сельского поселения, участию в осуществлении государственной власти и др. (при этом жители должны иметь статус избирателя, установленный законодательством); 6) в обеспечении повседневных социально-экономических потребностей использует общую инфраструктуру; 7) исторически сформировало и бережно хранит не менее значимые для страны духовные ценности — веру и Отечество, святыни и нравственность; в) действующая на данной территории публичная власть и устанавливаемый ею правовой режим в форме государственно-правового регулирования комплекса общественных отношений, осуществляемого в интересах населения на основе общеправовых ценностей на федеральном уровне и на уровне субъектов РФ, а также в форме муниципально-правового регулирования данных общественных отношений.

В дальнейшем в исследовании на этой научной базе обнаружен цивилизационный аспект правовой системы России, внешнее выражение которого проявляется в правосознании личности и ее ценностных правополаганиях, определены практические способы и направления совершенствования правовых основ жизненного мира российского села на современном этапе. Цивилизационная особенность сельской жизни (жизненного мира села) в России заключается в построении общества (общины) не только на нормах позитивного права, но и на правовых традициях справедливости, солидарности и взаимопомощи. С позиции философии и социологии права жизненный мир российского села является сферой жизнедеятельности человека на сельской территории РФ, обусловленной ее спецификой (экономической, инфраструктурной, социальной, экологической и др.) при поддержке государства.

Выводы

Все это позволяет правовые основы жизненного мира российского села (сельской жизни) определить как социально-правовое явление в системе жизнеобеспечения государства с собственным предметом правового регулирования, который находит содержание в целях, направлениях, задачах и функциях органов власти государства. Правовые основы сельской жизни включают в себя, наряду со специфическими правоотношениями, иные важнейшие структурные элементы (сельскую территорию, сельское поселение); территорию сельских поселений, сельское (местное) население и действующую на сельской территории публичную власть с четко определенной целью (устойчивым комплексным развитием сельских территорий РФ) и соответствующим набором задач, функций, финансовым и материальным обеспечением властной системы общества для реализации этой цели. Они выступают ключевым фактором обеспечения суверенитета и национальной безопасности государства, правовой культуры общества, ментально отражающей цивилизационные особенности народа России.

Жизненный мир российского села (сельская жизнь) представляет собой наиболее перспективную форму правовой жизни общества в период кризиса отношений между человеком и природой, обеспечивающую гармоничную регламентацию вопросов самоорганизации общества при сохранении гармоничного баланса правовых, политических, социально-экономических, технологических и иных факторов, включая цифровизацию человеческой жизни. В качестве саморазвивающегося политико-правового феномена жизненный мир села охватывает комплекс материальных и духовных правовых явлений, возникающих при решении задач развития сельских территорий в целях улучшения качества жизни народа, обеспечения национальной безопасности и суверенитета России, является эффективным инструментом преобразования позитивного права в рамках совершенствования правовых основ сельской жизни.

Список источников

1. Мальцев Г. В. Крестьянская община в истории и судьбе России. М.: Изд-во Российского государственного торгово-экономического университета, 2010. 256 с.
2. Афанасьев А. А. Жизненный мир российского села в правовом отношении: социологический аспект // Социология и право. 2022. Т. 14. № 1. С. 27–35. DOI: 10.35854/2219-6242-2022-1-27-35
3. Нерсесянц В. С. Философия права: учебник для вузов. М.: Норма, 2005. 656 с.

4. Кельзен Г. Чистое учение о праве: (2-е изд., 1960) / пер. с нем. СПб.: Алф-Пресс, 2015. 540 с.
5. Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских территорий: зарубежный опыт и проблемы России / отв. ред. Н. Ф. Глазовский, А. В. Гордеев, Г. В. Сдасюк. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. 615 с.
6. Макарова Н. А. К вопросу об определении понятия «правовой обычай» // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 2 (93). С. 199–202.
7. Бабурин С. Н. Трансформация российской конституционной системы ценностей как путь к социальной консолидации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 1. С. 7–14. DOI: 10.18384/2310-6794-2021-1-7-14
8. Афанасьев А. А. Доктринальные основы устойчивого комплексного развития сельских поселений Российской Федерации: теоретико-правовой аспект. М.: Книжный мир, 2021. 240 с.

Информация об авторе

А. А. Афанасьев — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры театрального искусства и социокультурных процессов; 644077, Омск, пр. Мира, д. 55а.

Information about the author

A. A. Afanasiev — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theater Arts and Socio-Cultural Processes; 55A Mira Ave., Omsk 644077, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 20.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 20.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-164-173

Некоторые особенности региональных организованных групп или преступного сообщества мегаполисов: социально-криминологический аспект

Егор Михайлович Поречный¹, Виктор Дмитриевич Макроменко²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ egorikpor@mail.ru

² m777vd@yandex.ru ✉

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей региональных организованных групп или преступного сообщества мегаполисов (Санкт-Петербурга и Ленинградской области), дискусионности их социально-криминологической характеристики. Авторами предложены возможные пути повышения эффективности противодействия, предупреждения организованной преступности в целом и преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в частности. Обращено внимание на проблему дистанционного мошенничества, в том числе интернет-мошенничества, при получении удаленного доступа к банковским картам клиентов. Утверждается, что эффективность работы правоохранительных органов по предупреждению деятельности организованной преступности связана с уязвимостью существующих формулировок организованных групп или преступного сообщества. Успешность и эффективность противодействия деятельности организованной преступности во многом определяется на уровне ранней профилактики.

Ключевые слова: организованная группа, преступное сообщество, мегаполис, теневой интернет

Для цитирования: Поречный Е. М., Макроменко В. Д. Некоторые особенности региональных организованных групп или преступного сообщества мегаполисов: социально-криминологический аспект // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 164–173. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-164-173>

Original article

Some features of regional organized groups or the criminal community of megapolis: Socio-criminological aspect

Egor M. Porechny¹, Viktor D. Makromenko²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ egorikpor@mail.ru

² m777vd@yandex.ru ✉

Abstract. The presented article is devoted to the study of the peculiarities of regional organized groups or the criminal community of megapolis (St. Petersburg and Leningrad region), the debatable nature of their socio-criminological characteristics. The article indicates possible ways to improve the effectiveness of countering and preventing crime in general,

© Поречный Е. М., Макроменко В. Д., 2022

as well as crimes committed using information and telecommunication technologies, in particular. Attention is drawn to the problem of remote fraud, including Internet fraud, in terms of obtaining remote access to customers' bank cards. It is emphasized that the effectiveness of law enforcement activities in preventing the activities of organized crime is associated with the vulnerability of existing formulations of organized groups or criminal community. The success and effectiveness of countering the activities of organized crime is largely determined at the level of early prevention.

Keywords: organized group, criminal community, megapolis, shadow Internet

For citation: Porechny E. M., Makromenko V. D. Some features of regional organized groups or the criminal community of megapolis: Socio-criminological aspect. *Sociology and Law. 2022;14(2):164-173.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-164-173>

Введение

Статистические данные о состоянии преступности в Российской Федерации (РФ) в 2021 г., размещенные на официальном сайте МВД России, свидетельствуют о сохраняющейся тенденции снижения количества зарегистрированных общеуголовных преступлений (от 1,5 до 1,9 % ежегодно), подтверждающей стабильность и контролируруемость оперативной обстановки в стране.

Региональные статистические данные о состоянии преступности в крупнейшем на северо-западе страны мегаполисе в 2021 г., размещенные на сайте ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, говорят о незначительном увеличении количества зарегистрированных общеуголовных преступлений (+2,5 %, 62 755) при устойчивом снижении количества преступлений по отдельным видам. К ним отнесены:

- тяжкие и особо тяжкие (–5,5 %, 21 659);
- преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (–1,9 %, 7 557)
- кражи (–2, 8 %, 22 849);
- убийства и покушения на убийства (–10,1 %, 134);
- грабежи (–20,7 %, 1 058);
- разбой (–15,8 %, 219);
- бандитизм (–25,0 %, 3).

Существует ли повод для «беспокойства» в данной ситуации? Существует, если обратить внимание на социально-криминологический аспект. По-прежнему раскрывают только каждое второе преступление общеуголовной направленности (41,0 %, 25 613) при наметившейся тенденции к их уменьшению (–0,8 %). Соответственно, увеличивается количество нераскрытых преступлений (+14,6 %, 36 882). Особую тревогу вызывают статистические показатели, связанные с преступлениями, совершенными лицами, ранее их совершавшими (половина (43,0 %, 11 001) от общего числа раскрытых преступлений при наметившейся тенденции к увеличению (+5,8 %).

В группах по-прежнему раскрывают каждое десятое преступление (11, 6 %, 2 962) при позитивной тенденции, связанной с их увеличением (+51,9 %). Более рельефны показатели, связанные с преступлениями, совершенными организованной группой (далее — ОГ) или преступным сообществом (далее — ПС). В данном регионе зафиксировано резкое увеличение (+261,5 %) таких преступлений при удельном весе от общего количества раскрытых 5,6 % (1 428). Иными словами, в этом регионе каждое двадцатое раскрытое преступление — это преступление, совершенное ОГ или ПС, при наметившейся тенденции к их увеличению (+3,9 %).

Эмпирическую базу исследований в данной сфере, как правило, составляют не только данные официальной статистики, но и данные исследований, известные из социологии (социологические опросы, экспертные оценки), позволяющие существенно расширить исследовательский горизонт. Эта необходимость обусловлена, с одной стороны, высокой латентностью, то есть не вошедшей в официальную статистику, совершаемых ОГ или ПС преступлений, которая многократно превышает официальную. С другой — вовлеченностью почти половины предпринимателей и более 60 % коммерческих структур в криминальные отношения. Преступными формированиями установлен контроль над хозяйствующими субъектами. В кругу противоправных интересов ОГ или ПС находятся целые сектора экономики. Это позволяет некоторым экспертам утверждать, что современные ОГ или ПС ориентированы на системную масштабную и многоаспектную криминальную деятельность [1, с. 3–4].

Новая реальность, связанная с ухудшением эпидемиологической ситуации, согласно многочисленным социологическим опросам и экспертным оценкам, предполагает постепенное перемещение любой деятельности, в том числе экономической, в виртуальное пространство. Такой тренд в целом характерен для последней из известных в развитии нашей цивилизации «информационной революции», где драйверами стали информация, знания, высокоэффективные производства, изменившие общество широким использованием средств (электронных) преобразования информации и ее передачи (компьютеров, сотовой и спутниковой связи, интернета).

Материалы и методы

Каким образом это связано с совершаемыми ОГ или ПС преступлениями и преступностью в целом? Появление «теневого интернета» или *DarkNet*, то есть скрытой группы веб-сайтов, доступной лишь через специализированные браузеры, предоставило дополнительные возможности использования так называемой технологии анонимного обмена информацией через компьютерную сеть (луковой маршрутизации).

Россия в этой области человеческой деятельности на протяжении последних лет занимает позицию в группе лидеров, что подтверждается данными, представленными *TOR Metrics* — одной из крупнейших в мире развернутых анонимных сетей. Наша страна, обладая мощным интеллектуальным и образовательным потенциалом, с 2014 г. вошла в тройку стран, наиболее активно ее использующих, а с 2018 г. удерживает четвертое место в мире по числу пользователей «теневого интернета». Изначально *DarkNet* использовали в криминальных целях только для приобретения и сбыта наркотических средств. «Увидев» новые возможности этой интернет-площадки, ОГ или ПС начали расширять сферу применения и использовать в криминальных целях для торговли оружием, сбыта поддельных документов, распространения детской порнографии, традиционно находящихся в сфере интересов ОГ или ПС.

Санкт-Петербург и Ленинградская область, крупнейший мегаполис на северо-западе страны у границ с Европейским союзом (далее — ЕС), остаются в числе лидеров с наибольшим удельным весом зарегистрированных преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий, темпы роста которых хотя и замедлились по итогам 12 месяцев 2021 г. до 1,4 %.

Изложенное выше, с одной стороны, свидетельствует о том, что правоохранителям исследуемого региона удалось преодолеть известные трудности, испытываемые на протяжении последних десятилетий в «определении» ОГ или ПС

при квалификации конкретных действий. В отношении последних Верховный суд РФ в постановлении Пленума от 10 июня 2010 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», действуя в рамках компетенции и руководствуясь ст. 126 Конституции РФ, с присущей ему определенностью указал на необходимость точного выполнения требований закона, предусматривающего уголовную ответственность за создание преступного сообщества (преступной организации) либо за руководство сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями, а также за участие в нем (ней), имея в виду, что организованная преступность в ее различных проявлениях посягает на общественную безопасность, жизнь и здоровье граждан, собственность, нарушает нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений. С другой — следует признать наличие в указанном регионе соразмерной и относительно эффективной системы противодействия проявлениям ОГ или ПС, целенаправленной предупредительной деятельностью МВД России.

Не останавливаясь детально на системе, обратим внимание на ряд особенностей региональных ОГ или ПС мегаполиса через призму социально-криминологических характеристик, нашедших отражение в литературе. Основное внимание исследователей сосредоточено на развитии целенаправленной предупредительной деятельности организованной преступности (не акцентируя внимание на ОГ и ПС), демонстрирующей приоритеты развития сбалансированной предупредительной практики, нацеленной на сокращение организованной преступности и минимизацию общественно опасных последствий расширения ее системных проявлений [1, с. 5].

Сохраняется позиция, которая продолжает находить сторонников, согласно которой отечественная предупредительная практика не отвечает в полной мере требованиям стратегии предупреждения, предусмотренной Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности (принятой в Нью-Йорке 15 ноября 2000 г.). Национальными силами правопорядка по-прежнему используются меры организационного, в основном ведомственного характера, с увеличением государственных расходов, укреплением силовых подразделений и неэффективной реализацией собственно правоохранительных средств. Их адекватное применение видится возможным лишь на основе системной информационно-аналитической работы, обеспечивающей владение необходимой информацией [1, с. 6].

Прослеживается дискуссия и относительно сущностных характеристик. Нельзя не обратить внимание на точку зрения исследователей, согласно которой деятельность ОГ и ПС рассматривается с позиции современного менеджмента, где многие процессы «оптимизированы» до уровня успешно функционирующих бизнес-моделей, имеющих высокие показатели доходности при ориентации на «минимизацию возможных рисков». Изложенный подход обусловлен известной концепцией, согласно которой деятельность ОГ или ПС рассматривается как «сложный социальный феномен, вросший в общественную ткань», поскольку он возник и прочно переплетен с другими социальными институтами и процессами, как полагает Я. И. Гилинский и еще ряд ученых [2; 3].

Акцентуализация усилий исследователей, по мнению авторов, сосредоточена не столько на сущностном (хотя они настаивают на этом), сколько на деятельном, то есть по смыслу и ходу рассуждений речь идет не о констатации противоправности и дальнейшем пресечении проявлений, признаваемых законодателем преступными, сколько об объяснении и детерминированности таких проявлений (деяний).

Для данной группы исследователей характерным можно признать оставление без внимания аксиом, известных со времен Древнего Рима: *ex senatusconsultis et plebiscitis crimina exercentur* («преступления возникают из сенатских и народных решений»). Ключевым является тот факт, что такие действия/бездействие, как и их совокупности, — релятивные (относительные) и конвенциональные («договорные») понятия, определяемые законодателем. Иными словами, это — лишь некие конструкции, отражающие реальность. Поэтому на точном выполнении требований закона и настаивает законодатель.

Обратим внимание на то, что мнение о признании преступности социальной конструкцией разделяют многие отечественные и зарубежные криминологи. Наиболее четко мысль о том, что преступность имеет исторически обусловленный изменчивый характер, сформулирована в трудах Х. Хесс и С. Шеерер [4]. Л. Хулман аргументированно доказывает, что преступность не детерминирована онтологической реальностью... преступление — результат политики государства в данной сфере... Она во многом сконструирована социальной реальностью [5, р. 63].

Такие действия/бездействие, как вид человеческой деятельности, хотя и находящийся за пределами правового поля, но всегда стремящийся к возвращению в мир реальный из мира «параллельного», к «выходу из тени». И рассуждения ряда исследователей (относительно деятельности, признанной законодателем вне закона и за которую законодателем предусмотрена уголовная ответственность), по мнению авторов, служат обоснованием ее возможной «легализации». К тому же очевидны цели таких исследований, когда различные проявления, посягающие на общественную безопасность, жизнь и здоровье граждан, собственность, нарушающие нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений, представляются как успешные бизнес-модели экономического сектора «параллельного мира» с последующим «переводом/переходом» в бизнес-модель реального экономического сектора легальных рыночных отношений. Об этом пишут Н. В. Бурова, Ю. В. Латов, С. Н. Ковалев и ряд других авторов [6; 7].

Реализуя возможности современной науки, научной методологии, отдельных постулатов философии, известных со времен Аристотеля и уточненных в более поздний период Проторенессанса, группе отечественных и зарубежных исследователей удалось убедить и научную общественность, и обывателей в том, что деятельность ОГ или ПС (и преступности в целом) — социальный феномен, вросший в общественную ткань повседневности (по утверждению Я. И. Гилинского и других ученых), исходят из принципов функционирования общества и касаются большого количества населения, по мнению Р. Леноира и др. [8, р. 23].

Причинами, движущей силой данного феномена, определяющими его характер, отдельными его чертами (факторами) в числе других являются следующие:

- наличие спроса на товары (наркотики, оружие и др.) и услуги (сексуальные и др.);
- неудовлетворенность спроса, «дефицит» на вышеуказанные товары и услуги;
- рынок труда, безработица, незанятость отдельных категорий населения (подростков и молодежи);
- несовершенство деятельности налоговой, таможенной, финансовой политики государства, препятствующих развитию рыночной экономики, о чем пишет Я. И. Гилинский.

Это дает им основание ставить знак равенства между организованной преступностью, с одной стороны, как системой социальных связей и системой отношений, связанной с извлечением прибыли, что является целью предприниматель-

ской деятельности — с другой. Но речь идет о незаконной прибыли, как утверждают, например, Я. И. Гишинский, Н. В. Бутова, Ю. В. Латов, С. Н. Ковалев.

Обращаясь к природе и сущностным характеристикам, указанная группа исследователей в своих трудах представляет деятельность ОГ или ПС именно с этих позиций: «предпринимательская деятельность» и ее цель — извлечение прибыли при распределении товаров и/или услуг. Отличие от легального бизнеса (индустрии) состоит в методах/способах достижения данной цели. Специалисты, опираясь на сравнительное социологическое исследование, проведенное Социологическим институтом РАН РФ в Санкт-Петербурге, пришли к выводу о неизбежном «процветании» нелегального предпринимательства, приносящего значительную прибыль/доход. Легальное предпринимательство, допуская полулегальные или нелегальные проявления, переходит в разряд так называемого *white-collar crime* [9].

Предприняты и попытки рассмотрения деятельности ОГ или ПС с позиции регулирования экономической отрасли через налогообложение, национализацию и запреты. Предметом исследования был отечественный наркобизнес. В частности, исследователи пришли к выводу о том, что запрещение рынка не уничтожает его, а лишь способствует его неизбежной криминализации [10].

Обоснование в этих и аналогичных исследованиях, по мнению авторов, зиждется на сохраняющей влияние идеологии марксизма, где общественные отношения определяются экономикой (и лишь затем политикой). Именно поэтому деятельность ОГ либо ПС, как и преступность в целом, представляется или как социальный институт, или как один из элементов общества, вплетенный в его ткань и переплетающийся с другими структурными элементами. На это обращают внимание Я. И. Гишинский, В. Н. Кудрявцев, Л. М. Тимофеев и др. [11; 3].

Специалисты, используя категории социологии (модели поведения, социальные практики, потребности людей, социальные функции и т. п.), отождествляют организованную преступность с социальными институтами и прогнозируют применение новых технологий и дальнейшую интернационализацию (глобализацию), как утверждает В. Н. Кудрявцев. Успешное владение методами эффективного хозяйствования, постоянный мониторинг рынка и т. п., по мнению этой группы исследователей, делают ОГ или ПС более успешными, например, в агропромышленном комплексе, где применяются новые технологии (увеличение выхода продукции из имеющегося сырья), современные способы логистики (хранение, транспортировка, базы хранения сельхозпродукции и т. д.), финансовая независимость (крупные суммы наличных денег), что позволяет концентрировать значительную товарную массу, несмотря на сезонность, устанавливать и поддерживать высокие рыночные цены в течение года, по мнению В. Н. Кудрявцева.

Согласно логике, предложенной сторонниками изложенного подхода, не исключена возможность «включения» деятельности ОГ или ПС, как это не покажется странным, в один из сегментов легальной рыночной экономики. Ход рассуждений сторонников данного подхода очевиден: признавая эту деятельность в качестве социального института или социального феномена — вечных спутников любого общества, независимо от политического режима и формы проявления, разновидностью пороков общества, выявляют причины (факторы) такого феномена, его генезис и детерминированность. Используя методологию наблюдения, определяют критерии оценки явления, выявляют динамику и структуру статистики, официальной и латентной. Получив «прописку» в криминологии, категории успешно дрейфуют в другие области знаний.

В литературе известна и дискуссия в рамках иного подхода. Так, рассматриваемую человеческую деятельность признают как никем не организованную, самоорганизующуюся систему, то есть характеризуют с позиции не системного,

а синергетического подхода, где точки бифуркации, например, совпадают с частным проявлением деятельности ОГ или ПС, в том числе с распределением сфер влияния, проявлений экстремизма и терроризма, коррупцией (понимаемой как широкий подкуп чиновников и служащих) и т. п.

Характерная для деятельности ОГ или ПС нелинейность и протекающие через случайность выбора пути в момент бифуркации процессы, связанные с ней и с последующим растеканием (дроблением) на множество сценариев развития, не поддаются надежному прогнозированию. По мнению авторов, научный поиск идей, обобщение научного опыта с позиции синергетического подхода, несомненно, обогатят теорию и практику. Авторы солидарны с позицией тех, кто считает, что наука немыслима без новых теорий и концепций. Жизнь науки связана с постоянным обновлением, смелостью предложения новой трактовки известных постулатов после эмпирической перепроверки, о чем пишут О. В. Старков, В. В. Шишкин и другие ученые [12].

Особенно необходимы новые пути, методики их обнаружения и дальнейшего исследования. В частности, справедливо отмечает Г. В. Горшенков, вслед за М. Вебером, рассматривая случайность как событие, которое невозможно объяснить известными (привычными) методами и которое неизбежно продуцирует следствие [13].

Разделяем и точку зрения исследователей деятельности ОГ или ПС, находящихся на позиции современного нормативизма (неопозитивизма) как продолжения юридического позитивизма XIX и XX вв. Основное право рассмотрено через совокупность юридических норм, исходящих от государства в виде формально закрепленных в отдельных актах и обеспечиваемых принудительной силой государства, сосредоточено на построении юридических понятий и конструкций вне связи с социальными условиями их существования и развития, дабы «избежать методологического синкретизма, который затемняет сущность правопедения и смазывает границы, определенные природой его предмета», по словам С. В. Иванцова.

Итоги

Современный нормативизм как разновидность аналитической юриспруденции — это система норм: первичных (правила обязывания) и вторичных (правила признания, изменения и решения). Право отличается от иных регуляторов наличием принудительных (государственных) санкций. Идеи сторонников фундаментальных проблем философии права (Г. Кельзен, Г. Харт и др.) [14; 15], известных с XX в., остаются чрезвычайно влиятельными, поскольку последующее развитие права в значительной степени было лишь рефлексией.

Сущностное определение ОГ или ПС и сходных с ними категорий, сформулированное Верховным судом РФ, предусматривающее точное выполнение требований закона, в своей основе опирается на концепции современного нормативизма. Тем более что речь идет о такой отрасли права (уголовном праве), где необходима точность и определенность: преступлением, согласно ст. 14 Уголовного кодекса (УК) РФ, признают виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой наказания, то есть деяние, которое признано законодателем преступным. Перечень таких деяний носит закрытый характер: только то является преступлением, что признано законодателем.

Возможны ли какие-либо изменения? Возможны, на наш взгляд. Но это должно быть определено особенностями развития социально-экономической ситуации в стране, с возможным усилением влияния транснациональности.

При этом не исключено, что последствия очередной (четвертой) информационной революции могут быть рассмотрены как факторы укрупнения национальных ОГ или ПС, а также их «кооперации» с ОГ или ПС транснационального уровня. В связи с этим соединение усилий государств в сфере противодействия ОГ или ПС в условиях дальнейшего процесса объединения продолжает сохранять значимость.

На изменения повлияет трансформация конфигурации всемирных межбанковских каналов связи, прежде всего системы расчета и взаимного клиринга. При этом, по мнению авторов, остается значимой проблема дистанционного мошенничества, в том числе интернет-мошенничества, при получении ОГ или ПС удаленного доступа к банковским картам клиентов.

Принятые изменения в УК РФ, в частности относительно впервые совершивших указанные преступления, а также снижение в контексте ст. 159.3 и 159.6 УК РФ порогового значения крупного размера (с 1,5 млн руб. до 250 тыс. руб.), особо крупного — с 6 млн руб. до 1 млн руб., как следует из приведенной выше региональной статистики, лишь усугубили ситуацию. Кроме того, это предоставило дополнительные возможности для дальнейшего распространения фишинга, если после получения доступа к денежным средствам на банковских картах потенциальных жертв при помощи почтовых рассылок от лица банка, содержащих в себе ссылки на страницы, являющиеся точными копиями официальных сайтов, предлагается ввести данные карты для возможности дальнейшего ее использования, а также «создание» фальшивых интернет-магазинов, если с потенциальной жертвы «берут» предоплату за товар без выполнения обязательств [16].

Выводы

Принимая во внимание то обстоятельство, что интернет-мошенничества пополняются множеством направлений, используемых ОГ или ПС (в их числе — фишинг, голосовой фишинг, SMS-фишинг, поддельные веб-сайты и поддельные интернет-магазины), можно утверждать, что данная сфера нуждается в пристальном внимании законодателя.

Мы разделяем мнение о том, что наиболее эффективное противодействие ОГ или ПС возможно на начальном этапе, на стадии ранней профилактики, где и следует сосредоточить основные усилия, устраняя «первоначальные» факторы/причины. Эффективность правоохранительной деятельности в аспекте предупреждения деятельности ОГ или ПС обусловлена и уязвимостью существующих формулировок ОГ или ПС. В связи с этим следует оставить в законе для уголовно-правовой оценки не только сущностное определение, но и уровень организованности, общественную опасность; в ст. 210 и ч. 4 ст. 35 УК РФ следует оставить один из терминов: «преступное сообщество» либо «преступная организация». Кроме того, необходимо уточнить цель (совершение тяжких и особо тяжких преступлений), акцентируя внимание на извлечении материальной или иной выгоды.

Таким образом, наблюдающийся тренд в изменении траектории развития оперативной обстановки в регионах и стране в целом, в том числе относительно деятельности ОГ или ПС, непрекращающаяся дискуссия в литературе обусловлены складывающейся ситуацией. Успешность и эффективность противодействия деятельности ОГ или ПС во многом определяются на уровне ранней профилактики, а также мудрой и гибкой уголовной политикой законодателя, внимательно отслеживающего происходящие изменения.

Список источников

1. *Иванцов С. В.* Организованная преступность: системные свойства и связи (криминологическая оценка): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 39 с.
2. *Гилинский Я. И.* Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе пост-модерна: сборник ст. СПб.: Алетейя, 2017. 280 с.
3. *Тимофеев Л. М.* Теневые экономические системы современной России: теория — анализ — модели: учебник для вузов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 322 с.
4. *Hess H., Scheerer S.* Was ist Kriminalität? // *Kriminologische Journal*. 1997. Heft 2.
5. *Hulsman L.* Critical Criminology and the Concept of Crime // *Contemporary Crisis*. 1986. Vol. 10. No. 1. P. 63–80.
6. *Бурова Н. В.* Нелегальная экономическая деятельность: теория и практика измерения. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета экономики и статистики, 2006. 176 с.
7. *Латов Ю. В., Ковалев С. Н.* Теневая экономика: учебное пособие. М.: Норма, 2006. 335 с.
8. *Lenoir R.* Les exclus, un français sur dix. Paris: Seuil, 1974. 196 p.
9. Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе (отчет 3)». СПб.: Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН, 2001. 81 с.; Сравнительное социологическое исследование «Население и милиция в большом городе» (отчет 4). СПб.: Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН, 2002. 96 с.
10. *Старков О. В.* Проблема создания новых направлений современной криминологии // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2007. № 3 (3). С. 175–178.
11. *Кудрявцев В. Н.* Социальные причины организованной преступности и коррупции // *ЧиновникЪ*. 2000. № 3 (9). URL: <http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2000/01/8/> (дата обращения: 04.03.2022).
12. *Шишкин В. В.* Синергетический подход в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2007. 34 с.
13. *Горшенков Г. Н.* Синергетика и криминология: новые возможности системного подхода к изучению преступности // *Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2008. № 7. С. 47–51.
14. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.
15. *Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 302 с.
16. *Мостовой Д. Ю.* Современные технологии борьбы с вирусами // *Мир ПК*. 1993. № 8. С. 82–84.

Информация об авторах

Е. М. Поречный — магистр частного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

В. Д. Макромненко — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

E. M. Porechny — Master of Private Law; 44a Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

V. D. Makromenko — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law; 44a Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 316.6

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-174-182

Влияние информационных технологий на формирование профессионально-ценностных ориентаций студенческой молодежи: возможности и риски

Александр Сергеевич Терехин

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, alex_terekhin07@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы влияния средств массовой коммуникации, в первую очередь интернета, на ценностно-смысловую сферу личности представителя студенческой молодежи. Речь идет о роли сформированных профессионально-ценностных ориентаций в профессиональной деятельности. Проанализированы ключевые паттерны формирования профессионально-ценностных ориентаций посредством медиапотребления. Выделены позитивные и негативные факторы влияния интернет-пространства на развитие ценностно-смысловой сферы личности. Охарактеризованы пять основных факторов негативного влияния, при этом описан механизм функционирования каждого из них. Автором предложены способы уменьшения рассмотренных рисков для оптимизации процесса формирования аксиологической сферы личности студента. Показана роль научного сообщества и органов государственной власти в разработке и реализации соответствующих социальных технологий.

Ключевые слова: интернет, информационные технологии, профессионально-ценностные ориентации, молодежь, студенты

Для цитирования: Терехин А. С. Влияние информационных технологий на формирование профессионально-ценностных ориентаций студенческой молодежи: возможности и риски // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 174–182. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-174-182>

Original article

Influence of information technologies on the formation of professional and value orientations of students: Opportunities and risks

Aleksandr Sergeevich Terekhin

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia,
alex_terekhin07@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of the influence of mass media, primarily the Internet, on the value-semantic sphere of the personality of a representative of student youth. The characteristic of the role of formed professional-value orientations in professional activity is given. The key patterns of formation of professional value orientations through media consumption are analyzed. The positive and negative factors of the influence of the Internet space on the development of the value-semantic sphere of the individual are highlighted. There are five main factors of negative influence; the mechanism of functioning

© Терехин А. С., 2022

of each of them is described. Methods for reducing the considered risks for optimizing the process of forming the axiological sphere of a student's personality are proposed. The role of the scientific community and public authorities in the development and implementation of appropriate social technologies is characterized.

Keywords: internet, information technology, professional value orientations, youth, students

For citation: Terekhin A. S. Influence of information technologies on the formation of professional and value orientations of students: Opportunities and risks. *Sociology and Law. 2022;14(2):174-182.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-174-182>

Введение

В настоящее время российское общество претерпевает ряд существенных трансформаций, связанных с достижением нашей страной постиндустриального этапа развития. Комплекс трансформационных процессов затрагивает каждую сферу жизни общества: развивается цифровая экономика, модернизация политической сферы характеризуется широким внедрением практики электронного голосования на выборах в органы власти на всех уровнях. Трансформации, протекающие в социальной сфере, также имеют масштабный характер: широкое использование технологий интернет-коммуникации изменяет характер межличностного взаимодействия. Все перечисленные процессы сказываются на духовной сфере, в частности на сфере образования.

Фактором, существенно ускорившим процесс цифровизации российского общества, стала пандемия коронавирусной инфекции COVID-19. Меры сдерживания распространения заболевания, предпринятые в России, обусловили необходимость использования интернета как средства связи широкими слоями населения. Эпидемиологические ограничения затронули высшие учебные заведения России. Большинство университетов России в периоды подъема заболеваемости были вынуждены перевести занятия на дистанционный или смешанный формат, что в существенной степени отразилось на характере реализации образовательных программ, а также послужило фактором развития дистанционного образования в России в целом.

В настоящем исследовании нами рассмотрен процесс цифровизации российского общества как комплекс коренных преобразований социальной реальности, в рамках которой трансформацию претерпевает и аксиологическая сфера личности индивида. Указанный процесс обусловлен изменением паттернов усвоения информации, связанным с беспрецедентным расширением информационного потока, потребляемого индивидом.

Теория

Изучение данного процесса представляется наиболее актуальным в связи с развитием теории профессионально-ценностных ориентаций, определяемых А. Н. Мушкировой в качестве системы устойчивых отношений личности к профессии, к себе как к специалисту, служащих смыслообразующим компонентом профессиональной деятельности и фактором развития субъектности личности [1]. Н. Л. Перевезенцева характеризует роль профессионально-ценностных ориентаций в формировании психики индивида как «психологический ресурс личности во время получения профессии» [2]. Значение профессионально-ценностных ориентаций особо подчеркивает К. А. Абульханова-Славская: по ее мнению,

развитая система профессионально-ценностных ориентаций является ключевой детерминантой личностного развития индивида [3]. Таким образом, профессионально-ценностные ориентации представляют собой один из ключевых компонентов аксиологической сферы личности, связанный с формированием ценностного отношения к профессиональной деятельности.

В структуре профессионально-ценностных ориентаций исследователи выделяют когнитивный, эмоциональный и деятельностный компоненты; такая классификация находит отражение в работах В. А. Сластениной, Г. И. Чижиковой [4], Н. А. Долгушиной [5].

Представляется возможным утверждать, что развитие профессионально-ценностных ориентаций как особого формирования в рамках аксиологической сферы личности продолжается в течение всей жизни индивида. На формирование рассматриваемого феномена оказывает влияние широкий ряд факторов: семейные отношения, группы сверстников, системы среднего и высшего образования, потребляемый контент, в том числе книги, фильмы, сериалы, иные источники информации.

Следует обратить внимание на то, что влияние каждого из перечисленных факторов на ценностно-смысловую сферу личности индивида определяется его способностью к усвоению информации. Цифровизация общества и ее воздействие на ценностно-смысловую сферу личности индивида представляются крайне актуальным объектом социологического анализа.

Ключевым этапом формирования профессионально-ценностных ориентаций индивида выступает период обучения в университете. Об этом пишут в исследованиях А. Н. Мушкирова и Н. А. Руднева [6].

Результаты и обсуждение

В связи с повсеместным внедрением информационных технологий целесообразно выделить ряд факторов, несущих в себе существенные риски для формирования системы профессионально-ценностных ориентаций индивида. Данные факторы требуют выработки социальных технологий, позволяющих нивелировать негативные эффекты и адаптировать процесс формирования профессионально-ценностных ориентаций студенческой молодежи к новому этапу развития общества.

Выделим пять соответствующих факторов:

- «клиповое мышление»: изменение паттернов усвоения информации, характеризующееся сниженным временем концентрации внимания и склонностью к восприятию информации в виде коротких ярких отрывков;
- компьютерная зависимость и интернет-зависимость;
- широкая доступность в интернете материалов, препятствующих гармоничному формированию аксиологической сферы личности индивида;
- вынужденный переход организаций среднего и высшего образования на дистанционный формат и ускорение развития дистанционного образования в целом;
- цифровая трансформация рынка труда: доступность информации о ситуации на рынке и востребованности тех или иных профессий в режиме реального времени, достигаемая посредством соответствующих интернет-платформ.

Охарактеризуем влияние каждого из указанных факторов на развитие ценностно-смысловой сферы личности индивида для создания основы выработки социальных технологий формирования профессионально-ценностных ориентаций.

Подробное описание феномена клипового мышления представлено в работах А. Моля [7]. Исследователь связывает комплекс когнитивных паттернов как

реакцию на формирование в интернет-пространстве так называемой мозаичной культуры, представленной контентом, ядром которого служит его яркая эстетическая составляющая, призванная вызвать эмоциональную реакцию. В. А. Дмитриева утверждает, что носителям данного феномена свойственно поверхностное восприятие информации; в крайних случаях индивид не способен воспринимать данные, усвоение которых требует значительной когнитивной нагрузки [8].

Большинство современных исследователей описываемого феномена отмечают, что клиповое мышление является одним из неотъемлемых свойств психики молодых людей студенческого возраста, рожденных в начале 2000-х гг. Формирование клипового мышления обусловлено ранним контактом ребенка с цифровыми технологиями, в том числе с контентом, представленным в интернете. Таким образом, психика индивида получает способность в краткие сроки усваивать существенные объемы информации сравнительно низкого качества.

Сегодня «клиповое мышление» культивируется контентом, публикуемым в социальных сетях «ВКонтакте», «TikTok» и «Instagram» (до марта 2022 г., ее деятельность запрещена на территории России). К наиболее популярным форматам контента в указанных социальных сетях относятся «клипы» и «истории», то есть короткие видеоролики, gif-файлы или небольшие фотоальбомы, автоматически удаляемые социальной сетью по истечении 24 часов с момента публикации. Такая политика социальной сети побуждает пользователя проводить время в поисках соответствующего контента, чтобы увидеть его, пока он не удален.

Широкая распространенность клипового мышления среди молодежи представляется фактором, снижающим качество усвоения студентами информации в ходе освоения учебных программ. Предметы, изучаемые в рамках программ высшего образования, как правило, содержат сложные концепции, освоение которых требует существенной концентрации и когнитивных усилий. Эта взаимосвязь отражена в работах А. Р. Бухарбаевой и Л. В. Сергеевой [9]. Наиболее существенным препятствием в обучении для студентов, обладающих клиповым мышлением, выступает сложность в восприятии материала, представляемого в формате классической лекции.

Клиповое мышление не является заболеванием. Более того, носитель такого типа мышления имеет ряд преимуществ, связанных с восприятием медиаконтента. К ним относится способность быстро переключать внимание с одного объекта на другой, избегая перегрузки психики избыточным объемом поступающей информации. Клиповое мышление тем самым видится объективным фактором развития психики человека информационной эпохи, и выработка социальных и педагогических технологий, которые полностью нивелировали бы любые проявления данного феномена, по нашему мнению, не представляется возможной.

Итак, полагаем, что сфера образования должна адаптироваться к вызовам информационной эпохи, в рамках которой изменяется характер мышления ученика. Среди возможных педагогических технологий — вовлечение студентов в диалог, в том числе во время лекций; демонстрация иллюстративного материала и коротких видеороликов, решение небольших тестов на платформе *Kahoot*, показавших эффективность в процессе обучения студентов с клиповым мышлением [10].

Существенный риск для формирования профессионально-ценностных ориентаций студентов в условиях информационного общества несут компьютерная зависимость и интернет-зависимость. А. Голдберг на основании эмпирических данных проводит параллель между влиянием неумеренного потребления медиаконтента в интернете и потреблением психоактивных веществ, делая вывод о схожести личностных изменений, вызываемых в индивиде этими факторами [11]. А. Е. Войкунский считает, что интернет-зависимость имеет все признаки аддикции. Среди них —

приоритетность деятельности, связанной с компьютером и интернетом, повышающаяся с каждым эпизодом употребления медиаконтента толерантность, синдром отмены и склонность к рецидивам [12].

Как и любая другая зависимость, интернет-зависимость оказывает существенное негативное влияние на ценностно-смысловую сферу личности индивида, в частности на формирование его профессионально-ценностных ориентаций. Участие индивида, страдающего от зависимости, в видах деятельности, благоприятно влияющих на формирование профессионально-ценностных ориентаций, не может быть полноценным. Лечение интернет-зависимости носит характер, подобный лечению иных зависимостей, не имеющих физиологической составляющей. Речь идет об отказе от предмета зависимости, психотерапии, замещающих видах деятельности, направленных на оздоровление психики.

Острой остается проблема подверженности представителя студенческой молодежи негативному влиянию деструктивного контента, распространяемого посредством интернета. Под деструктивным контентом мы подразумеваем фото-, видео- и текстовые материалы, содержащие призывы к экстремистской деятельности, насилию, а также пропаганду антисоциальных ценностей. Имплементация соответствующих идей в систему ценностей индивида способна, помимо формирования риска делинквентного поведения с его стороны, понизить в иерархии или устранить просоциальные ценности, необходимые для развития системы профессионально-ценностных ориентаций.

Особую важность в данном контексте приобретает исследуемый В. А. Шамаховым феномен «пузыря фильтров» [13]. Так, большинство социальных сетей оснащены алгоритмами выдачи контента, основанными на следующем механизме: чем больше времени пользователь тратит на просмотр того или иного контента, тем больше подобного контента «умная лента» выдает ему в дальнейшем. Путем рандомизированной выдачи социальная сеть может демонстрировать пользователю деструктивный контент, просмотр которого повысит вероятность его демонстрации в дальнейшем. Через несколько итераций информационное пространство вокруг индивида будет представлено в основном деструктивным контентом, влияние которого на аксиологическую сферу его личности может носить разрушительный характер. Например, имплементация экстремистских взглядов приводит к выходу на первый план в иерархии ценностей насилия, достижения реализации тех или иных идеалов любым путем. Просоциальные профессиональные ценности, а также ценности материального достатка и комфортной жизни теряют приоритетность. В рассматриваемой ситуации не представляется возможным формирование гармоничной системы профессионально-ценностных ориентаций, а равно и успешное функционирование индивида как такового в обществе.

Технологии, направленные на удаление деструктивного контента, активно развиваются. Правоохранительными органами разрабатываются алгоритмы, позволяющие быстро отследить и удалить соответствующий контент, по возможности — привлечь его авторов к юридической ответственности. В России эта деятельность находится в ведении Главного управления по противодействию экстремизму МВД России [14], а также Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [15].

Обусловленный вынужденным переходом большинства учебных заведений на дистанционный формат обучения толчок в развитии онлайн-образования имеет противоречивый характер в области воздействия на ценностно-смысловую сферу личности индивида. Ряд исследователей пишут, что университетская среда — один из значимых факторов, определяющих успешность освоения студентами

образовательной программы. Согласно выводам Б. О. Белюченко, дистанционная реализация образовательных программ с использованием электронных технологий способствует стиранию грани между личным и учебным временем студента, а также нарушает прямую связь между преподавателем и студентом [16]. Мета-анализ социологических и психологических исследований, проведенный коллективом ученых во главе с Н. С. Григорьевой, приводит к аналогичным выводам: мотивационная сфера личности студентов, существенная доля обучения которых пришлось на период максимальных ограничений, связанных с эпидемиологической обстановкой, претерпевает существенные негативные трансформации.

Эмпирическое исследование мотивации студентов, проходящих дистанционное обучение в университете, стало объектом нашего исследования в конце 2020 г. Более половины опрошенных указывают на падение интереса к учебе и смутно представляют себе дальнейшие перспективы этого процесса; обнаружены и трудности в изучении материала, чувство апатии и неудовлетворенности своим положением в связи с дистанционным обучением [17]. Можно сделать вывод о том, что студент, находящийся в вынужденных условиях самоизоляции и лишенный прямого контакта с образовательной средой, теряет чувство идентичности, перестает осознавать свой социальный статус, что также негативно сказывается на процессе формирования профессионально-ценностных ориентаций.

В последнем квартале 2021 г. нами проведено исследование ценностно-смысловой сферы личности студента, непосредственным объектом которого стала трансформация ожидания обучающегося, прошедшего либо проходящего вынужденное дистанционное обучение, относительно будущих условий труда. Согласно выводам, полученным в результате анкетного опроса, опыт дистанционного освоения образовательных программ стал фактором, в существенной степени повлиявшим на видение студентами себя в будущей профессии: к ключевым профессиональным ценностям респонденты отнесли возможность выполнения работы в любое время и из любого места, отсутствие привязки к офису и стандартному рабочему дню. Причиной указанной трансформации профессионально-ценностных ориентаций студенты считают именно опыт дистанционного обучения в университете [18].

На основании двух проведенных исследований целесообразно сделать вывод о противоречивом характере влияния дистанционного обучения на процесс формирования профессионально-ценностных ориентаций студентов. В контексте рассмотрения университетской среды как комплекса взаимосвязанных факторов, влияющих на исследуемый процесс, вынужденный полный переход университетов на дистанционное образование существенно снизил ценность университета как фактора формирования профессионально-ценностных ориентаций в период карантина. Как следствие, полная цифровизация образовательного процесса, по нашей оценке, способна в долгосрочной перспективе оказать разрушительное влияние на систему профессионально-ценностных ориентаций индивида. Тем не менее переход университетов на дистанционный режим обучения, будучи временной мерой, призванной замедлить распространение инфекции, ограничен во времени острой фазой пандемии, а по ее окончании большинство университетов России вернулись к стандартному, очному режиму проведения занятий. Таким образом, опыт временного перевода занятий на дистанционный режим, напротив, по нашей оценке, расширил представления студентов о возможном режиме выполнения учебных и профессиональных задач, что, в свою очередь, дополнило систему их представлений о собственных возможностях, ценностях труда и карьерных перспективах.

Период пандемии послужил фактором интенсификации развития рынка дополнительных образовательных услуг, реализуемых в дистанционном формате. Цена на онлайн-курсы, позволяющие получить базовую квалификацию в востребованной на рынке труда области, колеблется в значительном диапазоне; перед широкими слоями населения открывается возможность получения знаний и навыков, применимых в будущей профессии. Доступность онлайн-курсов, а также их активная рекламная кампания, с нашей точки зрения, создают благоприятный для развития профессионально-ценностных ориентаций информационный климат: реклама онлайн-курсов, появляющаяся в социальных сетях, продвигает ценности высокой квалификации, заработка и соответствующего социального статуса.

Последним из существенных факторов влияния цифровизации общества на формирование профессионально-ценностных ориентаций является цифровая трансформация рынка труда. Интернет-платформы, в частности *hh.ru*, *Avito* и ряд других, дают возможность работодателям и соискателям размещать вакансии и резюме. Размещаемые объявления доступны для широкой аудитории пользователей; в большинстве случаев в таких материалах отражена желаемая заработная плата соискателя и возможная заработная плата, предложенная работодателем. Тем самым студент, собирающийся начать активную профессиональную деятельность, способен отслеживать изменения на рынке труда в режиме реального времени, делая собственные выводы о востребованности тех или иных профессий на рынке труда. Широкая доступность этой информации также предстает положительным фактором формирования профессионально-ценностных ориентаций в условиях информационного общества.

Выводы

Рассмотренный комплекс трансформационных процессов, по нашему мнению, представляет собой не просто ряд факторов, которые могут способствовать изменению характера аксиологической сферы личности современного студента, а отражает коренные изменения социальной реальности. Можно заключить, что все социальные институты, так или иначе принимающие участие в формировании профессионально-ценностных ориентаций студенческой молодежи, должны трансформироваться соответствующим образом.

Приемлемыми мерами, соответствующими описанной трансформации, служат адаптация программ высшего образования и методик обучения к характеру мышления современного студента, создание в рамках образовательных учреждений пунктов помощи для студентов, страдающих от компьютерной зависимости и интернет-зависимости, а также интенсивная работа правоохранительных органов по пресечению доступа пользователей к деструктивной информации. Перечисленные меры, полагаем, могут быть реализованы в случае разработки органами власти на федеральном уровне концепции оптимизации профессионально-ценностных ориентаций студентов в условиях информационного общества. Научное сообщество нашей страны, в свою очередь, способно создать теоретическую базу для реализации соответствующих программных документов.

Список источников

1. *Мушкирова А. Н.* Формирование профессиональных ценностных ориентаций как фактора развития субъектности студентов: дис. ... канд. пед. наук. Улан-Удэ, 2015. 148 с.

2. *Перевезенцева Н. Л.* Развитие профессиональных ценностных ориентаций студентов вуза потребительской кооперации в процессе обучения: дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2007. 182 с.
3. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 298 с.
4. *Чижакова Г. И.* Аксиология профессионально-педагогического образования // Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева. 2013. № 2. С. 46–55.
5. *Долгушина Н. А.* Теоретическое исследование профессионально-ценностных ориентаций // Альманах современной науки и образования. 2009. № 11. С. 86–88.
6. *Руднева Е. Л.* Формирование жизненных и профессиональных ценностных ориентаций студенческой молодежи: дис. ... д-ра пед. наук. Кемерово, 2002. 444 с.
7. *Моль А.* Социодинамика культуры / пер. с франц. М.: ЛКИ, 2008. 416 с.
8. *Дмитриева В. А.* Социально-психологический анализ «клипового мышления» активных пользователей сети интернет как феномена современности // Вопросы философии. 2021. № 202. С. 151–161. DOI: 10.33910/1992-6464-2021-202-151-161
9. *Бухарбаева А. Р., Сергеева Л. В.* Творческое мышление поколения Z: методы развития творческого потенциала студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2020. № 4. С. 787–796. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-4-787-796
10. *Миловидова А. И.* Методический потенциал тестирующего элемента технологии Kahoot! при обучении юридическому иностранному языку // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 10 (86). С. 74–82. DOI: 10.17803/2311-5998.2021.86.10.074-082
11. *Robert I. S., Robert E. H.* Study Guide to Forensic Psychiatry: A Companion to the American Psychiatric Publishing Textbook of Forensic Psychiatry. Washington, DC: American Psychiatric Association Publishing, 2010. 150 p.
12. *Войскунский А. Е.* Актуальные проблемы психологии зависимости от интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 90–100.
13. *Шамахов В. А., Межевич Н. М.* Современные информационные технологии: препятствия и помощники в принятии управленческих решений. Статья вторая. Возможности // Управленческое консультирование. 2021. № 6. С. 10–16. DOI: 10.22394/1726-1139-2021-6-10-16
14. Положение о Главном управлении по противодействию экстремизму МВД России // МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_po_protivodejstviju_j/Polozhenie (дата обращения: 12.04.2022).
15. Контроль и надзор // Роскомнадзор. URL: <https://rkn.gov.ru/it/control/> (дата обращения: 12.04.2022).
16. *Белюченко О. П., Ждамирова И. В., Котова Е. И.* Дистанционное образование: «за» и «против» // Academy. 2020. № 8 (59). С. 44–45.
17. *Терехин А. С.* Влияние дистанционного формата обучения на мотивацию студентов бакалавриата // Социология и право. 2020. № 4 (50). С. 65–69. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-4-65-69
18. *Терехин А. С.* Социальные ожидания студентов в осуществлении трудовой деятельности в условиях пандемии: социологический анализ // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2022. № 1 (5). С. 163–169. DOI: 10.24412/1994-3776-2022-1-163-169

Информация об авторе

А. С. Терехин — аспирант кафедры управления персоналом; 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30–32а.

Information about the author

A. S. Terekhin — Postgraduate Student of the Department of Personnel Management; 30–32 Griboedov Channel Emb., St. Petersburg 191023, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 12.04.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 24.06.2022.

ПРАВО В ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ THE LAW IN A STATE AND PERSON LIFE

Научная статья

УДК 342.7

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-183-191

Теория и практика участия населения России в градостроительной деятельности (на примере Ленинградской области)

Николай Николаевич Жильский¹✉, Иван Иванович Иванов²

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия, zilskiy@yandex.ru✉

² Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Россия, ivanov_ivan70@mail.ru

Аннотация. В статье авторы исследуют теоретические и практические вопросы об участии граждан Российской Федерации (РФ) в градостроительной деятельности. Рассмотрены взгляды отечественных специалистов в отношении института публичных слушаний, отражены основные проблемы их организации и проведения. Сделан вывод о том, что на практике привлечение граждан для участия в публичных слушаниях по вопросам благоустройства территории является малоэффективной формой общественного контроля.

Ключевые слова: градостроительная деятельность, участие граждан РФ в градостроительной деятельности, публичные слушания, местное самоуправление, правообладатели

Для цитирования: Жильский Н. Н., Иванов И. И. Теория и практика участия населения России в градостроительной деятельности (на примере Ленинградской области) // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 183–191. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-183-191>

Original article

Theory and practice of participation of the population of Russia in urban planning activities (on the example of Leningrad Region)

Nikolay N. Zhilskiy¹✉, Ivan I. Ivanov²

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia, zilskiy@yandex.ru✉

² St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg, Russia, ivanov_ivan70@mail.ru

Abstract. The participation of citizens in the implementation of urban planning activities is a form of public influence on the content of decisions taken by local self-government bodies. However, the attitude of scientists and the population of the Russian Federation

to the institution of public hearings, as one of the forms of participation of citizens in the implementation of local self-government, is not unambiguous. The absence of binding decisions of the public for public authorities on issues of land use regulation may lead to a decrease in the activity of the population in these issues and cause spontaneous protest of citizens. In its current form, the institution of public hearings has little influence on the content of decisions taken by local self-government bodies in the field of urban development, and is a formal, but actually sluggish institution of direct democracy.

Keywords: urban planning, participation of citizens of the Russian Federation in urban planning, public hearings, local government, copyright holders

For citation: Zhilskiy N. N., Ivanov I. I. Theory and practice of participation of the population of the Russian Federation in urban planning activities (on the example of Leningrad Region). *Sociology and Law*. 2022;14(2):183-191. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-183-191>

Введение

Актуальность темы настоящего исследования обоснована тем, что в сфере участия граждан в осуществлении местного самоуправления сегодня существуют нерешенные проблемы правового и организационного характера, препятствующие эффективной реализации населением Российской Федерации (РФ) конституционного права на владение, пользование, распоряжение землей и другими природными ресурсами.

Теория

При подготовке и написании статьи изучены и проанализированы теоретические работы отечественных специалистов, посвященные различным вопросам, связанным с институтом публичных слушаний — одной из важных форм взаимодействия между гражданами и органами местного самоуправления. Кроме того, при исследовании заявленной проблемы использованы материалы практики проведения публичных слушаний в муниципальном образовании «Первомайское сельское поселение» Ленинградской области.

Результаты и обсуждение

В соответствии с ч. 2 ст. 36 Конституции РФ владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. На основании ст. 3 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» жители муниципальных образований имеют право участвовать в создании безопасных и комфортных условий совместного проживания и землепользования. Одной из форм непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления считается институт публичных слушаний, которые, согласно ст. 28 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», проводятся в муниципальных образованиях для обсуждения проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения.

Однако отношение отечественных специалистов к институту публичных слушаний как одной из форм участия граждан в осуществлении местного самоуправ-

ления видится неоднозначным. Одни авторы считают, что публичные слушания — значимая форма прямой и обратной связи между гражданами и органами местного самоуправления, форма влияния граждан и общественности на содержание принимаемых ими решений, а институт публичных слушаний представляет собой не только юридически, но и фактически действующий институт фактической демократии [1, с. 12–13]. Другие специалисты придерживаются мнения о том, что отсутствие обязательности решений общественности для органов публичной власти по вопросам регулирования землепользования на территории муниципалитета в целом либо отдельных его частей (вплоть до «точечной застройки») влечет снижение активности населения в разрешении этих вопросов в правовых формах и может вызвать стихийный протест граждан [2, с. 171].

В условиях роста благосостояния населения проблемы развития инфраструктуры и комфортного пространства на территориях муниципальных образований имеют основополагающее значение для повышения качества жизни граждан РФ и создания возможностей для реализации их права на благоприятную окружающую среду. По мнению отечественных исследователей, вовлекать граждан в процессы благоустройства необходимо потому, что именно они являются самыми квалифицированными экспертами в вопросе благоустройства той или иной территории, поскольку пользуются регулярно ею. Местные жители, которым известно обо всех острых проблемах, возникающих в процессе использования общественных пространств, могут предложить эффективные пути их решения. Участие населения на всех стадиях благоустройства территории позволяет повысить легитимность и разделяемость управленческих решений, снизить возможность появления социальных конфликтов на территории того или иного муниципального образования [3, с. 86–87].

На практике же существующий институт публичных слушаний, регламентированный ст. 28 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», к глубокому сожалению, сегодня является малоэффективной формой непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления. Это становится очевидным на примере из практики муниципального образования «Первомайское сельское поселение» Выборгского района Ленинградской области. Так, глава муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области 3 марта 2021 г. издал постановление № 2 о проведении публичных слушаний по проекту решения о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка площадью 2 000 кв. м, расположенного по адресу: Ленинградская область, Выборгский район, муниципальное образование «Первомайское сельское поселение», поселок Ильичёво.

В соответствии с указанным постановлением собрание участников публичных слушаний планировали провести в рабочий день, 23 марта 2021 г., в помещении муниципального образования «Первомайское сельское поселение» Выборгского района, в здании администрации. В ходе публичных слушаний муниципальным образованием жителям поселка Ильичёво предложено обсудить проект решения о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования «размещение объектов розничной торговли» относительно указанного выше земельного участка [4, с. 1–2].

В научной литературе, посвященной проблемам изучения института публичных слушаний, можно обнаружить исследования практики реализации данной формы муниципальной демократии. В частности, кандидат юридических наук Л. А. Андреева выделяет негативные особенности практики применения норм о публичных слушаниях, проводимых в муниципальных образованиях, такие как:

- существующие нормативные основы публичных слушаний в муниципальных образованиях, не позволяющие варьировать процедуру их проведения в зависимости от содержания рассматриваемого вопроса;
- фактическое неравенство граждан и должностных лиц муниципальных образований в ходе реализации права граждан при проведении публичных слушаний;
- преобладание позиции муниципалитета в ходе проведения публичных слушаний по причине формирования состава оргкомитета исключительно из числа муниципальных служащих;
- игнорирование муниципальными служащими при проведении публичных слушаний принципа плюрализма мнений относительно рассматриваемого вопроса;
- тенденция к проведению публичных слушаний только в рабочее время, когда большинство заинтересованных граждан по причине занятости не могут принять участие в их проведении;
- установление отдельных ограничений и запретов, искусственно препятствующих гражданам в организации и проведении публичных слушаний;
- несовершенство способов фиксации хода и обсуждения результатов слушаний, поскольку итоговый документ (заключение, рекомендации) подменяется протоколом проведения слушаний, который заполняется в сокращенном варианте, процесс обсуждения, а главное — сущность вопросов — не фиксируется, процедура подготовки заключений не регламентируется, ответы на вопросы участников слушаний организаторы не раскрывают, видео- и аудиозапись не проводится, в итоге оргкомитет составляет заключение, не отражающее все мнения, и публичные слушания утрачивают доверие граждан к институту местного самоуправления в целом [5, с. 2–5].

В процессе дальнейшего изучения описанного выше примера из практики проведения публичных слушаний установлено, что с учетом занятости большинство заинтересованных лиц из числа граждан — правообладателей близлежащих земельных участков (более 20 человек) — не смогли участвовать в публичных слушаниях. Однако 23 марта 2021 г., в рабочий день, при проведении указанного мероприятия в помещении муниципального образования «Первомайское сельское поселение» все без исключения граждане из числа заинтересованных лиц — правообладателей близлежащих земельных участков, которые смогли принять участие в обсуждении проекта решения о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования «размещение объектов розничной торговли» (пять человек), высказались принципиально против строительства торгового объекта на соседнем земельном участке.

При этом собственники близлежащих земельных участков просили учесть их мнение и не допустить строительства объекта розничной торговли по причинам того, что данное мероприятие нарушает права собственников, предусмотренные ч. 2 ст. 36 Конституции РФ.

По мнению граждан, размещение на соседнем участке магазина с парковкой должно было привести к ряду последствий:

- отсутствию нормального солнечного освещения на территории близлежащих земельных участков;
- созданию угрозы постоянного подтопления на территории земельных участков;
- повышенной шумности от строительства магазина и проблемам в обеспечении спокойствия и тишины в дневное и ночное время;

- возникновению проблем с обеспечением пожарной безопасности на близлежащих земельных участках в случае строительства магазина, поскольку на границах участков запланировано размещение стоянки автотранспорта, заправленного горюче-смазочными материалами, что может привести к загрязнению колодцев с питьевой водой нефтепродуктами;
- возникновению дополнительных проблем с обеспечением тишины по окончании строительства магазина, особенно в ночное время, поскольку шум от промышленного торгового оборудования, кондиционеров, создаваемый посетителями магазина, принадлежащим им автотранспортом, на планируемой к строительству стоянке, ночной подвоз товаров в магазин не позволит соседям пользоваться надлежащим образом своими земельными участками;
- ухудшению экологической обстановки на близлежащих земельных участках, в связи с интенсивным движением автотранспорта на стоянке ввиду наличия задымления воздуха отработанными газами;
- появлению большого количества бытового мусора, как от магазина, так и от проезжающих автомашин;
- созданию аварийной обстановки на узкой дороге ввиду проезда по ней большегрузного транспорта с товарами для магазина.

Несмотря на многочисленные замечания относительно предложенного для обсуждения проекта решения о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования «размещение объектов розничной торговли», 26 марта 2021 г. должностные лица муниципального образования по результатам публичных слушаний приняли решение рекомендовать главе администрации муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области направить проект решения о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования указанного земельного участка на утверждение.

Из содержания заключения о результатах проведения публичных слушаний на основании протокола от 23 марта 2021 г., опубликованного 26 марта 2021 г. на официальном портале муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области, следует, что данный итоговый документ по содержанию представляет собой протокол проведения слушаний, в котором зафиксированы замечания и возражения правообладателей близлежащих земельных участков относительно возможности строительства торгового объекта на соседнем земельном участке. В его содержании не отражены ответы и аргументы должностных лиц оргкомитета публичных слушаний на замечания граждан, отсутствуют сведения об участии в обсуждении вопросов градостроительства сведущих лиц из числа экспертов в градостроительной сфере, а также информация о способах фиксации хода и результатов мероприятия с помощью видео- и аудиозаписи.

В ст. 28 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» отсутствует понятие «публичные слушания». Статья 28 Градостроительного кодекса РФ, регламентирующая особенности организации и проведения общественных обсуждений, публичных слушаний по проектам генеральных планов поселений, генеральных планов городских округов, также не содержит дефиниции этого правового института.

В юридической литературе можно найти научные определения публичных слушаний в сфере градостроительной деятельности. Например, кандидат юридических наук С. А. Бурмистрова полагает, что публичные слушания по вопросам местного значения в области градостроительной деятельности — форма участия населения в решении вопросов местного значения в области градостроительной

деятельности, состоящая в открытом, свободном и независимом обсуждении проблем населением, права и охраняемые законом интересы которого могут быть затронуты планируемым решением, проектов муниципальных правовых актов по вопросам местного значения в области градостроительной деятельности, в целях общественной оценки проекта правового акта и выработки рекомендаций по обсуждаемым вопросам [6, с. 7].

Из содержания этого определения публичных слушаний следует, что документы, составленные по результатам публичных слушаний, в отношении вопросов местного значения в градостроительной деятельности по своей сути должны точно отражать сведения, подтверждающие факт открытого, свободного и независимого обсуждения гражданами проектов правовых актов. Именно обсуждения (путем обмена мнениями и представления соответствующих аргументов) между заинтересованными лицами, включая должностных лиц органов местного самоуправления, инициировавших проведение публичных слушаний относительно обсуждаемого проекта, и правообладателей близлежащих земельных участков.

Если в ходе публичных слушаний были зафиксированы только предложения или замечания жителей о возможности строительства объекта торговли на соседнем земельном участке и не отражены мнения организаторов и участников мероприятия из числа муниципальных служащих, такое мероприятие сложно назвать публичными слушаниями. В действительности открытого, свободного и независимого обсуждения в данном случае не было. Мероприятие фактически сведено чиновниками к заслушиванию и формальной фиксации возражений заинтересованных лиц, которые занесены в протокол. Чиновники муниципального образования от участия в обсуждении проблемы вкупе с местным населением уклонились. Заключение о результатах публичных слушаний таковым по содержанию не является и лишь повторяет содержание протокола проведения мероприятия от 23 марта 2021 г.

Несложно предположить, какой будет дальнейшая судьба проекта. Рассмотрев обращение администрации муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области, Комитет градостроительной политики Ленинградской области распоряжением от 18 мая 2021 г. № 180 предоставил разрешение на условно разрешенный вид использования «размещение объектов розничной торговли» указанного выше земельного участка, при этом полностью проигнорировал мнение всех правообладателей близлежащих земельных участков. Многочисленные письменные групповые обращения граждан — правообладателей земельных участков — по факту нарушения их субъективных прав в результате строительства на соседнем участке объекта розничной торговли к губернатору Ленинградской области, в прокуратуру Ленинградской области, в Комитет градостроительной политики Ленинградской области и иные органы власти РФ не привели к положительному результату.

В итоге по окончании строительства объекта розничной торговли правообладатели остались недовольны беспокойным соседством. Их права на свободное владение, пользование и распоряжение принадлежащими им земельными участками, предусмотренные ч. 2 ст. 36 Конституции РФ, грубо нарушены и вряд ли могут быть в перспективе восстановлены. В частности, при строительстве магазина и автостоянки с использованием тяжелой строительной техники появились трещины на доме, расположенном на соседнем земельном участке. После открытия торгового объекта его тыльная сторона, обращенная в сторону леса, превратилась в место отправления естественных надобностей посетителей магазина, выбрасывания бытовых отходов в виде пластика, стекла и автомобильных покрышек, то есть в место стихийной свалки. Со стороны центральной улицы

в связи с функционированием магазина существенно увеличилось количество оставляемых вдоль соседних участков бытовых отходов в виде пакетов с мусором, стеклотары, пластиковой тары. Шум и освещение от въезжающих и выезжающих с парковки автомашин, громкая музыка из проезжающих автомобилей, потасовки между водителями, часто с использованием ненормативной лексики, перекрытие узкой дороги большегрузными автомобилями также не придают жителям близлежащих земельных участков оптимизма, не способствуют спокойному отдыху и работе.

Казалось бы, в этой ситуации наиболее оптимальным способом защиты было бы обращение правообладателей соседних участков в суд с иском о признании незаконными результатов публичных слушаний, постановлений органа муниципальной власти и органа исполнительной власти о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка под «размещение объектов розничной торговли». Однако судебный способ защиты представляет особую сложность для граждан, находящихся в схожих ситуациях. Например, доцент М. Д. Сафарова по результатам обзора судебной практики российских судов по делам об оспаривании результатов проведения процедур публичных слушаний и решений глав местных администраций об изменении вида разрешенного использования земельных участков пришла к следующим выводам:

- заключение по результатам публичных слушаний имеет рекомендательный характер, не содержит правовых норм, порождающих для третьих лиц какие-либо права и обязанности, поэтому не может быть предметом самостоятельного оспаривания;
- обжаловать следует принятый по результатам публичных слушаний органами местного самоуправления правовой акт, например, документацию по планировке территории, разрешение на условно разрешенный вид использования земельного участка и т. д., с указанием на нарушения процедуры проведения публичных слушаний, а также на несоответствие утвержденного проекта определенным нормам законодательства;
- при обжаловании ненормативных правовых актов, к которым относятся заявления о разрешении на условно разрешенный вид использования и на отклонение от параметров разрешенного строительства, реконструкции, а теперь и проект межевания территории, помимо несоответствия утвержденного документа законодательству, необходимо доказать нарушение указанным актом гражданских прав и охраняемых законом интересов гражданина или юридического лица, обратившегося в суд с соответствующим требованием;
- в случае рассмотрения проекта документа, не соответствующего требованиям технических регламентов, следует обжаловать действия органов власти по невыполнению надлежащей проверки проекта документа перед проведением публичных слушаний и незаконному назначению публичных слушаний, не дожидаясь утверждения проекта документа и проведения публичных слушаний [7, с. 55–56].

Как видно из содержания заключения о результатах проведения публичных слушаний от 23 марта 2021 г., опубликованных 26 марта 2021 г. на официальном портале муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области, сведения о надлежащей проверке документов должностными лицами органов местного самоуправления, представленными собственником участка на публичные слушания для изменения вида разрешенного использования, отсутствуют. Между тем неустановленные должностные лица органа муниципальной власти при подготовке указанных публичных слушаний грубо нарушили поло-

жения местного основополагающего подзаконного нормативного акта — Правил землепользования и застройки сельского поселения, утвержденных решением Совета депутатов муниципального образования «Первомайское сельское поселение» Выборгского района Ленинградской области от 10 декабря 2012 г. № 161 «Об утверждении правил землепользования и застройки частей и территорий, входящих в состав муниципального образования “Первомайское сельское поселение” Выборгского района Ленинградской области» [8]. В частности, согласно п. 11 ст. 17 указанных Правил землепользования и застройки, разрешение на условно разрешенный вид использования определяет порядок и условия реализации согласованного вида использования с учетом недопущения причинения ущерба смежным землепользователям и снижения стоимости соседних объектов недвижимости.

Выводы

Таким образом, рассмотрев проблемы об участии населения в решении вопросов местного значения в области градостроительной деятельности, можно заключить, что в существующем виде институт публичных слушаний незначительно влияет на содержание решений, принимаемых органами местного самоуправления в сфере градостроительной деятельности, и представляет собой формальный, но фактически пассивно действующий институт непосредственной демократии.

Отечественное нормативно-правовое регулирование организации процедуры публичных слушаний нуждается в совершенствовании. Органам законодательной власти во взаимодействии с органами местного самоуправления необходимо разработать и принять модельный правовой акт, регулирующий институт публичных слушаний. В содержание указанного правового акта следует включить положения об обязанности должностных лиц органов местного самоуправления осуществлять проверку соответствия проектов предоставляемых документов градостроительному законодательству и требованиям технического регламента.

Целесообразно расширить сферу применения местного референдума по градостроительным вопросам, создать надежные правовые гарантии учета мнений граждан, высказанных на публичных слушаниях. Необходимо дополнить норму ст. 28 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» положениями о создании согласительных комиссий в случае несогласия большинства граждан либо органа местного самоуправления с результатами публичных слушаний для доработки градостроительных документов. Отсутствие консенсуса между общественностью и органами публичной власти в градостроительных вопросах влечет снижение социальной активности населения и может вызвать стихийный протест граждан.

Список источников

1. Баулина Е. И. Публичные слушания как форма участия населения в принятии решений по вопросам местного значения // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 29 (244). С. 8–13.
2. Рыженков А. Я. Принцип участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности: теория и практика // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 169–176.
3. Фурсов А. А. Правовые основы привлечения граждан к процессам благоустройства (на примере городских округов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 2 (37). С. 67–84.

4. О проведении публичных слушаний по проекту решения о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка с кадастровым номером 47:01:1703001:1836: постановление главы муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области от 3 марта 2021 г. № 2 // Администрация муниципального образования «Выборгский район» Ленинградской области: офиц. портал. URL: <https://vbglenobl.ru/> (дата обращения: 20.03.2022).
5. *Андреева Л. А.* К вопросу о публичных слушаниях // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 3 (45). С. 1–5.
6. *Бурмистрова С. А.* О содержании понятия публичных слушаний как элемента системы гарантий прав в сфере градостроительной деятельности // Управление в современных системах. 2013. № 1. С. 4–8.
7. *Сафарова М. Д.* Практика применения института публичных слушаний в градорегулировании // Имущественные отношения в РФ. 2015. № 10 (169). С. 52–58.
8. Об утверждении Правил землепользования и застройки частей и территорий, входящих в состав муниципального образования «Первомайское сельское поселение» Выборгского района Ленинградской области: решение Совета депутатов от 10 декабря 2012 г. № 161 // Муниципальное образование «Первомайское сельское поселение» Выборгского района Ленинградской области: офиц. портал. URL: <http://pervomayskoe-sp.ru/index.php?name=files&op=view&id=434> (дата обращения: 20.03.2022).

Информация об авторах

Н. Н. Жильский — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

И. И. Иванов — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4.

Information about the authors

N. N. Zhilskiy — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

I. I. Ivanov — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Urban Development and Transport; 4, 2nd Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg 190005, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 342

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-192-198

Конституционно-правовые пределы реализации государственной власти в современной России

Григорий Хотеевич Гуменюк^{1✉}, Анастасия Эдуардовна Святогорова²

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ gumenyuk1962@mail.ru✉

² aesvyatogorova@yandex.ru

Аннотация. В статье речь идет о том, что законодательные новеллы, внесенные в Конституцию Российской Федерации (РФ) 2020 г., потребовали реформирования в правовом понимании терминов «государственная власть», «публичная власть» и привели к осознанию существования феномена «публичная власть». Утверждается, что Конституционный Суд России путем расширительного толкования в унисон с законодателем разъяснил структуру единой публичной власти, сегодня включающую в себя и систему органов государственной власти, и органы местного самоуправления. При этом уточнены цель и задачи публичного управления, реализация которого в подлинно правовом и демократическом государстве возможна лишь при условии ненарушения пределов указанного публичного управления, сформулированных в Основном законе страны.

Ключевые слова: государственная власть, публичная власть, конституционно-правовые пределы, конституционно-правовые принципы, единство государственной власти, разделение властей, законность, права и свободы человека и гражданина

Для цитирования: Гуменюк Г. Х., Святогорова А. Э. Конституционно-правовые пределы реализации государственной власти в современной России // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 192–198. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-192-198>

Original article

Constitutional and legal limits of the exercise of state power in modern Russia

Grigoriy Kh. Gumenyuk^{1✉}, Anastasia E. Svyatogorova²

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ gumenyuk1962@mail.ru✉

² aesvyatogorova@yandex.ru

Abstract. The legislative innovations introduced into the Constitution of the Russian Federation in 2020 required the reform of the legal understanding of the concepts of “state power”, “public power”, and, in addition, led to the realization of the existence of the phenomenon of “public power”. The Constitutional Court of Russia, through an expansive interpretation in unison with the legislator, explained the structure of the unified public authority, which today includes both the system of state authorities and local self-government bodies. At the same time, the purpose and objectives of public administration were clarified, the implementation of which in a truly legal and democratic state is possible only if the limits of designated public administration formulated in the Basic Law of the country are not violated.

© Гуменюк Г. Х., Святогорова А. Э., 2022

Keywords: state power, public power, constitutional and legal limits, constitutional and legal principles, unity of state power, separation of powers, legality, human and civil rights and freedoms

For citation: Gumenyuk G. Kh., Svyatogorova A. E. Constitutional and legal limits of the exercise of state power in modern Russia. *Sociology and Law. 2022;14(2):192-198.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-192-198>

Введение

На рубеже 2019–2020-х гг. конституционно-правовые реалии обозначили необходимость фундаментального реформирования института публичной власти, ядром которой является эффективно реализуемая разветвленной системой органов государственной власти деятельность. Востребованность механизмов обеспечения единства публичной власти в общем и государственной власти в частности не раз получала обоснование в программных документах, издаваемых Президентом России и Правительством Российской Федерации (РФ).

Очевидным становится тот факт, что системе публичной власти еще предстоит развиваться. Происходящие конституционные процессы требуют профессионального подхода, дискуссий, развития конституционно-правовой и политической науки, конституционного правосознания, чтобы расхождения конституционного текста и реальных отношений не застали Россию врасплох [1, с. 292].

Теория

Изначально реформирование отечественного института государственной власти потребовало перехода от концепции признания в качестве основных пределов реализации государственной власти естественных прав человека (сформулированной еще Дж. Локком) к концепции восприятия конституционно-правового статуса человека и гражданина как центрального ограничителя любой публичной власти. Процессы глобализации, в которые вовлечено большинство современных держав, провозгласивших себя правовыми и демократическими, сформировали убеждение в необходимости обеспечения реализации на внутрисредоточном уровне правового регулирования действующих в единстве и во взаимодействии конституционно-правовых принципов, наделенных потенциалом установления допустимых пределов осуществления публичной власти, как государственной, так и любой другой.

Дж. Локк предполагал, что цель государства состоит в реализации гарантий естественных прав (свободы, равенства, собственности) и законов; а государство должно быть организовано таким образом, чтобы естественные права были надежно гарантированы. Пределы власти государства при всех формах правления — естественные права подданных, а организация власти должна надежно гарантировать права и свободы от произвола и беззакония [2, с. 295].

Сегодня становится понятным, что в любом современном развитом правовом государстве царит осознание того, что подлинно правовым и демократическим следует считать лишь державу, характеризующуюся наличием соответствующей реальной системы конституционно-правовых принципов-ограничителей, допускающих реализацию публичной власти любой формы в лаконично очерченных пределах. Изложенное позволяет с высокой степенью допустимости утверждать, что целесообразно в доктрине конституционного права особое внимание уделить эволюционировавшему институту конституционно-правовых пределов реализации

государственной власти и власти органов местного самоуправления с позиций единства публичной власти в целом. Именно данное единство предопределяет необходимость системного восприятия конституционно-правовых принципов-пределов реализации публичной власти, а не только государственной.

Результаты и обсуждение

Историческая справедливость требует, что прежде всего осмыслению следует подвергнуть конституционно-правовой принцип, получивший закрепление в ст. 2 Конституции РФ, благодаря которой раскрыта важнейшая сущностная характеристика России как правового государства, провозглашенного в ст. 1 Основного закона страны [3]. Устанавливая фундаментальный принцип, заключающийся в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина, законодатель потребовал от системы органов государственной власти в пределах закрепленной за ними компетенции осуществления комплекса приемов и способов правового воздействия на общественные отношения, направленных на реализацию государством в целом правозащитной функции управления.

Как справедливо пишут ведущие отечественные конституционалисты, признание и обеспечение права на возмещение вреда здоровью, являющемуся для каждого неотчуждаемым благом, — конституционная обязанность РФ как социального правового государства [4]. Например, исследуемая функция государственного управления проявилась посредством указания Конституционным Судом (КС) РФ в своем решении положения о том, что ввиду ст. 71 (пункт «в») Конституции РФ государство обязано регулировать и защищать права и свободы человека и гражданина. Это требует от федерального законодателя использования эффективных правовых механизмов возмещения вреда здоровью в условиях инфляции и роста цен [5].

Обращение к установлениям постановления КС РФ от 1 декабря 1997 г. демонстрирует наличие возможности расширения границ ст. 2 Конституции РФ. Речь идет о том, что конституционно-правовая природа отношений, возникающих при возмещении государством вреда гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, обуславливает необходимость максимально возможного использования государством имеющихся средств для обеспечения достаточности такого возмещения [6].

К сожалению, реформа 2020 г. не позволила законодателю изменить структуру Конституции РФ в аспекте переноса ст. 18 в главу 1, то есть в виде ч. 2 ст. 2 Основного закона страны. Хотя представляется вполне очевидной необходимость закрепления положения о том, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяющими цели и содержание деятельности органов публичной власти всех видов, такое редактирование осуществлено не было.

Тем не менее конституционный принцип законности по своим сущностным характеристикам едва ли служит не одним из самых значимых пределов реализации не только государственной власти, но и власти публичной. Поэтому, даже будучи ориентированной на необходимость реализации прав и свободы человека и гражданина в максимально допустимой степени, публичная власть не может выйти и за пределы действия принципа законности, предполагающего в числе прочего строгое соблюдение основополагающих идей или принципов, которыми должны руководствоваться все звенья государственного аппарата, должностные лица, юридические и физические лица при осуществлении своей деятельности [7, с. 335].

Декларируя обязательство государства в целом признавать, соблюдать и защищать права и свободы личности, законодатель в ст. 2 Основного закона России подразумевал высокую степень правовой ответственности каждого органа государственной власти (вне зависимости от места, занимаемого в триаде властей) в обеспечении полного соблюдения и защиты указанных прав и свобод. Именно закрепление функционального разделения властей в ст. 10, 11 Конституции РФ, сопряженное с эффективно применяемой системой сдержек и противовесов в современной России, позволяет в качестве одного из существенных пределов реализации государственной власти называть принцип разделения властей.

Как небезосновательно утверждает В. Д. Карпович, избрание для обновленной России 1993 г. республиканской формы правления позволило избежать концентрации всей государственной власти в руках монарха, вождя правящей партии или (и) президента, у которого были бы сосредоточены все основные законодательные, исполнительные и судебные функции. Благодаря предпринятым мерам удалось исключить возможность неизбежной путаницы относительно разнородных функций между отдельными частями государственного аппарата, принципиально несовместимой с разделением законодательных, исполнительных и судебных полномочий между собой, с их возложением на различные специализированные части государственного аппарата, со сколько-нибудь значительной степенью самостоятельности его ветвей и звеньев, их взаимным контролем и т. д. [8, с. 302–304].

Органы государственной власти, относимые к различным ветвям власти, ограничены в процессе реализации своих полномочий, как общей, так и специальной компетенции, именно функциональным наполнением закрепленного в конституционно-правовом законодательстве правового статуса. В связи с этим конституционный принцип разделения властей следует рассматривать не только как содержательный элемент правового, демократического, федеративного государства, но и как конституционный предел реализации государственной власти в России.

Оценка современного состояния отечественной конституционно-правовой доктрины и практики позволяет констатировать, что в настоящее время эволюция разделение властей в России характеризуется тенденциями укрепления исполнительной и законодательной властей; отличается отнесением большинства органов государственной власти, действующих в субъектах, к федеральным органам государственной власти. Последнее можно понимать и как тенденцию укрепления федеральной власти в нашей стране на современном этапе.

Усиление в государственном управлении роли федеральных органов государственной власти сопряжено и с законодательными новеллами 2020 г., которые, по сути, развили и формально облекли в нормативную форму сущность конституционно-правового принципа единства государственной власти, неразрывно связанного с концепцией разделения властей. Единство государственной власти проявляется не только в наличии у всех ветвей власти в государстве единого источника, народа, но и, как обоснованно полагают современные конституционалисты М. В. Баглай, Е. И. Козлов, О. Е. Кутафин и другие, в наличии единого органа или системы органов, составляющих в совокупности высшую государственную власть [9, с. 137; 10, с. 256].

Следует отметить, что юридические признаки единства государственной власти заключаются в том, что совокупная компетенция системы органов, составляющих высшую государственную власть, охватывает все полномочия, необходимые для осуществления функций государства, а различные органы, принадлежащие к этой системе, не могут предписывать одним и тем же субъектам при одних и тех же обстоятельствах взаимоисключающие правила поведения. Часть 3 ст. 5 действующей Конституции РФ устанавливает единство системы государственной

власти в качестве одного из принципов федеративного устройства РФ. Кроме того, термин «единство», примененный в Основном законе России, использован отечественным законодателем применительно к государственной целостности РФ, проявляющейся в таких аспектах, как единство территории, единство экономического пространства, единство правового пространства.

Многоаспектность современного правопонимания единства государственной власти проявляется по горизонтали и по вертикали. Единство государственной власти по горизонтали состоит в том, что, действуя в системе разделения властей, все органы государственной власти РФ и ее субъектов осуществляют государственную власть, объединенную общими целями и принципами построения, методами деятельности, единством государственной политики. По вертикали же единство государственной власти обуславливает сходную организацию государственной власти, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ.

Таким образом, нельзя не согласиться с утверждением В. А. Черепанова, исследовавшего феномен федеративной формы государственного устройства и сформулировавшего теоретический вывод о том, что разделение власти подразумевает следующее:

- а) за каждым уровнем закреплена определенный объем государственной власти;
- б) осуществляется сотрудничество и согласование интересов различных уровней власти, без которых невозможно федеративное государство. Согласие и сотрудничество между федеративной системой и составляющими ее частями рассматриваются в теории федерализма как имманентное свойство федеративного устройства, своего рода общественный договор, лежащий в основе любой (конституционной или договорной) федерации. Отсутствие согласия и сотрудничества порождает социальные конфликты, детерминирует дезинтеграцию и разрушает государство;
- в) существует представительство субъектов в законодательных (представительных) органах государства, то есть реализуется механизм участия субъекта в управлении федеративным государством в целом;
- г) обеспечено единство и целостность государства — разделение государственной власти между государством и составляющими его субъектами, децентрализация государственной власти не может быть беспредельной, она ограничена обеспечением единства и целостности государства, образованного указанными субъектами. По этому видовому признаку федерация отличается от конфедерации, которая является не единым государством, а представляет собой союз суверенных государств [11, с. 19–20].

Выводы

Изложенное позволяет рассматривать конституционно-правовой принцип единства государственной власти одновременно и как конституционно-правовой предел ее реализации. Особая роль единства государственной власти, но уже применительно к публичной власти в целом, отмечена Конституционным Судом РФ в 2020 г. Вслед за законодателем Конституционный Суд РФ расширил содержательную характеристику рассматриваемого конституционно-правового предела.

Во-первых, фактически сформулирована единая цель (функциональное предназначение) публичной власти, понимаемой как согласованное действие различных уровней публичной власти, то есть единого целого во благо граждан.

Во-вторых, в качестве задач публичного управления по обеспечению единства публичной власти предусмотрено сохранение исторически сложившегося государственного единства и возрождение суверенной государственности; признание

в качестве единственного источника власти многонационального народа России; установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления, которые в процессе функционирования должны действовать как единое системное целое в конкретных организационных формах; включение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти политического союза многонационального русского народа [12].

Логичным представляется вывод о допустимости, а в ряде случаев и о необходимости выхода органов государственной власти за пределы, установленные фундаментальными положениями ст. 2 Конституции РФ. Но расширение пределов действия конституционно-правовых норм все еще остается монополией Конституционного Суда РФ, что само по себе требует признания в качестве второго конституционного принципа-предела государственной власти законности, провозглашенной в серии статей Конституции РФ, но фундаментально сформулированной в ст. 15 Основного закона страны.

Попытка осмыслить предварительные итоги отдельных конституционно-правовых новелл 2020 г. в контексте исследуемой темы дает возможность утверждать, что единство публичной власти в современной России, государства, провозгласившего себя правовым и демократическим еще в 1993 г., безусловно, предполагает наличие гармонично выстроенной системы действующих в единстве и во взаимодействии органов государственной власти и органов местного самоуправления, осуществляющих деятельность во исполнение установленных законодателем целей и задач публичного управления, в строгом соответствии с гарантированными Конституцией РФ конституционно-правовыми пределами.

Список источников

1. Румянцев О. Г. Конституция Девяносто третьего. История явления: документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов. М.: Библиотека РГ, 2013. 336 с.
2. Деханова Н. Г., Деханов С. А. Эволюция научных воззрений о правовом и социальном государстве // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 294–298.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Конституция Российской Федерации в решениях Конституционного Суда России / под ред. Л. В. Лазарева и др. М.: Институт права и публичной политики, 2005. 670 с.
5. По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 г. «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакциях от 24 ноября 1995 г. и от 12 февраля 2001 г.), Федеральных законов от 12 февраля 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”», от 19 июня 2000 г. «О минимальном размере оплаты труда» и от 7 августа 2000 г. «О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации» в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций черномыльцев: постановление Конституционного Суда РФ от 19 июня 2002 г. № 11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 5.
6. По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”»: постановление Конституционного Суда РФ от 1 декабря 1997 г. № 18-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 6.

7. Долгопят А. О. Понятие и содержание принципа законности // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 335–337.
8. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В. Д. Карповича. М.: Юрайт-М; Новая Правовая культура, 2002. 959 с.
9. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. М.: Норма, 2004. 816 с.
10. Козлова Е. И., Кутфин О. Е. Конституционное право России. М.: Юрист, 2004. 435 с.
11. Черепанов В. А. Конституционно-правовые основы разделения государственной власти между Российской Федерацией и ее субъектами. М.: МЗ-ПРЕСС, 2003. 437 с.
12. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»: заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-З // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037> (дата обращения: 01.02.2022).

Информация об авторах

Г. Х. Гуменюк — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. Э. Святогорова — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

G. Kh. Gumenyuk — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

A. E. Svyatogorova — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 26.04.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022; approved after reviewing 26.04.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 343.148

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-199-206

Институт рецензирования заключения эксперта

Виталий Анатольевич Новицкий¹✉, Лада Юрьевна Новицкая²

¹ Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

² Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Пушкин,
Санкт-Петербург, Россия

¹ 78jurist@gmail.com ✉

² infolady1@gmail.com

Аннотация. В статье речь идет о том, что в настоящее время существенное значение в практике рассмотрения гражданских дел имеет институт рецензирования заключения эксперта. В доктрине этот процессуальный институт недостаточно разработан. Авторами проведено теоретическое и прикладное исследование формирующегося института рецензирования заключения судебного эксперта. Изучены понятие и форма составления рецензии, негативная и позитивная судебная практика использования рецензирования по гражданским делам. Предлагается авторское понимание института рецензирования, фигуры рецензента и процессуально-правового значения института рецензирования для практики рассмотрения и разрешения гражданских и арбитражных дел в судах.

Ключевые слова: судебные доказательства, судебная экспертиза, заключение эксперта, рецензирование экспертиз, рецензия на заключение экспертизы

Для цитирования: Новицкий В. А., Новицкая Л. Ю. Институт рецензирования заключения эксперта // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 199–206. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-199-206>

Original article

Institute for reviewing expert opinions

Vitaliy A. Novitsky¹✉, Lada Yu. Novitskaya²

¹ St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

² Pushkin Leningrad State University, Pushkin, St. Petersburg, Russia

¹ 78jurist@gmail.com ✉

² infolady1@gmail.com

Abstract. At present, the institution of reviewing an expert's opinion is of significant importance in the practice of considering civil cases. In the doctrine, this procedural institution is poorly developed. The article is devoted to theoretical and applied research of the emerging institution of reviewing the opinion of a forensic expert. The article focuses on the concept and form of reviewing, negative and positive judicial practice of using reviewing in civil cases. The author's understanding of the institution of review, the figure of the reviewer and the procedural and legal significance of the institution of review for the practice of considering and resolving civil and arbitration cases in courts is given.

Keywords: forensic evidence, forensic examination, expert opinion, review of the expert opinion

For citation: Novitsky V. A., Novitskaya L. Yu. Institute for reviewing expert opinions. *Sociology and Law*. 2022;14(2):199-206. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-199-206>

Введение

Суд по гражданским делам назначает, а эксперт проводит исследование и дает экспертное заключение. На практике выводы эксперта предreshают разрешение гражданского (арбитражного) дела в отношении того лица, в пользу которого свидетельствуют результаты судебной экспертизы. На основании процессуального закона при рассмотрении гражданских и арбитражных дел судом складывается ситуация, в которой практики стали называть заключение эксперта «экспертным приговором».

Действующий гражданский (арбитражный) процессуальный закон не содержит правового регулирования вопросов, посвященных средствам оспаривания заключения судебного эксперта. М. В. Жижина верно пишет: «Тезис о том, что заключение эксперта, содержащее вывод в категорической форме, имеет очень серьезное доказательственное значение для суда, не нуждается в дополнительной аргументации. Вместе с тем сторона, не согласная с экспертным выводом, *de facto* очень ограничена в своих возможностях по его оспариванию. Поэтому практику относительно недавно появившегося в судопроизводстве рецензирования экспертных заключений следовало оценивать в позитивном ключе» [1].

Ввиду нехватки законодательного регулирования института рецензирования и необходимых личных специальных (неправовых) знаний субъекты доказывания не способны своевременно, эффективно оспаривать проведение судебной экспертизы и (или) представленное на основании такого исследования в суд заключение эксперта. Данный фактор обуславливает необходимость обращения субъектов доказывания к специальным познаниям профессионального лица (рецензента), сведущего в вопросах назначенной и проведенной судебной экспертизы в области науки, искусства, ремесла и т. п., имеющего необходимый и достаточный опыт для проведения критического анализа хода проведенного экспертного исследования и результатов судебной экспертизы, занесенных в экспертное заключение.

Материалы

Проведение судебной экспертизы и экспертное заключение оспариваются несогласным субъектом доказывания посредством представления в суд мнения специалиста той же специальности, что и у эксперта, проводившего исследование и представившего экспертное заключение суду. Для правового регулирования важно понимать значение используемого термина.

Предоставление рецензии в суд осуществляется лицом, участвующим в деле или его представителем, как реализация полномочий субъекта доказывания по сбору и представлению доказательств до окончания рассмотрения дела.

Фигура рецензента. Справедливой представляется точка зрения М. В. Жижиной: «Особое внимание... должно быть уделено фигуре рецензента. Аналогично практике государственных экспертных учреждений рецензентом должен быть высококвалифицированный в определенной области специалист, знающий и умеющий применять все современные экспертные технологии, автор или соавтор экспертных методик, пособий для экспертов, то есть авторитетный теоретик и практик судебной экспертизы. Отдельный акцент необходимо сделать на независимости такого специалиста и его моральных качествах. Естественно,

недопустимо, чтобы рецензент находился с экспертом или руководителем экспертной организации, в которой проводилось исследование, в служебных, дружеских, родственных и т. п. отношениях» [1].

Основным критерием для квалифицированного рецензента должна быть возможность дать независимую рецензию. Поэтому *назначение судом фигуры рецензента не требуется*. Данное положение также необходимо отразить в процессуальной кодификации.

Действия по рецензированию требуют от рецензента высокого уровня профессиональных знаний и значительного опыта, наличия и использования им критического мышления в отношении предмета рецензирования. Нельзя не согласиться с В. Я. Рихтерманом и В. И. Родионовым, которые считают, что «...суд должен обращать особое внимание на фигуру рецензента: чем выше его академический авторитет и репутация в научном сообществе, тем большее внимание должно быть уделено доводам рецензии при оценке выводов эксперта. Однако критика даже самого заслуженного рецензента не должна влиять на оценку судом заключения эксперта, если она представляет собой не выявление каких-либо существенных ошибок, а лишь редакционные замечания, не ставящие под сомнения научную обоснованность выводов экспертизы» [2, с. 65; 3; 4]. Необходимо учитывать, что рецензент не присутствует при проведении экспертного исследования и судит о нем по данным, отраженным в описании экспертного заключения.

Полагаем, следует закрепить в законе институт судебного рецензирования, поскольку он сложился в позитивной судебной практике ввиду устоявшейся процессуальной традиции судебного рецензирования (процессуального обычая), действия конституционного и отраслевого принципа состязательности, равноправия, диспозитивности и процессуальной презумпции возложения обязанности доказывания на утверждающую сторону по общему правилу: «определение суда о назначении рецензирования судебной экспертизы не требуется». Вводить правила доказывания о назначении рецензирования в гражданский (арбитражный) процессуальный закон для открытых дел нецелесообразно.

Возможны и исключения с учетом защиты охраняемых законом тайн в гражданском правосудии. Действия суда по назначению рецензента могут быть установлены законодателем для дел, рассматриваемых в закрытом судебном заседании с целью вызова рецензента в судебное заседание и его предупреждения судом об ответственности за разглашение охраняемых законом тайн (государственной, коммерческой, тайны усыновления и т. п.), при условии, что проведенная судебная экспертиза затрагивает охраняемую законом тайну.

Задача рецензента. Задача рецензента выявить, описать возможные ошибки в области специального знания при проведении экспертного исследования и сделанных в заключении судебным экспертом выводах. Составление судебной рецензии выступает окончательным этапом скрупулезного вычитывания определения суда о назначении экспертизы и экспертного заключения, отражающего ход и результаты проведенной экспертизы, процессом применения специальных знаний при поиске ошибок назначения, проведения и выводов судебной экспертизы.

Судебная практика по вопросам рецензирования. Показателен негативный пример из судебной практики, изложенный в апелляционном определении Свердловского областного суда от 23 мая 2019 г. по делу № 33-8349/2019: «Ссылки истца на недостоверность заключения судебной почерковедческой экспертизы с приложением рецензии заключения специалиста о нарушении методики выполнения экспертизы отклонены судом первой инстанции. Оценивая данное заключение специалиста, судебная коллегия обращает внимание, что указанные

в качестве недостатков заключения экспертизы (неполнота исследования общих и частных признаков, формирование категорического отрицательного вывода на основании недостаточных совокупностей различий) не исключают установленные заключением экспертизы существенность и устойчивость различающихся признаков, подкрепленные наглядными и очевидными иллюстрациями исследований. Кроме того, ни Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», ни иными законодательными актами не предусмотрено право одного эксперта рецензировать заключение другого эксперта, обладающего аналогичной квалификацией, оспаривать суждения и выводы эксперта, основанные на установленной методике, примененной с учетом профессиональных знаний при наличии соответствующей квалификации, компетенции и опыта работы» [5, с. 325].

Как следует из данного определения суда, одним из доводов непринятия рецензии в качестве *недостоверного* доказательства является указание на отсутствие (недопустимость) его процессуальной формы в процессуальном законе. Аналогичную позицию высказал и Московский городской суд в апелляционном определении от 26 сентября 2019 г. по делу № 33-43214/2019: «Суд не принял во внимание рецензию относительно заключения судебной экспертизы, поскольку она является лишь мнением лица, не привлеченного в качестве специалиста к участию в деле, посчитав, что такая рецензия доказательственной силы не имеет» [6].

Правовая природа отказа судов признавать судебную рецензию в качестве доказательства носит двойственный характер: с одной стороны, суды указывают на отсутствие в законе процессуальной формы рецензии, с другой — на ее *недостоверность*. Ряд судов одновременно игнорируют возможность приобщения рецензии в качестве допустимого письменного доказательства (фактически исключив рецензию) и в этом же выводе оценивают рецензию как *недостоверное* доказательство.

На наш взгляд, конституционные и отраслевые принципы состязательности, равенства сторон, принцип диспозитивности предполагают построение судебного процесса таким образом, чтобы в гражданском деле не было неоспоримых доказательств. Действует в законе, но «не работает» на практике следующая презумпция: «Все доказательства имеют одинаковую юридическую силу». С учетом принципа диспозитивности субъекты доказывания по гражданскому (арбитражному) делу вправе использовать любые средства доказывания, указанные в законе, опровергающие выводы эксперта, например, рецензию на заключение эксперта в качестве письменного доказательства. Они могут представлять суду такие доказательства для приобщения к делу. Как нам представляется, понимание этих основополагающих начал процесса приводит к тому, что судьи не исключают рецензии автоматически как недопустимые доказательства, а оценивают их по критерию *достоверности*.

Не все суды критично относятся к институту судебного рецензирования: «При наличии нескольких экспертных заключений относительно характера повреждений объекта страхования суды должны дать надлежащую оценку каждому из них, а также рецензиям на данные заключения» [7].

Рассмотрим еще один пример. Апелляционным определением Московского городского суда отменено принятое в упрощенном производстве решение Люблинского районного суда города Москвы от 30 мая 2017 г., которым удовлетворены исковые требования гражданина о взыскании в счет возмещения ущерба с ответчика, ответственность которого не была застрахована, расходы по оплате составления экспертного заключения. Апелляционная инстанция указала,

что ответчик не согласился с размером ущерба, представил рецензию на представленный истцом отчет об оценке. При этом суд первой инстанции не дал оценку этой рецензии эксперта о стоимости восстановительного ремонта автомобиля истца, «в связи с чем суду необходимо было устранить имеющиеся в материалах дела противоречия в представленных сторонами экспертных заключениях относительно стоимости восстановительного ремонта автомобиля истца, что не представляется возможным при рассмотрении дела в порядке упрощенного производства» [8; 9].

В судебной практике де-факто действует институт рецензирования заключений эксперта, позволяющий субъектам доказывания эффективно показывать суду ошибки в контексте специальных познаний при проведении экспертного исследования и ошибки, допущенные в заключении судебного эксперта. Особую значимость институт судебного рецензирования обретает в аспекте теории экспертных ошибок, получившей существенное развитие в судебной экспертологии начала XXI в. [10; 11].

Результаты

Введение института судебного рецензирования значительно расширяет возможности судебного познания для субъектов доказывания и суда, в работе, связанной с проведением судебных экспертиз, оценкой и оспариванием результатов экспертного исследования заинтересованными участниками судебного процесса.

Сформулируем норму-дефиницию, которую необходимо, по нашему мнению, закрепить в Гражданском процессуальном кодексе (ГПК) РФ и Арбитражном процессуальном кодексе (АПК) РФ: *судебное рецензирование — составление рецензии сведущим лицом, содержащей критические замечания по вопросам, требующим специальных познаний по ходу проведенного ранее экспертного исследования по гражданскому (арбитражному) делу и (или) относительно его результатов, отраженных в заключении эксперта.*

Уточним понятие рецензента. В частности, *рецензентом может быть любое независимое лицо, обладающее профессиональными (не правовыми) знаниями и способное провести критический анализ экспертного заключения.*

Обсуждение

Доктрина. Следует поддержать справедливое мнение Е. Р. Россинской о том, что действенным средством в обеспечении качества экспертных заключений является их регулярное рецензирование [12].

Институт рецензирования постепенно признают судебной доктриной. Ученые рассматривают рецензирование как сложившийся процессуальный институт. В частности, Г. Ф. Ручкина на примере отдельной категории дел указывает на то, что «...имеются отдельные недостатки, связанные с отказом в проведении повторных экспертиз, неприятием судом заключений специалиста (рецензий) на экспертное заключение, неправильной постановкой вопросов эксперту при назначении экспертиз и др.» [13, с. 17].

И. А. Ефремов, ссылаясь на пример из судебной практики, пишет о том, что «...в негосударственной судебно-экспертной организации было получено заключение (рецензия) специалиста, который провел анализ (исследование) выполненных экспертиз и пришел к выводам, что методик исследования повреждения резинотехнических изделий, в том числе шин, не имеется, все три исследования носят только умозрительный характер. Как следует из правил

оценки доказательств, закрепленных процессуальным законодательством, лица, оценивающие заключение эксперта, при наличии других доказательств, свидетельствующих о недостоверности выводов такого заключения, обязаны отказаться от такого доказательства. Непринятие заключения эксперта в качестве доказательства по указанным причинам должно быть отражено в принимаемом ими решении» [14, с. 35].

Интерес представляет мнение М. В. Жижиной: «...механизм оценки экспертных заключений, на наш взгляд, является очень востребованным и в современной судебно-экспертной практике, учитывая, что уровень качества предоставляемых экспертных услуг в настоящее время крайне неоднороден. Анализ собственной экспертной практики, в том числе проведения повторных экспертиз и рецензирования, свидетельствует, что экспертные ошибки являются, к сожалению, слишком частыми при производстве экспертизы» [1].

Нельзя не согласиться с позицией К. Н. Авериной, М. Л. Подкатиловой, Г. П. Шамаева: «Для того, чтобы зародить у правоприменителя сомнения в правильности и обоснованности экспертного заключения, участники судопроизводства обращаются к лицам, обладающим специальными знаниями, для подготовки рецензии на заключение эксперта по результатам производства первичной судебной экспертизы или альтернативного заключения» [15]. С. И. Зернов считает, что институт «...рецензии на ранее выполненную судебную экспертизу следует разрабатывать под каждый вид (род) судебных экспертиз в соответствии с существующими их классификациями», что безусловно верно [16].

Итак, ряд ученых относятся к судебному рецензированию положительно, как к эффективному средству доказывания в суде. Часть 2 ст. 187 ГПК РФ гласит: «Заключение эксперта... оценивается судом наряду с другими доказательствами и не имеет для суда заранее установленной силы. Несогласие суда с заключением эксперта должно быть мотивировано в решении суда по делу либо в определении суда о назначении дополнительной или повторной экспертизы, проводимой в случаях и в порядке, которые предусмотрены статьей 87 настоящего Кодекса». Не вызывает сомнения тот факт, что выводы эксперта имеют колоссальное значение для формирования выводов суда по делу.

Выводы

Введение формы судебного рецензирования сделает ход судебной экспертизы и выводы эксперта более прозрачными, понятными суду и другим участникам гражданского (арбитражного) процесса, повлечет реальное развитие начал состязательности, диспозитивности и равенства возможностей в гражданских и арбитражных процессах на практике. Участники гражданского (арбитражного) процесса с введением судебного рецензирования официально перестанут быть сторонними наблюдателями использования специальных познаний «в своем процессе». Они получают реальные возможности разбираться в проведенном экспертном исследовании по гражданскому (арбитражному) делу, его результатах, смогут высказываться в судебном заседании с критических позиций относительно проведенной судебной экспертизы по существу.

Наличие рецензии служит правовым основанием для назначения судом дополнительной или повторной экспертизы. Суд и субъекты доказывания, ходатайствующие о назначении таких экспертиз, смогут ссылаться в качестве мотивации на содержание судебной рецензии, использовать в доказывании изложенные в рецензии доводы рецензента.

Список источников

1. *Жижина М. В.* Тактические вопросы использования рецензии на экспертное заключение в судопроизводстве // *Арбитражные споры*. 2018. № 1 (81). С. 85–91.
2. *Рихтерман В. Я., Родионов В. И.* Доказательственное значение судебной экспертизы в арбитражном процессе. Правовые аспекты оценки заключения эксперта и возможности его критического восприятия // *Закон*. 2019. № 10. С. 63–72.
3. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 3 июля 2015 г. № Ф10-1927/2015 по делу № А09-2226/2013 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=92338#BziWW3T3NFwInIuR> (дата обращения: 15.03.2022).
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26 июля 2017 г. № Ф08-4868/2017 по делу № А53-13174/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/cW71GPYpmUYr/> (дата обращения: 15.03.2022).
5. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 472 с.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 сентября 2019 г. по делу № 33-43214/2019 // Московский городской суд. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/05f537f8-3593-4e3c-b6ba-13ee60e29730> (дата обращения: 15.03.2022).
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18 июня 2020 г. по делу № А32-26001/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/GbASMgX22hrC/> (дата обращения: 15.03.2022).
8. *Бортникова Н. А.* Упрощенные производства в гражданском судопроизводстве. 2019 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18917#MqDZW3TiivRYMek31> (дата обращения: 15.03.2022).
9. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 сентября 2017 г. по делу № 33-36397/2017 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=903674#IFBaW3TS6UjED1qq1> (дата обращения: 15.03.2022).
10. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Проспект, 2014. 544 с.
11. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник / под ред. Е. Р. Россинской. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 367 с.
12. *Россинская Е. Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 576 с.
13. *Ручкина Г. Ф.* Взыскание действительной стоимости доли участника общества с ограниченной ответственностью при добровольном выходе участника из общества: некоторые проблемы арбитражной практики // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2019. № 8. С. 15–20.
14. *Ефремов И. А.* Судебная экспертиза и адвокат // *Адвокатская практика*. 2017. № 6. С. 32–37.
15. *Аверина К. Н., Подкатилина М. Л., Шамаев Г. П.* Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». 2018 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/77574160/> (дата обращения: 15.03.2022).
16. *Зернов С. И.* К вопросу о рецензировании заключения эксперта по исковым производствам в гражданском и арбитражном процессах // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2021. № 1. С. 29–35. DOI: 10.18572/1812-383X-2021-1-29-35

Информация об авторах

В. А. Новицкий — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, адвокат Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, член методической комиссии Адвокатской палаты Санкт-Петербурга; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Л. Ю. Новицкая — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения; 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.

Information about the authors

V. A. Novitsky — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department Civil Law and Process, lawyer of the St. Petersburg Chamber of Commerce, member of the Methodological Commission of the St. Petersburg Chamber of Commerce; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

L. Yu. Novitskaya — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Labor Law and Social Security Rights; 10 Peterburgskoe highway, Pushkin, St. Petersburg 196605, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 24.02.2022; approved after reviewing 15.04.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 340:004

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-207-213

Цифровые технологии в правовой сфере

Андрей Владимирович Кузьмин¹, Елена Вениаминовна Грызунова²,
Елизавета Михайловна Смирнова³✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического
приборостроения, Санкт-Петербург, Россия

³ Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, Гатчина,
Ленинградская область, Россия

¹ a.kuzmin@spbacu.ru

² egryzunova@mail.ru

³ smliz@mail.ru✉

Аннотация. В статье рассмотрена практика цифровой трансформации экономики, общества и права в Российской Федерации. Авторами охарактеризованы основные направления в правовом регулировании цифровых технологий: наращивание электронного документооборота, признание судебной практикой силы электронных доказательств и вместе с тем проникновение цифровых технологий в правовое «поле», перевод нормативных правовых актов в цифровую форму.

Ключевые слова: цифровая трансформация, информационное общество, цифровая экономика, цифровизация, блокчейн-технологии, автоматическая фиксация информации, носители, нормативная база, юридические факты

Для цитирования: Кузьмин А. В., Грызунова Е. В., Смирнова Е. М. Цифровые технологии в правовой сфере // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 207–213. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-207-213>

Original article

Digital technologies in legal sphere

Andrey V. Kuzmin¹, Elena V. Gryzunova², Elizaveta M. Smirnova³✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

² St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia

³ State Institute of Economics, Finance, Law and Technology, Gatchina,
Leningrad Region, Russia

¹ a.kuzmin@spbacu.ru

² egryzunova@mail.ru

³ smliz@mail.ru✉

Abstract. The article examines the practice of digital transformation of the economy, society and law in the Russian Federation, highlights the main directions in the legal regulation of digital technologies — the increase in electronic document flow; recognition by judicial practice of the power of electronic evidence; and at the same time, the penetration of digital technologies into the legal “field”, the translation of regulatory legal acts into digital form.

Keywords: digital transformation, information society, digital economy, digitalization, blockchain technologies, automatic fixation of information, media, regulatory framework, legal facts

For citation: Kuzmin A. V., Gryzunova E. V., Smirnova E. M. Digital technologies in the legal sphere. *Sociology and Law*. 2022;14(2):207-213. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-207-213>

Введение

В настоящее время «цифровая трансформация» представляет собой обширную информационную форму. Поэтому, полагаем, существует необходимость ее рассмотрения в контексте узкой классификации, направленной на конкретизацию понятий, и в широком формате, направленном на уточнение понятийного содержания.

На наш взгляд, цифровизация как компактное определение — это оцифровывание массива информации, направленное на снижение издержек в аспекте минимизации бумажных носителей, оптимизации поиска через информационно-телекоммуникационную среду в целом. С точки зрения более широкого толкования цифровизация выступает в качестве мировой динамики развития общества и экономики, где основой служит синтезирование в единую цифровую форму различных информационных ресурсов, направленных на оптимизацию условий и уровня жизни в сочетании с экономической эффективностью. Информационная оптимизация цифровизации охватывает все стороны общественной жизни, затрагивает экономическое пространство в целом, выступает в качестве инструментария использования результатов всеми субъектами Российской Федерации (РФ) и мирового пространства, нацеленного на улучшение и стабилизацию социальных, межгосударственных, экономических, политических взаимоотношений.

Очевидным становится тот факт, что цифровизация — это преобразование существующей компьютеризации, направленное на формирование целостности технологической системы обитания. В целях реализации Стратегии развития информационного общества в России на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [1, с. 5–8]. Данная Программа направлена на создание условий для развития общества знаний в России, повышение благосостояния и качества жизни граждан РФ путем улучшения условий доступности и качества товаров и услуг, произведенных в цифровой экономике с использованием современных цифровых технологий; степени информированности и цифровой грамотности, доступности и качества государственных услуг для граждан, а также безопасности как внутри страны, так и за ее пределами [2]. Указанная Программа содержит пять главных направлений. Наибольший интерес для нас представляет нормативно-правовое регулирование.

Материалы и методы

При подготовке статьи использован широкий перечень методов научного познания, включая такие основополагающие общенаучные методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, приемы формальной логики.

Результаты

В России существует дорожная карта, составленная в рамках цифровизации экономики и содержащая раздел «Нормативное регулирование», которая принята в 2018 г. К первоочередным мерам, предусмотренным данной картой, относится совершенствование экономики в рамках правового регулирования, основанного на правовых ограничениях в аспекте цифровизации экономики [3, с. 15–19]. В процессе реализации указанной Концепции поставлены приоритетные задачи: организационно-правовые мероприятия, направленные на систематизацию собранных данных, их обработку и хранение с учетом применения новых информационных технологий при использовании способов защиты от неправомерных и несанкционированных доступов; ускорение развития базовых механизмов цифровой экономики; внедрение инструментария стимулирования цифровизации интеллектуальной деятельности, антимонопольного законодательства, инновационных технологий на финансовом рынке; совершенствование правового регулирования в целях внедрения и использования инновационных технологий на финансовом рынке, защита прав потребителей в условиях цифровой экономики. Сформированные правовые условия нацелены на использование децентрализованного ведения реестров и удостоверения прав, в том числе проведение правового эксперимента в данной сфере. Таким образом, необходимость цифровизации имеет свои prerogatives для обобщения статистической трансформации информации, исключения дублирования в контексте дистанционного ее получения, восполнения потребностей общества и государственности и дальнейшего стимулирования развития информатизации.

Развитие современных информационно-коммуникативных технологий одним из наиболее очевидных трендов социально-правового взаимодействия субъектов права предусматривает повышение объема электронного документооборота, усиление идентифицирующей сущности электронных доказательств, а также практически полный перевод информационного контента о нормативных правовых актах в цифровую форму. Все это указывает на общую тенденцию цифровизации права встраивания новых защищенных электронных технологий в систему установленных государством правил поведения, правореализационную деятельность, направленных (технологий) на повышение эффективности правового регулирования.

Цифровизация предполагает формирование некоей информационной системы, обеспечивающей ускоренную обработку информации. В контексте права — информации правовой. Такая информационная система направлена на оптимизацию комплекса факторов, связанных с правовой реальностью. Речь идет и о концептуальной модели конкретного национального или международного права, и о юридических конструкциях, и о базе юридических фактов, в том числе фактов доказательственного характера.

Обсуждение

При рассмотрении концептуальности «цифры» для национального права следует обратиться к анализу сущностной модели права, точнее, к возможности использования цифровых технологий в моделировании статической и динамической модели права как социального регулятора. Прежде всего обратим внимание на то, что цифровизация уже оказала влияние на формирование системности правовых предписаний и закрепления информации об их формализованном

содержании. Например, было бы интересно посмотреть на юриста, который постоянно и исключительно пользовался бы для решения стоящих перед ним профессиональных задач текстами актов, опубликованных на страницах официальных печатных изданий, листов, например, в процессе консультирования клиента информационный бюллетень «Собрание законодательства Российской Федерации» или «Российскую газету», постоянно сопоставляя их разные выпуски, минимизируя риск пропустить изменения, внесенные в действующее законодательство. В современной действительности каждый рационально мыслящий юрист использует традиционно наиболее распространенные справочно-правовые системы («КонсультантПлюс» или «Гарант»), а также ресурсы относительно новой системы «Законодательство России» на платформе государственной системы правовой информации <http://pravo.gov.ru>, в которых оперативно размещаются регулярно принимаемые правовые акты. Причем не только оперативно, но и, что не менее важно, системно! В результате открыта возможность поиска актуальной редакции, а также исходящих и входящих связей того или иного документа.

Выводы

Безусловно, сегодня задачу инкорпорации нормативного материала решают иначе, чем 20–30 лет назад, когда юристы, используя закон, представленный в виде книги или брошюры, вклеивали в такое издание вырезки из газет, где публиковали изменения и дополнения в данный закон. В настоящее время задача инкорпорации решается для стороннего наблюдателя сама собой. Вернее, ее за юристов-потребителей результатов систематизации решают систематизаторы, инкорпорируя в электронную матрицу акта-реципиента сведения, полученные вследствие интеллектуального анализа акта-донора. Конечный потребитель, открывая, например, электронную версию Гражданского кодекса РФ, видит акт, действующий в реальном времени, а также может использовать акт, который был актуальным на определенный момент времени или который станет актуальным регулятором общественных отношений в будущем. Это — реальность цифровизации, которая для нас сегодня привычна и которая эффективно используется.

Конечно, и в исследуемой сфере существуют проблемы, которые решаемы с использованием возможностей цифровизации. Почему бы, например, не изменить концепт официального опубликования, сделав акцент не на тексте акта, принятого соответствующим органом, а на итоговом инкорпорированном документе, который получается в итоге? В действительности электронные версии правовых актов содержат сегодня гиперссылки, отсылающие к актам, которыми внесены соответствующие изменения. Представляется логичным именно инкорпорируемым актам придать официальный статус, что привело бы к формированию целостного представления у студентов о системе российского законодательства. Впрочем, данная тема требует отдельного рассмотрения [4, с. 117–120].

При характеристике цифровизации и общеобязательности права, полагаем, следует различать информационно-содержательный и контрольно-учетный сегменты общеобязательности. Первый сегмент предполагает закрепление в «цифре» правил общеобязательности, второй — перевод документооборота в электронную форму.

Таким образом, мы приходим к выводам о том, что электронный документооборот есть не что иное, как систематизированное толкование приемов передачи и архивирования документации и проведения комплекса контрольных меропри-

ятий при выполнении защитных мероприятий от несанкционированного доступа. В свою очередь, юридический документооборот, возведенный в цифровую трансформацию, представляет собой систематизированную группу, включающую в себя комплекс мероприятий, направленных на создание, фиксирование, верификацию сохранности юридических фактов в различных категориях общественных отношений, ранжированных в зависимости от юридических ситуаций, классифицированных в укрупненные составы.

Другими словами, речь идет о формировании банка информации о юридических фактах, возможности использования их в качестве основания для возникновения, изменения или прекращения правоотношения. Нормативная база электронного документооборота формируется в России активно, динамично и последовательно. Например, в 2016 г. в Гражданский процессуальный кодекс РФ включено положение о возможности подачи искового заявления в электронной форме; постоянно развивается сеть многофункциональных центров, оказывающих все более объемный спектр государственных услуг. Очевиден тот факт, что представлена практически обличенная правовой формой нормативная база для развития блокчейн-технологий: вступили в силу поправки в Гражданский кодекс РФ о цифровых правах и закон о краудфандинге.

В настоящее время высший орган законодательной власти в рамках подготовки и обсуждения внесенных законодательных актов рассматривает ряд законопроектов относительно перехода на электронные цифровые платформы финансовых активов, проведения различных экономических сделок на этих платформах, поскольку основа проведения торгов на электронных цифровых площадках существует. Это нашло закрепление в нормативных правовых актах при проведении торгов по реализации имущества должников Федеральной службой судебных приставов России при наличии исполнительного производства физических и юридических лиц. Данное положение не только закреплено в правовом облики, но и существенно снизило риски банков по возврату денежных средств, предоставленных физическим и юридическим лицам в рамках залогов. Тем самым максимальная информатизация большинства документооборота физических лиц, особенно в правовой сфере, в значительной мере упрощает процесс доступа к ним, максимально направлена на снижение бюрократизации, упрощение в различных общественных отношениях и, в свою очередь, нацелена на модернизацию деятельности государственных органов, минимизацию ошибок. При организации мероприятий в аспекте оцифровывания информации необходимо проведение дополнительных мероприятий, направленных на максимальную сохранность информационных ресурсов от всех видов вмешательств как внутри государства, так и от иных сторонних проникновений. Это влечет развитие информационных технологий, необходимость принятия нормативного обеспечения и введения дополнительных мер ответственности.

Нерешенных проблем остается немало. Ряд вопросов вызывает соотношение юридической значимости бумажного документа и виртуальной записи о его содержании. Так, не вполне понятна фактическая смысловая нагрузка электронной записи об актах гражданского состояния, например, о заключении/расторжении брака или наличии детей, если при совершении юридически значимых действий требуется предъявление подлинника свидетельства о заключении/расторжении брака. Говорить о полном переходе на информационные носители и полный отказ от бумажного, неоцифрованного документооборота невозможно, поскольку нельзя не учитывать определенные возрастные группы граждан РФ и граждан, которые не обеспечены финансовой возможностью приобретения телекоммуникационных средств с вероятностью доступа в информационное пространство.

Возникает вопрос о том, если государство имеет своей целью максимальную информационную трансформацию, то оно должно взять на себя возможность в отношении социально незащищенных групп населения предоставления услуги по получению информационного документооборота бесплатно. Это не представляется возможным, поскольку может привести к различным злоупотреблениям и коррупционной составляющей.

Все чаще появляется необходимость фиксации информации, размещенной в сети Интернет. Возникает вопрос о том, как заверить информацию с сайта для суда. Можно сделать скриншот страницы сайта и распечатать, но далеко не всегда и не все судьи готовы признать такое доказательство допустимым.

Актуальной становится и проблема относимости подобного рода информации к предмету спора. Так, вышестоящие суды отмечают, что в случае, если информация, полученная из сети Интернет, представлена в дело в ходе судебного разбирательства, во внимание принимается дата фиксации такого контента либо дата его размещения на интернет-сайте (если указана), которые соотносятся с периодом доказывания. Невозможность определения даты или периода размещения информации при ее фиксации после обращения в суд приводит к тому, что соответствующее доказательство не признается относимым к периоду доказывания.

Программный комплекс для автоматической фиксации информации в сети Интернет «Вебджастис» функционирует с 2014 г. Впервые прошел государственную регистрацию в Роспатенте в 2014 г. — № 2014660609. Текущая версия сервиса зарегистрирована в Роспатенте 29 октября 2018 г. — № 2018666835. С 2020 г. сервис «Вебджастис» развивается и работает при поддержке Фонда «Сколково». Надлежащим образом облечь информацию в сети Интернет в форму письменного доказательства представляется возможным, если заверить страницу сайта у нотариуса. Сервис «Вебджастис» создан для того, чтобы сделать процедуру фиксации и нотариального обеспечения доказательств быстрой, легкой и понятной.

Подводя итоги обзора состояния цифровизации права, сделаем следующие выводы. Во-первых, проблема цифровизации права актуальна, отвечает вызовам времени и технологически решаема. Во-вторых, проблемы, существующие в данной сфере, несомненно, требуют решения посредством как законодательного, так и административного регулирования. В-третьих, сегодня не решена проблема вероятного энергетического коллапса и техногенного блокирования цифровых ресурсов одного государства посредством вмешательства внешних факторов. В этой связи вопрос обеспечения безопасности данных, их сохранности и восстанавливаемости еще предстоит решить и в правовом, и в технологическом аспектах.

Список источников

1. *Вайпан В. А.* Основы правового регулирования цифровой экономики // *Право и экономика.* 2017. № 11. С. 5–18.
2. *Быков А. Ю.* Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. М.: Проспект, 2018. 48 с.
3. *Шарандина Н. Л.* Цифровая экономика как приоритетная национальная цель развития Российской Федерации: правовой аспект // *Финансовое право.* 2018. № 9. С. 15–19.
4. *Кузьмин А. В.* К вопросу о цифровизации права // *Управление социально-экономическим развитием: инновационный и стратегический подходы: сборник науч. тр. по материалам Национальной науч.-практ. конф.* Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. С. 117–120.

Информация об авторах

А. В. Кузьмин — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Е. В. Грызунова — кандидат юридических наук, доцент кафедры правоождения и таможенного дела (ГУАП); 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67а; доцент кафедры гражданского права и процесса (СПБУТУиЭ); 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Е. М. Смирнова — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин; 188300, Ленинградская область, Гатчина, ул. Рощинская, д. 5.

Information about the authors

A. V. Kuzmin — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure; 44a Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

E. V. Gryzunova — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Law and Customs (SUAI); 67 Bolshaya Morskaya str., St. Petersburg 190000, Russia; Associate Professor of the Department of Civil Law and Process (UMTE); 44a Lermontovsky Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

E. M. Smirnova — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines; 5 Roshchinskaya str., Gatchina, Leningrad Region, 188300, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 14.04.2022; approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 342.9

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-214-222

Административная ответственность за нарушение правил пожарной безопасности в России

Дмитрий Андреевич Макаров^{1✉}, Николай Петрович Маюров²,
Анна Кудратовна Сабирова³

^{1, 2, 3} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия

¹ dim36817245@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3484-4637>

² mayurov2010@mail.ru

³ ledi.999@inbox.ru

Аннотация. В статье изучена проблематика административной ответственности за нарушения правил пожарной безопасности в Российской Федерации (РФ). Рассмотрены вопросы соотношения административной и уголовной ответственности в сфере обеспечения пожарной безопасности. Приведена статистика случаев, связанных с пожарами в России. Проанализированы чаще всего происходящие правонарушения в области пожарной безопасности. Указана ссылка на положения нарушаемых чаще всего нормативных актов в области обеспечения пожарной безопасности. Оценена специфика длящихся административных правонарушений в области пожарной безопасности.

Ключевые слова: административная ответственность, административное правонарушение, закон, пожар, пожарная безопасность, судебная практика, штраф

Для цитирования: Макаров Д. А., Маюров Н. П., Сабирова А. К. Административная ответственность за нарушение правил пожарной безопасности в России // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 214–222. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-214-222>

Original article

Administrative responsibility for violation of fire safety rules in Russia

Dmitriy A. Makarov^{1✉}, Nikolay P. Mayurov², Anna K. Sabirova³

^{1, 2, 3} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

¹ dim36817245@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3484-4637>

² mayurov2010@mail.ru

³ ledi.999@inbox.ru

Abstract. The article examines the problems of administrative responsibility for violations of fire safety rules in the Russian Federation. The issues of the correlation of administrative and criminal responsibility in the field of fire safety are considered. The statistics of incidents related to fires in Russia are being studied. The analysis of the most common offenses in the field of fire safety is carried out. Reference is made to the provisions of the most frequently violated regulations in the field of fire safety. The specifics of ongoing administrative offenses in the field of fire safety are assessed.

Keywords: administrative responsibility, administrative offense, law, fire, fire safety, judicial practice, fine

© Макаров Д. А., Маюров Н. П., Сабирова А. К., 2022

For citation: Makarov D. A., Mayurov N. P., Sabirova A. K. Administrative responsibility for violation of fire safety rules in Russia. *Sociology and Law. 2022;14(2):214-222.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-214-222>

Введение

Правонарушения в области пожарной безопасности своеобразны, что порождает значительные проблемы, связанные с нормативным закреплением мер юридической ответственности за их совершение. Казалось бы, речь идет об административной ответственности, в рамках которой наказуемые деяния не отличаются значительной степенью общественной опасности. Но в данном случае говорится о нарушении правил, связанных с обращением с огнем, что изначально обладает характеристикой повышенной общественной опасности. Если ущерб причинен, то речь будет идти о применении мер уголовной ответственности. Кроме того, использование огня с целью совершения преступления относится к категории обстоятельств, отягчающих деяние как его совершение общественно опасным способом.

Необходимость разрешения указного противоречия и предопределяет актуальность настоящего исследования. Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с привлечением физических и юридических лиц к мерам административной ответственности за совершение административных правонарушений в области пожарной безопасности. Предметом служат нормы законодательства, определяющие правила обеспечения пожарной безопасности и назначения за их нарушение мер административных наказаний.

Материалы и методы

В исследовании применены различные научные методы, используемые как в юриспруденции, так и в других науках. Среди них — методы юридической формализации, статистические, сбора фактов и др. Используются и общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции и др. В качестве нормативной основы исследования выступают законодательные акты и иные источники права, которые включают нормы, регулирующие правоотношения, связанные с привлечением к административной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности. В целом авторы обращаются к материалам современного российского законодательства в области обеспечения пожарной безопасности и обобщения практики его применения. Среди основных проблем современного нормативного регулирования юридической ответственности можно выделить следующие: 1) возможность с учетом несовершенства законодателя в ряде случаев одновременного привлечения к мерам административной и уголовной ответственности за одно и то же деяние, что может объективно привести к произволу в работе правоприменительных органов; 2) соотношение нормативного регулирования административной и уголовной ответственности; 3) игнорирование законодателем статистических данных относительно совершения различных видов нарушений правил пожарной безопасности и др.

Результаты

В соответствии со ст. 219 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] установлена уголовная ответственность за нарушение требований пожарной безопасности. Объективная сторона деяния характеризуется нарушением нормативно

установленных требований пожарной безопасности лицом, на которое возложена обязанность по их соблюдению. В результате субъект является специальным, но им может быть не обязательно должностное лицо. В результате должен был наступить тяжелый вред здоровью, что образует простой состав преступления. Квалифицированный состав включает в себя ряд последствий, возникших по неосторожности: смерть человека, двух и более лиц (ст. 219, 1). Максимальным наказанием является лишение свободы сроком до семи лет. Дополнительным наказанием выступает лишение права заниматься определенным видом деятельности и занимать определенные должности. К наказаниям относятся штраф, обязательные работы и принудительные работы.

В результате при квалификации деяния по ст. 20.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) данные тяжкие последствия не должны были произойти. Объектом такого правонарушения служат общественные правоотношения, возникающие в области обеспечения пожарной безопасности. Непосредственно к составам относятся следующие нарушения: 1) нарушения нормативно установленных требований в области обеспечения пожарной безопасности; 2) указанное нарушение в условиях особого противопожарного режима; 3) нарушение требований к противопожарному водоснабжению, электроустановкам, электротехнической продукции и т. п.; 4) нарушение требований пожарной безопасности к эвакуационным путям, эвакуационным и аварийным выходам либо системам автоматического пожаротушения системам противодымной защиты; 5) нарушение требований пожарной безопасности, повлекшее возникновение пожара и уничтожение или повреждение чужого имущества либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью; 6) нарушение требований пожарной безопасности, повлекшее возникновение пожара и причинение тяжкого вреда здоровью или смерть; 7) неисполнение производителем (поставщиком) обязанности по включению в техническую документацию на вещества, материалы, изделия и оборудование информации о показателях пожарной опасности о мерах при обращении с ними; 8) нарушение требований пожарной безопасности об обеспечении проходов, проездов и подъездов к зданиям, сооружениям и строениям. Отдельно установлена ответственность за повторность совершения деяния.

Привлечение лица к мерам уголовной ответственности исключает производство по делу об административном правонарушении в отношении него. Но при этом продолжается производство об административном правонарушении в отношении организации. Важно отметить, что деяние могло быть совершено не одним лицом, а несколькими лицами. В результате совершения их действий и возникли данные последствия. Но, учитывая тяжесть вины содеянного каждым из них и последствий совершенного деяния, ряд из них могут быть привлечены к мерам уголовной или административной ответственности в рамках одного инцидента нарушения требований пожарной безопасности.

В ст. 8.32 КоАП РФ закреплена ответственность за нарушение правил безопасности в лесах. В качестве составов применительно к данному деянию выступают: 1) выжигание лесных горючих материалов на участках, непосредственно примыкающих к лесам, защитным и лесным насаждениям и не отделенных противопожарной полосой шириной более полуметра; 2) указанные деяния, совершенные в лесопарковом зеленом поясе; 3) в лесных массивах во время особого противопожарного режима, а также ЧС по причине лесных пожаров; 4) нарушение правил пожарной безопасности, повлекшее возникновение лесного пожара без причинения тяжкого вреда здоровью человека. Нормативно закреплена юридическая фикция о том, что индивидуальные предприниматели при нарушении указанных

предписаний и возникновения ущерба несут административную ответственность как юридические лица. В ст. 11.16 КоАП РФ установлена административная ответственность за нарушения требований пожарной безопасности на различных видах транспорта.

Объективная сторона состоит в неисполнении (ненадлежащем) исполнении требований пожарной безопасности. Составы являются, как правило, формальными, за исключением составов проступков, в которых предполагается административная ответственность за гибель чужого имущества, а также причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью человека либо смерть [2].

Административная ответственность должностных лиц за нарушение правил пожарной безопасности обычно применяется наряду с дисциплинарной. Она налагается по решению руководителя организации, которая, как правило, привлекается к мерам административной и часто гражданской ответственности при причинении вреда иным лицам. Должностное лицо, работающее в организации, может привлекаться к дисциплинарной ответственности только в том случае, если оно было предварительно ознакомлено с правилами пожарной безопасности. Руководитель вправе сделать замечание, объявить выговор или уволить сотрудника при грубом или неоднократном нарушении.

Содержание противоправных деяний в КоАП РФ не описано, поскольку ст. 20.4, 8.32 и 11.16 являются бланкетными и включают в себя отсылку к действующим правилам обеспечения пожарной безопасности. Законодательство об обеспечении пожарной безопасности не считают кодифицированным, оно состоит из значительного числа подзаконных актов. Действует Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» [3].

В соответствии со ст. 20 указанного закона нормативное регулирование в данной области заключается в принятии законов и иных нормативных актов, регулирующих вопросы обеспечения пожарной безопасности. Данные нормы являются социально-техническими, и в их основе находится понимание законов физики, химии, биологии и др. Действует Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» [4]. К нормативным актам в области по пожарной безопасности относятся технические регламенты, которые установлены в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании», а также иные нормативные акты, закрепляющие требования пожарной безопасности, порядок организации производства и (или) содержания территорий, зданий, сооружений, помещений организаций, иных объектов с целью обеспечения пожарной безопасности. Существуют многочисленные нормативные акты, закрепляющие правила пожарной безопасности в различных видах деятельности. Правила противопожарного режима в РФ, утвержденные постановлением Правительства РФ от 16 сентября 2020 г. № 1479, устанавливают требования, определяющие порядок поведения, организации производства, содержания территорий и других объектов защиты [5].

В течение 9 месяцев 2021 г. в России произошел 314 461 пожар. В предыдущем году за аналогичный период — 351 813 пожаров, что означает снижение их количества на 10 %. Погибли 5 900 человек, в том числе 275 детей. В предыдущем году эти показатели составили 5 541 и 229 человек соответственно. Материальный ущерб превысил 9,2 млрд руб. За предыдущий период — 16,4 млрд руб. Спасены 162 951 человек, эвакуированы — 135 736. Травмы получили 6 301 человек. В результате ежедневно происходило более 1 100 пожаров, в которых погибли 22 человека [6].

Чаще всего меры административной ответственности применяются при совершении следующих противоправных деяний организациями и предпринима-

телями: при полном отсутствии или недостаточности первичных средств пожаротушения; отсутствии предусмотренных нормативными актами специальных планов — эвакуационных, противодымовой защиты, путей эвакуации; в организации не было необходимой, согласно нормативам, документации по пожарной безопасности; при отсутствии подготовленных документов для проведения инструктажей персонала и невыполнении соответствующей работы.

При выборе применимой санкции в первую очередь происходит оценка причиненного ущерба. Причинение тяжкого вреда здоровью или смерти приводит к увеличению ответственности. Но большинство составов являются формальными, и для привлечения к административной ответственности не требуется фиксация наступившего ущерба. Необходимо установление факта возможности его возникновения ввиду противоправного поведения человека или организации.

Привлечение к мерам административной ответственности за нарушение правил пожарной безопасности может быть произведено, если срок давности по ним не истек, то есть год со дня совершения или обнаружения административного правонарушения, если оно является длящимся (ст. 4.5, 2). При этом существует особенность, заключающаяся в том, что если органом государственного пожарного надзора лицо привлечено к мерам административной ответственности за длящееся правонарушение и последнее вновь обнаружено в ходе следующей проверки, то такое лицо будет привлечено к ответственности за данное правонарушение. В данном случае назначаемое наказание не должно считаться повторным за одно и то же правонарушение, поскольку вновь обнаруженное правонарушение будет считаться новым, о чем говорит судебная практика [7; 8; 9; 10; 11].

Обсуждения

К наиболее распространенным длящимся административным правонарушениям в области пожарной безопасности относятся следующие: отсутствие автоматических установок пожаротушения и сигнализации; метрические параметры эвакуационных выходов, а также предусмотренных путей эвакуации меньше установленного норматива [12]; правонарушения, связанные с неправильным использованием электроприборов (п. 42 разд. I, 5); правонарушение, при котором руководитель юридического лица не прошел необходимое обучение правилам пожарной безопасности, а также неправомерный допуск иных лиц к работе на пожароопасных объектах (п. 3, разд. I, 5); система оповещения, а также управления эвакуацией при возникновении пожара отсутствует, не функционирует или не соответствует нормативным требованиям пожарной безопасности [13]; в нерабочем состоянии находятся источники водоснабжения, необходимые для тушения пожара (п. 55 разд. I, 5); отсутствует информация о контактных телефонах для связи с пожарной охраной при наличии соответствующего пожарного поста (п. 6 разд. I, 5).

В порядке убывания на основании изучения материалов судебной практики административные правонарушения, связанные с несоблюдением правил пожарной безопасности, можно распределить следующим образом: отсутствуют или не соответствуют нормативам средства пожаротушения [4]; руководителем юридического лица не определен сотрудник, который отвечает за пожарную безопасность (п. 4 разд. I, 5); в организации отсутствуют установленные локальным нормативным актом инструкции о пожарной безопасности (п. 2 разд. I, 5); административные правонарушения, связанные с эксплуатацией путей и выходов, необходимых для эвакуации в случае пожара: закрытость дверей и невозможность их использования, перекрывающая выходы мебель и т. п. (п. 36 разд. I, 5); отсутствуют планы эвакуации при наступлении пожара в организации (п. 7 разд. I, 5).

Речь идет и о том, что при создании сооружения не соблюдены нормативы в рамках реализации проектных решений, в частности освещенность, размеры помещений, объем помещений, расположение путей движения людей и т. п. (п. 33 разд. I, 5). Обратим внимание и на административные правонарушения в аспекте несоблюдения требований пожарной безопасности по отношению к проектированию, созданию и эксплуатации чердаков, подвалов, цокольных этажей, вентиляционных камер, технических помещений, лифтовых туннелей и холлов и др., а также на неправомерное видоизменение изначальных проектных планировочных решений, что становится причиной невозможности использования средств пожаротушений, а равно становится препятствием в работе автоматических систем защиты от пожаров (ст. 53, 10).

В организации, где используются источники повышенной опасности, на дверях помещений производственного и складского назначения и наружных установках нет маркировки с категорией пожарной, а также взрывной опасности, отсутствует обозначение зональности помещений и территорий по классам пожарной опасности (п. 20 разд. I, 5). В организации отсутствует работа по проверке состояния огнезащитной обработки (пропитки) с составлением протокола (п. 21 разд. I, 5). Выявлено и использование пожароопасных материалов при отделке помещений, связанных с эвакуацией.

Обнаружено и отсутствие в организации огнетушителей, а равно их ненадлежащее состояние; нет планов проведения эвакуации при чрезвычайных ситуациях, изготовленных при соблюдении ГОСТ Р 12.2.143-2009. Отсутствуют положенные противопожарные преграды и ограждающие конструкции, учитывая классы пожарной опасности и огнестойкости. Кроме того, к исследуемой категории правонарушений отнесены случаи, при которых в организации двери эвакуационных выходов не обеспечивают возможность их свободного открытия (п. 35 разд. I, 5). Выявлены нарушения, связанные с эксплуатацией пожарных рукавов. Не осуществляются либо проводятся, но с нарушением графика, работы по обслуживанию и ремонту систем противопожарной защиты (п. 63 разд. I, 5). В организации не размещены специальные знаки о разрешенных для курения местах (п. 14 разд. I, 5). Частыми являются нарушения норм Технического регламента о требованиях пожарной безопасности от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ [14].

Обратим внимание на административные правонарушения, связанные с очисткой территории того или иного объекта от горючих объектов, мусора и др. (п. 77 разд. III, 5); нарушения по установке и эксплуатации, а также испытаний наружных пожарных лестниц (п. 24 разд. I, 5). Нередко отсутствуют инструкции о действиях сотрудников организации, связанных с эвакуацией в случае пожара, а также не проводятся порой необходимые тренировки (п. 12 разд. I, 5). Неисправны или отсутствуют знаки пожарной безопасности, а также эвакуационного освещения (п. 43 разд. I, 5).

Отсутствует круглосуточное дежурство сотрудников на объектах, где организуется пребывание людей в ночное время (п. 8, 5). Не огорожены, сделанными из негорючих материалов, задвижки, перекрывающие отверстия и зазоры в местах пересечения противопожарных преград (п. 22 разд. I, 5). Размещенные в организации знаки пожарной безопасности не соответствуют нормативным требованиям или отсутствуют. Нет в наличии звуковой сигнализации для оповещения о телефонной связи, а также запасов воды в целях пожаротушения. На объекте с организацией ночного пребывания нет инструкций о порядке действий сотрудников в случае пожара, телефонной связи или инвентаря для пожаротушения. Не передается ежедневная информация о количестве людей на объектах. Нару-

шены противопожарные правила, связанные с массовым нахождением людей. Обнаружены неработающие устройства с автоматическим открыванием дверей при пожаре. На пожарном посту нет инструкций об амплитуде действий сотрудников (п. 64 разд. I, 5). Существуют препятствия при движении по дорогам, проездам, лестницам, проходам к пожарной и спасательной технике. Наблюдается порой захламленность противопожарных расстояний между зданиями (п. 74 разд. II, 5). В помещении с одним выходом одновременно может находиться более 50 человек (п. 25 разд. I, 5).

Выводы

Таким образом, к наиболее распространенным относятся правонарушения, связанные с отсутствием средств пожаротушения, а к наименее распространенным — административные правонарушения, связанные с захламленностью территории. Но следует помнить о том, что речь идет не об общем фактическом нарушении противопожарных правил, а о фактах привлечения к мерам административной ответственности. Убрать перед проверкой территорию организации проще и дешевле, чем оборудовать помещения необходимыми системами пожаротушения, соответствующими всем нормативам. Именно данные нарушения и являются основными при возникновении ущерба имуществу, здоровью и жизни людей. Нельзя забывать и о проступках, связанных с нарушением нормативов о предоставлении необходимой информации для предотвращения и ликвидации последствий пожаров.

Применительно к составам административных правонарушений, предусмотренных КоАП РФ, на основании анализа статистической информации нарушений противопожарных правил выявлена неэффективность применения ряда положений. Нет прямого указания в КоАП РФ на административную ответственность за чаще всего совершаемые правонарушения, связанные с отсутствием необходимых средств пожаротушения. В ч. 2.1 ст. 20.4 говорится о факте их отсутствия на объектах, отнесенных к категориям чрезвычайно высокого, высокого и значительного риска. В остальных случаях, по сути, ответственность наступит только после возникновения по тем или иным причинам вреда жизни, здоровью или имуществу. Существующие нормы нуждаются в редактировании. Указание на степени риска само по себе является избыточным, факт нарушения обязанности иметь соответствующее оборудование безотносительно к категории риска объекта должен служить основанием для привлечения к мерам административной ответственности. Подобные изменения должны сыграть важнейшую предупредительную роль в профилактике совершения административных правонарушений в сфере обеспечения пожарной безопасности.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. О пожарной безопасности: федер. закон от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3649.
4. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности: федер. закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 1). Ст. 3579.
5. Правила противопожарного режима: утв. постановлением Правительства РФ от 16 сентября 2020 г. № 1479 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 39. Ст. 6056.

6. Анализ обстановки с пожарами и их последствиями на территории РФ за 9 месяцев 2021 г. Департамент надзорной деятельности и профилактической работы МЧС России // МЧС России. URL: www.mchs.gov.ru (дата обращения: 02.03.2022).
7. Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 27 октября 2009 г. № 6417/09 // Гарант.ру: справ.-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/1793331/> (дата обращения: 02.03.2022).
8. Постановление Федерального Арбитражного суда Северо-Западного округа от 8 октября 2012 г. № Ф07-4622/12 по делу № А56-2043/2012 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41037435/> (дата обращения: 02.03.2022).
9. Постановление Федерального Арбитражного суда Московского округа от 30 апреля 2013 г. № Ф05-3663/13 по делу № А40-132527/12-149-1256 // Арбитражный суд Московского округа. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/b233ab33-6691-4c12-9f60-ddb09af1356c/d30f141c-df67-47ae-8f3b-16dabad73824/A40-132527-2012_20130430_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 02.03.2022).
10. Постановление Восьмого Арбитражного апелляционного суда от 6 августа 2014 г. № 08АП-5541/14 по делу № А46-4164/2014 // Восьмой Арбитражный апелляционный суд. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6954824a-91b9-4873-9512-2ea78ebfa8c1> (дата обращения: 02.03.2022).
11. Постановление Семнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 22 июля 2014 г. № 17АП-7755/14 по делу № А50-2873/2014 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/2sx9O7jW9edT/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=17%D0%90%D0%9F-7755%2F14+%&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court_judge=&_=1652362641277 (дата обращения: 02.03.2022).
12. Свод правил СП 1.13130.2009 «Системы противопожарной защиты. Эвакуационные пути и выходы»: утв. приказом МЧС России от 25 марта 2009 г. № 171. М.: Стандарт-информ, 2020. 341 с.
13. Об утверждении норм пожарной безопасности «Проектирование систем оповещения людей о пожаре в зданиях и сооружениях» (НПБ 104-03): приказ МЧС России от 20 июня 2003 г. № 323 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: www.mchs.gov.ru (дата обращения: 02.03.2022).
14. Технический регламент о требованиях пожарной безопасности: федер. закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 1). Ст. 3579.

Информация об авторах

Д. А. Макаров — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Н. П. Маюров — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

А. К. Сабирова — аспирант кафедры административного права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а.

Information about the authors

D. A. Makarov — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

N. P. Mayurov — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

A. K. Sabirova — postgraduate student of the Department of Administrative Law and Process; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 11.03.2022; одобрена после рецензирования 11.04.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 11.03.2022; approved after reviewing 11.04.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 330:69

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-223-228

К вопросу о реализации права на жилище в современных условиях

Эмма Алексеевна Шаряпова

Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет,
Санкт-Петербург, Россия

sharyapova.emma@yandex.com, <https://orcid.org/0000-0002-3239-4644>

Аннотация. Право на жилище — одно из естественных прав человека, что закреплено в Конституции РФ. Жилище всегда будет востребовано, поэтому немало внимания Правительством уделяется такому направлению предпринимательской деятельности, как строительство. По словам М. В. Мишустина, в России приняты решение кардинально изменить требования в сфере строительства — почти все из них сделают добровольными, но безопасность объектов будет обеспечена. Строительная сфера — одна из ключевых в экономике каждого государства. История развития строительной индустрии претерпевала разные и многочисленные повороты, начиная с изменения и совершенствования строительных материалов и заканчивая совершенствованием строительных правил и норм. Подлежит изменению и строительство в Российской Федерации (РФ). Сложности возникли, например, в связи с санкциями, наложенными на РФ в 2014 г. Строительные компании боролись с возникшими трудностями в части логистики, поставки строительных материалов, что позволило по-иному взглянуть на необходимость взаимозаменяемости между субъектами РФ и странами Таможенного союза. Но, если это бремя влекло за собой определенные затруднения, в целом, они не коснулись строительного процесса, который включает в себя: приобретение земельного участка, инженерные изыскания, архитектурно-строительное проектирование, экспертизы результатов, получение разрешения на строительство, сам процесс строительства, ввод в эксплуатацию. На сегодняшние реалии ложится обязанность не только развивать строительную индустрию, не только сохранить рабочие места, но и сделать процесс строительства и его результаты максимально полезными для народа в условиях продолжающейся угрозы COVID-19. Автор статьи попытался обнаружить некоторые проблемы строительной индустрии в России в современных условиях. В статье указывается на наличие тенденции комплексного и устойчивого развития территории в Российской Федерации.

Ключевые слова: пандемия, строительство, строительная индустрия, безопасность, законодательство

Для цитирования: Шаряпова Э. А. К вопросу о реализации права на жилище в современных условиях // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 223–228. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-223-228>

Original article

On the question of the realization of the right to housing in modern conditions

Emma A. Sharyapova

St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering,
St. Petersburg, Russia

sharyapova.emma@yandex.com, <https://orcid.org/0000-0002-3239-4644>

© Шаряпова Э. А., 2022

Abstract. The right to housing is one of the natural human rights, which is enshrined in the Constitution of the Russian Federation. Housing will always be in demand, so a lot of attention is paid by the Government to such business activities as construction. According to M. V. Mishustin, Russia has decided to radically change the requirements in the field of construction — almost all of them will be made voluntary, but the safety of facilities will be ensured. The construction industry is one of the key sectors in the economy of each state. The history of the development of the construction industry has undergone various and numerous turns, starting with the change and improvement of building materials and ending with the improvement of building rules and regulations. Subject to change and construction in the Russian Federation. Difficulties arose, for example, in connection with the sanctions imposed on the Russian Federation in 2014. Construction companies struggled with the difficulties that arose in terms of logistics, the supply of building materials, which made it possible to take a different look at the need for interchangeability between the constituent entities of the Russian Federation and the countries of the Customs Union. But, if this burden entailed certain difficulties, in general, they did not touch the construction process, which includes: the acquisition of a land plot, engineering surveys, architectural and structural design, examination of the results, obtaining a building permit, the construction process itself, commissioning into operation. Today's realities have the responsibility not only to develop the construction industry, not only to save jobs, but also to make the construction process and its results as useful as possible for the people in the face of the ongoing threat of COVID-19. The author of the article tried to discover some of the problems of the construction industry in Russia in modern conditions. The article points to the presence of a trend of integrated and sustainable development of the territory in the Russian Federation.

Keywords: pandemic, construction, construction industry, security, legislation

For citation: Sharyapova E. A. On the question of the realization of the right to housing in modern conditions. *Sociology and Law*. 2022;14(2):223-228. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-223-228>

Введение

События последних лет в РФ, как и во всем мире, заставляют переосмыслить механизмы регулирования ведения хозяйственной деятельности человека. COVID-19 и различные его модификации нанесли ущерб не только экономической, но и всем другим сферам общественной жизни. Ограничения коснулись всех уровней жизни и преимущественно были наложены органами власти государства. Это противоречит Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1959 г. (далее — Конвенция) [1]. Однако Конвенция разграничивает случаи наложения ограничений и предусматривает их возможность в режиме чрезвычайной ситуации. Так, в соответствии с п. 1 ст. 15 Конвенции любая из договаривающихся сторон вправе принимать меры по отступлению от положений международно-правового акта в той степени защиты прав и свобод человека, при которой общественная опасность не увеличится, а уменьшится.

Пандемия выявила большую значимость сбалансированного учета социальных, экономических, экологических и других факторов при градостроительной деятельности, что представляет собой один из принципов законодательства, регулирующего градостроительные правоотношения. Комплексное и устойчивое развитие территории РФ, курс на которое указывается Президентом РФ в Стратегиях национальной безопасности и экономической безопасности РФ до 2030 г., является как нельзя обоснованным и актуальным [2; 3].

Материалы и методы

Ситуация, сложившаяся в результате пандемии, говорит не только о появившейся новой угрозе человечеству, но и о возможных будущих непредсказуемых явлении-

ях, которые, безусловно, становятся следствием как научно-технического прогресса, так и неграмотной, запоздалой экологической политики государств Земного шара. Борьба за выживание человечества, за благоприятные условия для жизни и здоровья человека — главная задача органов власти любого государства. Важно своевременное реагирование законодательной власти: в части принятия правовых актов или внесения изменений в уже действующие. Это позволит в чрезвычайных ситуациях регулировать общественные отношения в особом правовом режиме.

Например, в РФ принят Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ, который вносит изменения в № 44-ФЗ, на основании которых допускается проведение аукциона при единственном заказчике (застройщике, исполнителе) [4]. Исполнительная власть как самостоятельная ветвь власти призвана создавать механизмы для защиты жизни и здоровья человека. Известно, что все субъекты РФ приняли ряд мероприятий по обеспечению населения России в первую очередь противоковидной вакциной, а также меры по быстрой и доступной вакцинации. В ряде субъектов пересмотрены планы по темпам строительства медицинских учреждений для лечения больных ковидом, по строительству амбулаторий, станций для оказания медицинской помощи в неотложной или экстремальной форме. Судебная власть в новых сложившихся условиях не только принимает максимально справедливое решение, соответствующее букве закона, но и учитывает все не закрепленные в законодательстве, но выраженные в теории юриспруденции принципы гуманизма. Подход к разрешению спора должен быть индивидуальным, соответствующим современным реалиям. Основываясь на вышеизложенном, можно констатировать работу таких методов, как анализ, синтез, сравнение, аналогия, гипотеза, дедукция и индукция.

Результаты

Строительная индустрия во все времена считалась одним из самых значимых направлений развития хозяйственной деятельности. Дом, жилище, здание, в котором человек занимается производственной деятельностью, не только являются необходимой потребностью для жизнедеятельности, но и обеспечивают человека важной составляющей для благополучия — безопасностью.

Несмотря на ограничения, коснувшиеся и строительной сферы, в РФ темпы строительства во время пандемии не снизились. По данным Росстата, в РФ общая площадь жилых помещений, возведенных за период с начала 2021 г., составляет 23 821,8 кв. м. Лишь за апрель — 5 998,4 кв. м. Если взять в сравнение к соответствующему периоду прошлого 2020 г., то это 127,8 % (данные по состоянию на апрель 2021 г.).

В таблице на сайте Росстата (табл. 1) представлены факторы, ограничивающие производительную деятельность строительных организаций, однако ее данные позволяют сделать следующие выводы:

- 1) помимо трудностей в условиях пандемии, являющихся следствием сокращения штата рабочих, приостановки деятельности, вынужденного трудового распорядка, необходимости соблюдать дистанцию, строители столкнулись с повышением цен на строительные материалы, что вызвано ограничениями в логистике;
- 2) в связи с временным вынужденным закрытием границ выявилась нехватка рабочих рук — как разнорабочих (а они, преимущественно, из стран ближнего зарубежья), так и квалифицированных специалистов;
- 3) обнажилась проблема изношенности машин и механизмов, которая, как и недостаток материалов, объясняется ограничением взаимодействия между странами, да и внутри страны.

Таблица 1

Развитие строительной сферы РФ в 2020 и 2021 гг.

Критерии	II квартал 2020 г., %	II квартал 2021 г., %
Высокая стоимость материалов, конструкций, изделий	28	40
Высокий уровень налогов	36	31
Конкуренция со стороны других строительных фирм	22	25
Недостаток заказов на работы	29	22
Недостаток финансирования	21	19
Недостаток квалифицированных работников	15	19
Неплатежеспособность заказчиков	23	18
Погодные условия	12	14
Высокий процент коммерческого кредита	14	12
Нехватка и изношенность машин и механизмов	2	6
Недостаток материалов	1	4

Обсуждения

Строительная сфера выступила в условиях пандемии бенефициаром развития предпринимательства в России. Это связано не только с необходимостью продолжать ввод в эксплуатацию жилого фонда, но и с вызванной ситуацией значимостью строительства медицинских учреждений.

Высшая ценность, провозглашенная Конституцией РФ, — человек, его права и свободы — диктует обратить внимание на здравоохранение, призванное защитить жизнь и здоровье нации. Не менее важным для развития экономики является сохранить ее рыночный характер, а именно честную, добросовестную конкуренцию.

Власти РФ предприняли многочисленные шаги по поддержке малого и среднего бизнеса, в том числе и строительных компаний. В первую очередь речь идет о щадящих условиях кредитования бизнеса. Из таблицы 1 выводим, что по сравнению со II кварталом 2020 г. во II квартале 2021 г. недостаток финансирования строительных организаций снизился на 3 %, неплатежеспособность заказчиков — на 5 %, уровень налогов снизился на 5 %, а процент коммерческого кредита — на 2 %. Эти показатели указывают на помощь строительным компаниям со стороны государства. Однако нельзя забывать и о задаче государства защищать соблюдение законности во все времена и при любых обстоятельствах. Так, не останавливается деятельность по надзорно-контрольной функции Федеральной антимонопольной службы. Показательным, на наш взгляд, является судебная практика по делу № А61-1426/2020 [5]. В г. Владикавказе Управление Федеральной антимонопольной службы России по РСО-Алания (далее — Антимонопольная служба) предъявило иск о признании недействительной и отмене закупки работ по строительству фельдшерско-акушерского пункта. Ответчиком привлечены государственное казенное учреждение «Управление капитального строительства РСО-Алания» и ООО «Малрус». Основанием искового заявления истец считает нарушение Закона о контрактной системе, запрещающего заключение контракта с единственным подрядчиком, в нашем случае ООО «Малрус». Истец обосновывал свои иски требованиями тем, что необходимость закупки работ по строительству фельдшерско-акушерского пункта в с. Кусово возникла не вследствие обстоятельств непреодолимой силы, к которым можно отнести угрозу распространения

новой коронавирусной инфекции. В судебном разбирательстве принимали участие и третьи лица: Министерство финансов, Министерство здравоохранения, Правительство, Министерство строительства и архитектуры Республики Северная Осетия-Алания. Арбитражный суд Республики Северная Осетия-Алания в своем решении учел следующие положения: 1) Министерство здравоохранения Республики Северная Осетия-Алания считает, что «одной из актуальных проблем здравоохранения района остается повышение доступности и качества первичной медико-санитарной помощи, скорой медицинской помощи в сельской местности». Тем самым строительство фельдшерско-акушерского пункта поможет решению этой проблемы; 2) постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 18 марта 2020 г. № 7, которым введен режим повышенной готовности на территории РФ; 3) Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», который закрепляет право заказчика осуществить закупку у единственного поставщика, если это необходимо для оказания медицинской помощи в неотложной форме. Данное положение Закона особенно актуально для людей, живущих в отдаленных, малочисленных населенных пунктах республики, к коим можно отнести и с. Кусово Моздокского района. Интересным представляется положение в мотивировочной части решения суда, которое аргументирует то, что оспариваемая сделка является ничтожной как посягающая на публичные интересы неопределенного круга лиц. Сама сделка, по мнению суда, хотя и не соответствует законодательству, но и не свидетельствует о нарушении публичных интересов, а обращение Управления ФАС в суд не влечет за собой реальное восстановление нарушенных публичных интересов. В результате решением Арбитражного суда РСО-Алания от 18 августа 2020 г. в иске было отказано.

Выводы

Вспышка пандемии вскрыла многие проблемы, которые не были обозначены в обычной жизни. Это, в основном, касается законодательства РФ. Обозначим лишь некоторые из коллизий. По нашему мнению, необходимо пересмотреть понятийно-категориальный аппарат, который закреплен законодательно и остается во многих ситуациях неясным. Например, предлагаем расширить понятие «обстоятельства непреодолимой силы».

Теоретики Т. Р. Сулейманов, В. В. Юрчик, М. А. Морозевич высказали мнение, что «положения общей части Гражданского кодекса РФ не отвечают на вопросы, связанные с продлением сроков работ». Некоторые подрядчики из-за пандемии нуждаются в изменении условий договора, в связи с чем нужен эффективный механизм решения на законодательном уровне. Пока что, считают теоретики, эти задачи частично решаются через судебные решения. Считаем, что расширение понятия «обстоятельства непреодолимой силы» даст возможность для рассмотрения вопроса об изменении законодательства по отношению к обязательствам пунктов гражданско-правового договора. При обстоятельствах непреодолимой силы появилась необходимость изменения договора даже в одностороннем порядке. На это указывает как ситуация при пандемии, так и ситуация при современной Специальной военной операции на Украине. Заслуживает внимания и понятие «коммерческий риск», который, на наш взгляд, не должен включать риски, подобные возникшим из-за пандемии.

Глобализация, несмотря на современную ситуацию, имеет тенденцию продолжаться. Это не только заставляет предпринимать поиски новых универсальных

подходов, но и привлекает внимание самих строительных организаций к изысканиям новых механизмов реализации своих задач в нестандартных ситуациях.

Список источников

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013 г.) (вместе с протоколом № 1 (подписан в г. Париже 20 марта 1952 г.), протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в конвенцию и первый протокол к ней (подписан в г. Страсбурге 16 сентября 1963 г.), протоколом № 7 (подписан в г. Страсбурге 22 ноября 1984 г.)) // Собрание законодательства РФ. 2001. 8 января. № 2. Ст. 163; Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.
2. О Стратегии национальной безопасности РФ: указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. 5 июля. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
3. О Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собрание законодательства РФ. 2017. 15 мая. № 20. Ст. 2902.
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 16 апреля 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 мая 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2013. 8 апреля. № 14. Ст. 1652.
5. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12 августа 2021 г. по делу № А61-1426/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/cITJSLeHJ3VX/> (дата обращения: 11.04.2022).

Информация об авторе

Э. А. Шаряпова — кандидат философских наук, доцент кафедры правового регулирования градостроительной деятельности и транспорта; 190005, Санкт-Петербург, 2-я Красноармейская ул., д. 4.

Information about the author

E. A. Sharyapova — PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Urban Development and Transport; 4, 2nd Krasnoarmeyskaya str., St. Petersburg 190005, Russia.

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 347.122

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-229-235

Восстановление корпоративного контроля: основания и условия применения

Ольга Анатольевна Мадыгина^{1✉}, Антон Васильевич Есаков²

^{1, 2} Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия,
olga-madygina@yandex.ru✉

Аннотация. В статье рассмотрен такой способ защиты нарушенного права участника хозяйственного общества, как восстановление корпоративного контроля. Определены основания и условия его применения. Авторы обращают внимание на возможность конкуренции данного способа защиты с иными средствами гражданско-правовой защиты, а также на факт изменения уставного капитала как обязательный для применения иска о восстановлении корпоративного контроля. Охарактеризованы последствия его восстановления.

Ключевые слова: корпоративный контроль, способ защиты, утрата лицом определенной доли, изменения уставного капитала, восстановление корпоративного контроля, последствия восстановления корпоративного контроля

Для цитирования: Мадыгина О. А., Есаков А. В. Восстановление корпоративного контроля: основания и условия применения // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 229–235. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-229-235>

Original article

Restoration of corporate control: Grounds and conditions of use

Olga A. Madygina^{1✉}, Anton V. Yesakov²

^{1, 2} Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia,
olga-madygina@yandex.ru✉

Annotation. This article discusses such a way of protecting the violated rights of a participant in a business company as the restoration of corporate control. The grounds and conditions for the use of such a method of protection are determined. The possibility of competition of this method of protection with other means of civil protection is indicated. The fact of a change in the authorized capital is considered as mandatory for the application of a claim for the restoration of corporate control. The consequences of restoring corporate control are analyzed.

Keywords: corporate control, method of protection, loss of a certain share by a person, changes in the authorized capital, restoration of corporate control, consequences of restoration of corporate control

For citation: Madygina O. A., Esakov A. V. Restoration of corporate control: Grounds and conditions of application. *Sociology and Law. 2022;14(2):229-235.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-229-235>

Введение

Широкий перечень способов защиты гражданских прав, закрепленный в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), указывает на возможность применения некоторых из них в защите корпоративных прав в целом и защите права участия в хозяйственном обществе при его неправомерном прекращении в частности. Представляется, что несколько из закрепленных в ст. 12 ГК РФ способов, например, компенсация морального вреда, не могут быть использованы при защите нарушенных корпоративных прав. Другие способы защиты, перечисленные в данной норме статьи, сформулированы настолько абстрактно, что это позволяет использовать их и формулировать требования, на первый взгляд, значительно отличающиеся от такого способа защиты.

Речь в данном случае идет о способе защиты, закрепленном в абз. 2 ст. 12 ГК РФ, то есть о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права. Общность этого способа защиты позволила Президиуму Высшего Арбитражного суда (ВАС) РФ сформулировать способ защиты корпоративных прав, применимый при неправомерном прекращении права участия в хозяйственном обществе, — восстановление корпоративного контроля.

Теория

Исследуемый способ защиты корпоративных прав появился в связи с постановлением Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21, в котором высшая судебная инстанция указала на то, что в области корпоративных отношений реализация такого способа защиты гражданских прав, как восстановление положения, существовавшего до нарушения права, выражена в присуждении лицу, утратившему долю в уставном капитале хозяйственного общества в результате неправомерных действий третьих лиц, соответствующей доли участия в уставном капитале хозяйственного общества, исходя из того, что лицо имеет право на такое участие в хозяйственном обществе, которое оно имело бы при соблюдении требований действующего законодательства.

В текстах постановления Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 и постановления Президиума ВАС РФ от 10 июня 2008 г. № 5539/08 по делу № А40-11837/06-138-91 определены основания и условия применения такого способа защиты, как восстановление корпоративного контроля [1]. Во-первых, права обращающегося за защитой должны быть нарушены, как в любом споре. В конкретном случае нарушение права выражено в утрате лицом определенной доли участия в уставном капитале хозяйственного общества. Другими словами, благо, подвергшееся нарушению (право участия), определяет специфику указанного способа защиты, поскольку, в отличие от иных объектов правонарушения, право участия в хозяйственном обществе представляет собой не нематериальный объект, а особую правовую возможность иметь и реализовывать иные права.

Во-вторых, восстановление права участия становится возможным в объеме, который существовал бы у пострадавшего лица, если бы третьи лица действовали в соответствии с законодательством. С учетом того, что доля в уставном капитале представляет собой единицу измерения права участия в хозяйственном обществе, последствием восстановления корпоративного контроля является присуждение пострадавшему лицу доли в процентном выражении, независимо от того, изменялась ли номинальная стоимость доли или акций.

В-третьих, лицо должно утратить долю в уставном капитале в результате неправомерных действий третьих лиц. Поскольку неправомерность действий не всегда связана с совершением недействительной сделки, на что обращено внимание выше, следует заключить, что под неправомерностью третьих лиц в данном случае можно понимать нарушение третьими лицами императивных предписаний законодательства. При этом такие действия должны быть совершены без их санкционирования уполномоченным субъектом, помимо его воли, так как очевидным становится, что прекращение права участия в корпорации по собственной воле уполномоченного субъекта нельзя квалифицировать в качестве его «утраты». По нашему мнению, под утратой следует понимать именно незаконные действия, совершаемые против воли уполномоченного лица.

В постановлении Президиума ВАС РФ от 21 января 2014 г. № 9913/13 по делу № А33-18938/2011 указано на необходимость доказывания недобросовестности приобретателя доли [2]. Р. С. Бевзенко видит недостаток концепции восстановления корпоративного контроля в том, что восстановление в правах крайне затруднительно в ситуации, если утраченные истцом доли (акции) приобретены добросовестными приобретателями [3]. Между тем позволим себе не согласиться с уважаемым автором, поскольку вопрос защиты добросовестного приобретателя и лица, чье имущество находится у добросовестного приобретателя, нельзя не признать острым. Ситуация, сходная с ситуацией механизма восстановления корпоративного контроля, давно получила свое разрешение в рамках вещных правоотношений, согласно принципу *hand wahre hand*, основой которого является защита интересов оборота [4].

Условие защиты добросовестного приобретателя — это факт утраты владения вещью (долей в уставном капитале) по воле уполномоченного лица. Однако в данном случае лицо утрачивает корпоративный контроль помимо воли, что исключает возможность защиты добросовестного приобретателя.

Факт защиты уполномоченного субъекта при этом не может не вызывать восхищения. Но остается открытым вопрос о возможности защиты добросовестного приобретателя. Полагаем, что добросовестный приобретатель вправе обратиться к лицу, от которого приобретатель получил долю в уставном капитале, с иском о возмещении убытков по правилам ст. 15 и 461 ГК РФ.

Выявленные условия применения восстановления корпоративного контроля как способа защиты указывают на возможность конкуренции способов защиты с иными средствами гражданско-правовой защиты. Например, отчуждение акций или доли в уставном капитале третьим лицам без согласия пострадавшего также приводит к утрате корпоративного контроля. Однако, как представляется в данном случае, иск о восстановлении корпоративного контроля будет неуместным, и стоит ограничиться иными средствами защиты (например, виндикационным или реституционным иском).

Очевидным становится, что восстановление корпоративного контроля, реституция и виндикация имеют в качестве результата в рамках корпоративных отношений возврат лицу, утратившему право участия в хозяйственном обществе в результате неправомерных действий третьих лиц, определенной доли участия в корпорации. Причем восстанавливаемая доля будет идентична той доле, которую лицо утратило.

Вещное право, представляя собой право принадлежности индивидуально определенной вещи конкретному субъекту, исходит из того, что с помощью вещно-правовых способов защиты можно истребовать из чужого незаконного владения именно вещь, принадлежащую субъекту права собственности. В случае же уничтожения или изменения объекта собственности настолько, что изменение

индивидуальных признаков вещи приводит по сути к созданию новой вещи, удовлетворение виндикационного иска невозможно, поскольку субъект не обладает правом собственности на новую вещь, и в таком случае необходимо воспользоваться деликтным иском.

В ситуации предъявления реституционного требования ситуация аналогична. Согласно п. 2 ст. 167 ГК РФ, при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а при невозможности возвратить полученное в натуре — возместить его стоимость, если иные последствия недействительности сделки не предусмотрены законом. Таким образом, в связи с изменением или уничтожением объекта, явившегося предметом сделки, у противной стороны возникает обязанность возместить стоимость данного объекта, а не его восстановление.

Из указанных выше сущностных положений виндикационного и реституционного исков следует и отличительная черта иска о восстановлении корпоративного контроля. Условием предъявления такого иска является изменение в процессе совершения правонарушения или в результате его объекта доли участия в корпорации. Следовательно, конкуренция исков отсутствует: в случае сохранения доли участия в уставном капитале общества в неизменном виде применяются механизм истребования акций (доли в уставном капитале) или реституционный иск, в случае же изменения доли участия в уставном капитале применим иск о восстановлении корпоративного контроля.

Результаты

Введение в действующее законодательство способа защиты, предусмотренного п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, безусловно, можно считать следствием нормативного восприятия выработанного судебной практикой такого способа защиты, как восстановление корпоративного контроля. Этот вывод не может вызывать сомнений и находит поддержку в юридической литературе.

Согласно п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, участник коммерческой корпорации, утративший помимо своей воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц права участия в ней, вправе требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам, с выплатой им справедливой компенсации, определяемой судом, а также возмещения убытков за счет лиц, виновных в утрате доли. Суд может отказать в возвращении доли участия, если это приведет к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные, другие публично значимые последствия. В этом случае лицу, утратившему помимо своей воли права участия в корпорации, лицами, виновными в утрате доли участия, выплачивается справедливая компенсация, определяемая судом.

Обязательным для применения иска о восстановлении корпоративного контроля является факт изменения уставного капитала [5]. Нельзя отрицать связи между уставным капиталом хозяйственного общества и объемом права участия в данном хозяйственном обществе. Неправомерное изменение объема уставного капитала не может являться юридическим фактом, с которым изменяется пропорционально изменениям в капитале и право участия. Из этого следует возможность существования двух ситуаций. К ним относятся:

- 1) восстановление соотношения объема права участия и объема уставного капитала возможно;
- 2) восстановление соотношения объема права участия и объема уставного капитала невозможно.

Возможность или невозможность восстановления пропорции между объемом права участия и уставным капиталом зависит от того, приведет ли такое восстановление к несправедливому лишению иных лиц их прав участия или повлечет крайне негативные социальные и иные публично значимые последствия, как это указано в п. 3 ст. 65.2 ГК РФ. Если восстановление соотношения между правом участия и уставным капиталом невозможно, право участия утрачивается, и у утратившего право участия субъекта возникает охранительное право взыскания компенсации от лиц, виновных в утрате доли участия.

Таким образом, об иске о восстановлении корпоративного контроля речь может идти лишь в том случае, если объем права участия не соответствует объему уставного капитала хозяйственного общества. Именно на приведение в соответствие данных единиц, помимо цели восстановления права, и направлен иск о восстановлении корпоративного контроля.

Принципиально спорным представляется условие ограничения восстановления корпоративного контроля. Согласно п. 3 ст. 65.2 ГК РФ, в качестве этого условия выступает несправедливое лишение иных лиц их прав участия или наступление неблагоприятных социальных, других публично значимых последствий. Восстановление нарушенного права не может выступать основанием наступления негативных социальных и иных публично значимых последствий. Напротив, восстановление права — это следствие социальной справедливости, акт торжества права, в связи с чем указания на наступление негативных социальных и других публично значимых последствий как основания для отказа в иске следует исключить из текста ГК РФ в качестве принципиально не соответствующих природе складывающихся правоотношений.

Последствие восстановления корпоративного контроля — отмена правовых эффектов, которые вызваны неправомерным лишением лица права участия в хозяйственном обществе. При этом вопрос добросовестности последующих приобретателей доли в уставном капитале хозяйственного общества не обсуждается, что следует признать отрицательным свойством иска о восстановлении корпоративного контроля [6]. Ввиду этого обратим внимание на то, что, указывая на несправедливое лишение других лиц их права участия как на основание для отказа в восстановлении корпоративного контроля, ГК РФ тем не менее не раскрывает суть данного пункта. Полагаем, вопрос о несправедливом лишении других лиц их права участия может быть поставлен только и исключительно в отношении добросовестных участников гражданского оборота, которые стали участниками хозяйственного общества, не располагая знаниями о совершенных правонарушениях. Толкование п. 3 ст. 65.2 ГК РФ в ином смысле лишает норму разумного содержания.

Обсуждение

Как верно отметил Ю. Н. Андреев, «нарушение прав акционера состоит не в изъятии у него ценной бумаги-документа, а в лишении возможности пользоваться имущественными правами-полномочиями, вытекающими из содержания правовой природы акции, из записей в реестре акционеров, и другими условиями получения дивидендов, ликвидационной квоты, участия в управлении делами общества» [7]. Следовательно, восстановить корпоративный контроль возможно и иными способами, но длительность и затруднительность процесса восстановления прав свидетельствует в пользу иска о восстановлении корпоративного контроля. По обоснованному мнению С. В. Сарбаша, «применение такого способа, как восстановление корпоративного контроля,

способствует наиболее быстрому достижению цели, в отличие от других способов защиты» [8].

Е. А. Суханов подчеркивает, что восстановление корпоративного контроля «фактически является комплексным способом защиты гражданских прав, который в зависимости от конкретной ситуации может включать в себя признание права собственности и виндикацию имущества, признание сделки недействительной и реституцию, защиту нарушенного преимущественного права покупки, признание недействительными корпоративных актов (решений общих собраний и (или) других органов корпорации) и (или) записей в Едином государственном реестре юридических лиц, признание недействительными реорганизации юридического лица и его учредительных документов» [9].

Выводы

Предъявление самостоятельного иска о восстановлении корпоративного контроля значительно упрощает механизм защиты корпоративных прав, поскольку в таком случае процесс защиты не загромождается многочисленными требованиями (оспариванием сделок, истребованием из чужого незаконного владения, признанием решений общего собрания недействительными, признанием выпуска акций недействительным и др.), способными привести к тому правовому эффекту, который производит иск о восстановлении корпоративного контроля сам по себе.

Подводя итог, резюмируем, что восстановление корпоративного контроля представляет собой самостоятельный способ защиты права участия в хозяйственном обществе, который применяется в том случае, если лицо утратило право участия в хозяйственном обществе в результате действий неправомерного характера третьих лиц, с одновременным изменением объема права участия в хозяйственном обществе в результате правонарушения.

Список источников

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 3 июня 2008 г. № 1176/08 по делу № А14-14857/2004-571/21 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=70898#b38bQ3TQLhuO9L0q> (дата обращения: 15.03.2022).
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 21.01.2014 № 9913/13 по делу № А33-18938/2011 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=386453#kYJbQ3TElb3wGnyr> (дата обращения: 15.03.2022).
3. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2019. 552 с.
4. Черепашин Б. Б. Юридическая природа и обоснование приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя // Антология уральской цивилистики, 1925–1989: сборник ст. М.: Статут, 2001. С. 242–289.
5. Зотова Е. К. Пределы использования иска о восстановлении корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2019. № 3. С. 154–170.
6. Валеева А. А. К вопросу о корпоративном контроле и его восстановлении // Юрист. 2015. № 14. С. 39–46.
7. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М.: Норма, Инфра-М, 2010. 462 с.
8. Сарбаи С. В. Восстановление корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2008. Т. 8. № 4. С. 70–79.
9. Суханов Е. А. Комментарий к ст. 65.1–65.3 ГК РФ // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14. № 3. С. 107–132.

Информация об авторах

О. А. Мадыгина — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса; 308023, Белгород, ул. Садовая, д. 116а;

А. В. Есаков — аспирант кафедры гражданского права и процесса; 308023, Белгород, ул. Садовая, д. 116а.

Information about the authors

O. A. Madygina — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure; 116a Sadovaya str., Belgorod 308023, Russia;

A. V. Esakov — postgraduate student of the Department of Civil Law and Process; 116a Sadovaya str., Belgorod 308023, Russia.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; одобрена после рецензирования 23.03.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 01.13.2022; approved after reviewing 23.03.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Научная статья

УДК 342.76

DOI: 10.35854/2219-6242-2022-2-236-245

Актуальные проблемы ограничения реализации конституционных прав граждан в условиях введения специальных административно-правовых режимов в России

Алена Андреевна Портнова¹, Надежда Владимировна Орлова²✉

^{1, 2} Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Россия

¹ lienalau@yandex.ru

² n.orlova.19@mail.ru✉

Аннотация. Авторами рассмотрены актуальные вопросы, связанные с последствиями возможного введения на территории Российской Федерации (РФ) специальных административно-правовых режимов. Согласно авторской позиции, важно при этом найти компромисс между правами граждан и мерами, которые власть принимает для обеспечения порядка. На примере ситуации, сложившейся в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, выделены наиболее проблемные аспекты: приостановка планового оказания медицинской помощи, ограничение свободы передвижения, недостаточная защита персональных данных и ряд других. Внимательно изучив законодательство в этой области, авторы приходят к выводу о необходимости конкретизации мер, ограничивающих конституционные права и свободы в чрезвычайных условиях.

Ключевые слова: конституционные права, ограничения, чрезвычайное положение, защита населения, обеспечение порядка, вынужденные социальные меры, административная ответственность

Для цитирования: Портнова А. А., Орлова Н. В. Актуальные проблемы ограничения реализации конституционных прав граждан в условиях введения специальных административно-правовых режимов в России // Социология и право. 2022. Т. 14. № 2. С. 236–245. <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-236-245>

Original article

Actual problems of restriction of implementation constitutional rights of citizens in the context of the introduction of special administrative and legal regimes in Russia

Alena A. Portnova¹, Nadezhda V. Orlova²✉

^{1, 2} St. Petersburg University of Management Technologies and Economics, St. Petersburg, Russia

¹ lienalau@yandex.ru

² n.orlova.19@mail.ru✉

Abstract. This article addresses topical issues related to the consequences of possible introduction of special administrative and legal regimes in the territory of the Russian Federation.

© Портнова А. А., Орлова Н. В., 2022

In these conditions, it is important to find a compromise between the rights of citizens and the measures that the authorities take to ensure order. Using as example the situation that has developed within the context of new pandemic coronavirus infection COVID-19, the most problematic aspects are highlighted, such as: suspension of planned medical care, restriction of freedom of movement, insufficient protection of personal data, and other. Having carefully studied the legislation in this area, the authors come to the conclusion that it is necessary to specify measures restricting constitutional rights and freedoms in emergency conditions.

Keywords: constitutional rights, restrictions, state of emergency, protection of the population, ensuring order, forced social measures, administrative responsibility

For citation: Portnova A. A., Orlova N. V. Actual problems of restriction of implementation constitutional rights of citizens in the context of the introduction of special administrative and legal regimes in Russia. *Sociology and Law. 2022;14(2):236-245.* (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2022-2-236-245>

Введение

Внешние и внутренние угрозы все чаще сталкивают нас с важностью обеспечения конституционной безопасности граждан, сохранения территориальной целостности и независимости государства в чрезвычайных ситуациях и вооруженных конфликтах. Именно административно-правовые режимы, введение которых предусмотрено актами ситуационного или чрезвычайного законодательства, выступают в качестве механизма для обеспечения безопасности и устойчивости системы государственного управления в экстраординарных ситуациях.

Ранее вопросы специальных административно-правовых режимов находились в теоретической и прикладной разработке. Однако последние события в мире, применение в связи с этим чрезвычайного законодательства дают нам возможность увидеть на практике все пробелы в праве и позволяют вносить изменения в стратегию обеспечения безопасности человека, общества и государства в период действия специальных административно-правовых режимов.

Теория

В чрезвычайном законодательстве предусмотрено четыре вида административно-правовых режимов, применяемых в экстраординарных ситуациях. К ним относятся режим чрезвычайного положения, режим военного положения, а также режим контртеррористической операции и режим чрезвычайной ситуации [1–4]. Их введение влечет за собой ограничение конституционных прав и свобод граждан и организаций. В соответствии со ст. 55 Конституции Российской Федерации (РФ) [5] конституционные права, свободы граждан могут быть ограничены только с учетом федерального закона и только для обеспечения государственной и общественной безопасности.

Согласно Конституции РФ, не может быть ограничено право на жизнь, право на охрану достоинства личности, право на жилище. Не подлежит ограничению право на защиту доброго имени и чести, на свободу совести и вероисповедания. Право на неприкосновенность частной жизни, семейную и личную тайну и право на тайну личной информации также не могут быть ограничены. Право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, не может быть ограничено, как и право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской, иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также право на судебную защиту и право на получение квалифицированной юридической помощи.

В соответствии со ст. 11 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» при действии чрезвычайного положения может быть установлено временное ограничение на свободу передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение. Возможным представляется и введение ограничений на осуществление отдельных видов финансово-экономической деятельности, запрещение или ограничение проведения собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования и иных массовых мероприятий. Предусмотрено и право вводить комендантский час, ограничивать свободу печати, других средств массовой информации (СМИ) путем введения предварительной цензуры с указанием условий и порядка ее осуществления.

В соответствии со ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» на территории, на которой введено военное положение, предусмотрено ограничение передвижения, выбора места пребывания либо места жительства. Вводят ограничения на проведение собраний, митингов, иных массовых мероприятий. Как и при чрезвычайной ситуации, предусмотрено введение комендантского часа и контроля за работой СМИ. В период действия военного положения существенным является привлечение граждан к выполнению работ для нужд обороны страны, ликвидации последствий военных действий и восстановления поврежденных объектов. Допустима и возможность изъятия имущества у организаций и граждан для нужд обороны с последующей выплатой ее стоимости.

По нашему мнению, ограничения некоторых прав и свобод в условиях введения особых административно-правовых режимов необходимы для обеспечения защиты других, более важных прав и свобод. Поэтому целесообразно совершенствовать действующее правовое регулирование с целью конкретизации того, какие именно меры, связанные с ограничением конституционных прав и свобод человека и гражданина, могут быть приняты при введении ограничительных мероприятий. Неопределенность в данном случае может приводить к произволу со стороны руководящих сил.

В соответствии с п. 3 ст. 55 Конституции РФ ограничение права на свободное передвижение возможно либо на основании федерального закона, либо при возникновении чрезвычайного положения на основании федерального конституционного закона с учетом п. 1 ст. 56. Несмотря на это, 25 марта 2020 г. Указом Президента РФ № 206 [6] объявлены ранее не используемые «нерабочие дни» с сохранением заработной платы работников. Указом Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [7] нерабочие дни продлены с 4 по 30 апреля 2020 г. У значительной части правозащитного сообщества возникли сомнения относительно законности ограничений конституционных прав и свобод граждан в период борьбы с пандемией.

Согласно новому пункту «у» ст. 11 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», введенному Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ [8], органы государственной власти субъектов РФ уполномочены вводить обязательные для граждан правила поведения в условиях «режима повышенной готовности». Позднее Президент РФ Владимир Путин подписал Указ № 316 от 11 мая 2020 г. «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [9], дающий право высшим должностным лицам субъектов РФ

вводить или отменять ограничительные меры в зависимости от эпидемиологической ситуации на подведомственных им территориях [10, с. 148].

Во многих регионах нашей страны для передвижения введено обязательное использование цифровых пропусков [11; 12; 13], что вызвало многочисленные вопросы о правомерности данной инициативы, в частности вопросы соблюдения требований законодательства о конфиденциальности и защите персональных данных. Вводимая мера породила ситуацию, связанную с подделкой пропусков в целях их использования или сбыта.

В ряде субъектов была введена обязательная вакцинация против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) для отдельных категорий граждан [14]. В связи с этим мы столкнулись с проблемой обнародования в открытых источниках персональных данных заболевших новой инфекцией и находящихся на карантине, а также граждан, прошедших тестирование на коронавирус, и нарушителей режима самоизоляции. Так, 9 декабря 2020 г. власти Москвы подтвердили утечку персональных данных жителей города, переболевших COVID-19, из-за передачи файлов с информацией третьим лицам [15].

Право на здоровье как неотъемлемая часть права на жизнь не может быть ограничено в связи с введением чрезвычайного законодательства. В соответствии с приказом Минздрава России от 19 марта 2020 г. № 198н [16] по причине роста темпа распространения COVID-19 медицинские организации получили возможность переносить сроки плановых госпитализаций и операций. Во многих регионах страны была приостановлена плановая госпитализация, вводили запрет на плановую медицинскую помощь взрослому населению в амбулаторных условиях [17; 18].

Эффективность, устойчивость системы здравоохранения ослабла из-за необходимости в сжатые сроки предоставлять помощь больным COVID-19 и одновременно оказывать другие медицинские услуги. Данный опыт сигнализирует нам о необходимости обеспечения всеобщего доступа к медицинским услугам и в период действия чрезвычайного законодательства. Четко действующий механизм оказания медицинских услуг при введении чрезвычайного законодательства будет способствовать повышению готовности к пандемиям и принятию превентивных мер.

Социальная роль государства в период действия чрезвычайного законодательства представляет собой деятельность, направленную на обеспечение условий, необходимых для сохранения жизни и поддержания здоровья граждан. Для своевременного удовлетворения основных потребностей населения, пострадавшего при военных конфликтах, а также при чрезвычайных ситуациях разработаны Методические рекомендации по организации первоочередного жизнеобеспечения населения в чрезвычайных ситуациях и работы пунктов временного размещения пострадавшего населения [19].

Статья 37 Конституции РФ гарантирует право граждан на защиту от безработицы. Закон от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации» также предусматривает право на труд и социальную защиту от безработицы, которое реализуется органами службы занятости населения» [20]. Отсутствие эффективных механизмов реагирования в области трудовых прав в чрезвычайных ситуациях привело к проблемам в части соблюдения трудовых прав граждан, в том числе сокращению зарплат и численности сотрудников на предприятиях, закрытых в разгар пандемии. В трудовых отношениях возникла ситуация, которая ранее не имела аналогов. В связи с этим мы столкнулись с необходимостью разработки трудового законодательства чрезвычайного характера.

Исходя из интересов работодателя, законодатель предусмотрел в Трудовом кодексе РФ [21] право расторгнуть трудовой договор в случае невозможности продолжения трудовых отношений при наступлении чрезвычайной ситуации. При введении чрезвычайного или военного положения экономическая деятельность приостанавливается, как и в случае эпидемии.

В некоторых субъектах РФ был введен режим повышенной готовности, а распространение COVID-19 признано обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором) [22]. Однако сегодня сформирована единообразная судебная практика [23], которая не признает введение режима повышенной готовности в ряде регионов чрезвычайным обстоятельством (форс-мажором), ссылаясь на то, что режим чрезвычайной ситуации никто не вводил, эпидемию официально не объявляли.

Чтобы сохранить какие-то рабочие места, многие работодатели готовы были начать процедуру сокращения штата, несмотря на ужесточение со стороны контролирующих надзорных органов. В данной ситуации существуют организационные сложности, связанные с проведением процедуры сокращения численности сотрудников. Механизм проведения сокращения усложнен. В итоге возникла ситуация, когда процедура сокращения продолжается дольше, чем ограничительные меры.

Помимо этого, при проведении процедуры сокращения штата работник, в отношении которого принято решение о сокращении, получает выходное пособие за два месяца после увольнения. В связи с пандемийными ограничениями предпринимательская деятельность была ограничена, поэтому баланс интересов сторон трудового договора в данных условиях не соблюден. На наш взгляд, необходимо в чрезвычайном законодательстве предусмотреть упрощенную процедуру регистрации безработных, а также увеличить выплату пособий. В целях урегулирования этого вопроса 8 апреля 2020 г. Правительством РФ приняты постановления, устанавливающие временные правила регистрации граждан при поиске подходящей работы, в том числе предусматривающие дополнительные социальные выплаты гражданам, оставшимся без работы в данный период [24].

Из-за необходимости в самоизоляции для предотвращения дальнейшего распространения инфекции с 1 января 2021 г. Федеральным законом № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы» от 8 декабря 2020 г. [25] внесены изменения в трудовое законодательство в аспекте совершенствования правового регулирования дистанционной работы. Значимым новшеством стали нормы, регулирующие порядок временного перевода по инициативе работодателя на дистанционную работу в чрезвычайных ситуациях. Согласие работника относительно перевода на дистанционную работу в указанных ситуациях, как и внесение изменений в трудовой договор, не требуется.

Однако наблюдается острая необходимость вносить поправки в действующее трудовое законодательство, регулирующее документооборот и локальные документы, которые будут оформляться в режиме онлайн. В России все еще продолжается эксперимент по введению нового электронного документооборота [26]. В дополнительной доработке нуждаются вопросы рабочего времени и времени отдыха, что в регулировании на практике оказалось сложнее. Существенными остаются вопросы о контроле качества труда и процедур наложения дисциплинарного взыскания.

При введении чрезвычайного и военного положения федеральное законодательство предусматривает ограничение свободы печати и введение контроля за СМИ путем введения предварительной цензуры с указанием условий и порядка

ее осуществления. В Федеральном законе № 149-ФЗ от 21 декабря 1994 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [27] определен перечень видов информации, к которой не может быть ограничен доступ, порядок и условия доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

Административная ответственность за сокрытие или искажение экологической информации наступает в соответствии со ст. 8.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях [28]. Статьями 140 и 237 Уголовного кодекса (УК) РФ [29] предусмотрена ответственность за неправомерный отказ должностного лица в предоставлении собранных в установленном порядке документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо предоставление гражданину неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан. Статья 237 УК РФ устанавливает ответственность за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей.

Сегодня наблюдается стремительное распространение ложной информации в СМИ и через сеть Интернет, что также оказывает влияние на общественную безопасность. Под заведомо ложной информацией следует понимать сведения, не соответствующие действительности, о чем распространяющему их лицу было известно [30]. В чрезвычайных ситуациях точной информации может не быть даже у компетентных государственных органов, и мы сталкиваемся с вопросом о сложности при оценке достоверности такой информации, что может повлечь за собой нарушение конституционных прав граждан на свободу ее получения и распространения.

Обратим внимание на то, что Федеральным законом от 1 апреля 2020 № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» УК РФ дополнен новой статьей, предусматривающей уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан [31]. Ситуация, связанная с привлечением к административной и уголовной ответственности, осложнена отсутствием сформировавшейся судебной практики относительно исследуемого вопроса, что дает возможность правоохранительным органам толковать законодательство в своих интересах. Ряд вопросов о привлечении к административной и уголовной ответственности в чрезвычайных условиях требуют детальной научной проработки с учетом правоприменительной и судебной практики.

С юридической точки зрения упомянутые выше изменения являются весомыми, поскольку напрямую затрагивают конституционные права и свободы граждан РФ. Сегодня, во время борьбы с последствиями пандемии, существуют все условия для исследования проблемных аспектов правового регулирования организационно-правовой деятельности учреждений и органов, обязанных осуществлять специальные виды деятельности в период действия специальных (экстраординарных) режимов. Административно-правовые режимы регулируются множеством нормативно-правовых актов, разных по юридической силе.

Безусловно, большую роль в государственном управлении играют организационные гарантии, выраженные в организации структуры органов исполнительной власти. Не менее значимым аспектом для обеспечения законности является состояние законодательства, соблюдение его субъектами государственного управления при осуществлении профессиональной деятельности, пресечение различных нарушений.

Результаты и обсуждение

Обоснована важность введения специальных административно-правовых режимов в экстраординарных ситуациях, для обеспечения порядка, защиты граждан и территориальной целостности страны. Рассмотрены виды административно-правовых режимов, последствия их введения, проблемы ограничения реализации конституционных прав граждан в чрезвычайных условиях. Проведена оценка мер, которые могут быть приняты в экстренных случаях и связаны с ограничением конституционных прав граждан. Определены пробелы в праве, и их требуется устранить. Например, разработать трудовое законодательство чрезвычайного характера. Требуют детальной научной проработки и вопросы о привлечении к административной и уголовной ответственности в чрезвычайных условиях.

Выводы

Юридическая регламентация института чрезвычайной ситуации — это гарантия от произвола со стороны органов государственной власти в чрезвычайных ситуациях. Полагаем, что в данной связи необходимо уточнять законодательную базу для введения различных административно-правовых режимов. Целесообразно создавать прочные правовые условия для предотвращения злоупотреблений властью в ситуации исключительного положения.

Многочисленные нормы чрезвычайного законодательства, имеющие своей целью регулирование отношений по предупреждению и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, затрудняет ситуацию. Очевидной становится необходимость изложить законы таким образом, чтобы к ним не требовалось большого количества подзаконных актов. Это облегчило бы понимание и применение вынужденных мер в экстренных ситуациях.

При исследовании особенностей функционирования органов государственного управления в сфере обеспечения общественной безопасности в условиях действия специальных административно-правовых режимов появляется возможность выявления наиболее важных проблем их деятельности. Не менее существенным, на наш взгляд, является изучение зарубежного опыта государственного управления в сфере обеспечения общественной безопасности.

Список источников

1. О чрезвычайном положении: федер. конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
2. О военном положении: федер. конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 01.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
3. О противодействии терроризму: федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 26.05.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.
4. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федер. закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 1 июля 2020 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.
6. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней: указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 13. Ст. 1898.

7. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2082.
8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: федер. закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2028.
9. Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 11 мая 2020 г. № 316 // Собрание законодательства РФ. 2020. № 20. Ст. 3157.
10. *Портнова А. А.* Некоторые правонарушения, совершаемые в условиях распространения пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 // Правовое поведение: классические и современные модели: сборник науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: Саратовский источник, 2022. С. 148–152.
11. Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для въезда граждан на территорию Тульской области и выезда граждан за ее территорию в период действия дополнительных мер по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Тульской области: постановление правительства Тульской области от 28 апреля 2020 г. № 195 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/tula/1364934/> (дата обращения: 29.03.2022).
12. Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории Владимирской области в период действия режима повышенной готовности: постановление администрации Владимирской области от 28 апреля 2020 г. № 255 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020025> (дата обращения: 27.03.2022).
13. О внедрении и использовании цифровых пропусков для передвижения в период действия режима повышенной готовности на территории Забайкальского края: постановление губернатора Забайкальского края от 30 апреля 2020 г. № 45 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7500202004300012> (дата обращения: 28.03.2022).
14. Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором: справочная информация // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349932/ (дата обращения: 28.03.2022).
15. Власти Москвы подтвердили утечку персональных данных москвичей, переболевших COVID-19 // ТАСС. 2020. 9 декабря. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10212281> (дата обращения: 21.03.2022).
16. О временном порядке организации работы медицинских организаций в целях реализации мер по профилактике и снижению рисков распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 (с изм. и доп., вступ. в силу с 15 марта 2022 г.): приказ Минздрава России от 19 марта 2020 г. № 198н (в ред. от 04.02.2022) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348101/ (дата обращения: 28.03.2022).
17. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Ростовской области в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19): постановление Правительства Ростовской области от 5 апреля 2020 г. № 272 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/19644280/> (дата обращения: 27.03.2022).
18. О дополнительных мерах по снижению рисков распространения нового штамма вируса SARS-CoV-2 «Омикрон» в Санкт-Петербурге (в ред. от 16.02.2022): постановление Главного государственного санитарного врача по Санкт-Петербургу от 21 января 2022 г. № 1 // Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/peter/1525536/> (дата обращения: 28.03.2022).

19. Методические рекомендации по организации первоочередного жизнеобеспечения населения в чрезвычайных ситуациях и работы пунктов временного размещения пострадавшего населения: утв. МЧС России 20 августа 2020 г. № 2-4-71-18-11 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365189/ (дата обращения: 22.03.2022).
20. О занятости населения в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2022 г.): закон РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 (в ред. от 19.11.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1915.
21. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
22. Коронавирус (COVID-19). Ограничения передвижения и обязательная вакцинация в субъектах Российской Федерации: справочная информация // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351205/ (дата обращения: 27.03.2022).
23. Решение Видновского городского суда Московской области от 26 мая 2020 г. по делу № 2-3066/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 20.03.2022).
24. Об утверждении Временных правил регистрации граждан в целях поиска подходящей работы и в качестве безработных, а также осуществлении социальных выплат гражданам, признанным в установленном порядке безработными: постановление Правительства РФ от 8 апреля 2020 г. № 460 (в ред. от 02.11.2021) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 15 (ч. IV). Ст. 2311.
25. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях: федер. закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8052.
26. О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой: федер. закон от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ (в ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2700.
27. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
28. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 06.03.2022) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
29. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 09.03.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 17 марта 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
30. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.
31. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 1 апреля 2020 г. № 100-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 14 (ч. I). Ст. 2030.

Информация об авторах

А. А. Портнова — аспирант кафедры административного права и процесса; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;

Н. В. Орлова — аспирант кафедры конституционного и международного права; 190103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44а;
SPIN-код 7763-6535.

Information about the authors

A. A. Portnova — postgraduate student of the Department of Administrative Law and Process; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia;

N. V. Orlova — postgraduate student of the Department of Constitutional and International Law; 44A Lermontovskiy Ave., St. Petersburg 190103, Russia; SPIN-code 7763-6535.

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest related to the publication of this article.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 24.06.2022.

The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 24.06.2022.

Требования к оформлению рукописей статей, публикуемых в научном журнале «Социология и право»

1. Рукопись должна содержать:

- 1.1. ФИО автора(-ов) на русском и английском языках.
- 1.2. Название статьи на русском и английском языках.
- 1.3. Аннотацию объемом в 6–8 предложений.
- 1.4. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний), разделенные запятой.
- 1.5. Библиографический индекс УДК.
- 1.6. Сведения об авторе(-ах): место работы (учебы для аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса, включая индекс, адрес электронной почты и ORCID id автора (при наличии); ученая степень, ученое звание, должность, почетное звание.

1.7. Список литературы (иных источников).

2. Оформление текста статьи

2.1. Объем рукописи должен составлять от 0,4 до 1 авторского листа (1 а. л. включает в себя 40 000 знаков с пробелами).

2.2. Текст рукописи должен быть подготовлен средствами MS Word. Параметры документа:

- размер страницы — А4;
- поля — по 2 см;
- шрифт — Times New Roman;
- размер (кегель) — 14;
- междустрочный интервал — полуторный;
- абзацный отступ — 1 см;
- выравнивание текста абзаца — по ширине;
- нумерация страниц — внизу справа.

2.3. Над каждой таблицей следует помещать ее заголовок, например: *Таблица 1. Сравнительный анализ*. В тексте статьи необходимо приводить ссылку на каждую таблицу.

2.4. Формулы набираются с использованием программы MathType. Формулы в статье следует нумеровать сквозной нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках в крайнем правом положении на строке. Ссылки в тексте на порядковые номера формул также даются в скобках.

3. Библиографический аппарат

3.1. Список литературы (иных источников) приводится в конце статьи. В список включаются только те источники, на которые даны ссылки в статье. В тексте номер источника в списке указывается в квадратных скобках, через запятую — номер(-а) страницы, промежуток страниц приводится через тире, например: [4, с. 112], [5, с. 63, 67], [9, с. 45–47].

3.2. В списке литературы для каждого источника необходимо указывать объем в страницах. Для публикаций в газете, журнале, сборнике указывается через тире занимаемый ею интервал страниц. Для отдельных изданий (монографии, учебника и т. д.) указывается общее число страниц.

4. Иллюстрации

4.1. Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы, рисунки) необходимо вставить в текст после первого упоминания, снабдить номером и названием, например: Рис. 1. Распределение миграционного потока в развивающихся странах. В тексте статьи должна быть ссылка на каждый рисунок, например (рис. 5).

4.2. Иллюстрации, созданные в программах MS Word и MS Excel и вставленные в текст, должны сохранять возможность их редактирования (изменения шрифта надписей, цвета и размера элементов и пр.). Иллюстрации, созданные в других программах, заимствованные из сети Интернет или сканированные, помимо вставки в текст, прилагаются к статье отдельными файлами в том формате, в котором были созданы или скачаны (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr и др.).

4.3. Размер исходного изображения должен быть не меньше публикуемого в статье.

4.4. Рекомендованное количество иллюстраций в одной статье — не более трех.

The Basic Requirements to script submissions for publishers of ‘Sociology and Law’

1. Contents

- 1.1. Author’s full name in Russian and in English.
- 1.2. The headline of the article in Russian and in English.
- 1.3. Summary (6–8 sentences).
- 1.4. List of keywords (5–7 words and phrases separated by semicolon).
- 1.5. Bibliographic UDC identifier.
- 1.6. Information about the author(s): office address with zip code (or place of studies for post-graduate students), e-mail, ORCID id, degree, academic rank, position and honors.
- 1.7. List of references.

2. Text layout

2.1. The size should not be less than 0.4 and not more than 1 author’s sheet (1 author’s sheet includes 40,000 typographical units with gaps).

2.2. The text should be MS Word format:

- page size — A4;
- borders — 2 cm;
- type — Times New Roman;
- size — 14;
- line space — 1,5;
- paragraph indention — 1 cm;
- text alignment — edgewise;
- page numbering — at the right bottom of the page.

2.3. Every table should have a heading. Ex.: *Table 1. Comparative analysis*. There should be references for every table in the text.

2.4. For formulae please use MathType. The formulae in the article should be continuously numbered with Arabic figures in parentheses at the far right of the line. The references for the ordinal number of the formulae should also be in parentheses.

3. References

3.1. List of references should be positioned at the very end of the article. The list should contain only those sources which are mentioned in the article. In the text the number of the source should be given in square brackets, the page number should be indicated using comas and dashes. Ex.: [4, p. 112], [5, p. 63, 67], [9, p. 45–47].

3.2. The page size should be given for every publication mentioned in the text. In case you refer to magazine, newspaper or digest you should indicate the page number(s) and the full number of pages in case of monograph, textbook or any other publication.

4. Graphics

4.1. All the pictures, diagrams, tables and schedules should be positioned exactly in place they are being mentioned in the article with the number and the heading. Ex.: Pic. 1. The distribution of migration flow in developing countries. There should be references for every picture in the text. Ex.: (pic. 5).

4.2. It should be possible to redact Illustrations from MS Word и MS Exel inserted in the text (to change the type and size, colour, etc.) Illustrations copied from Internet as well as scanned should be placed in the text as well as sent separately in attached file using original format (jpg, tif, pdf, psd, indd, ai, cdr, etc.).

4.3. The size of illustrations shouldn’t be less than published in the article.

4.4. The recommended number of illustrations used in the article — not more than 3.

